

**Алексей ГЛУШАНОВСКИЙ Владимир ЗАДОРОВЫЙ
Станислав ЛАБУНСКИЙ Владислав МАЛЫШЕВ Никита
МИЩЕНКО Яна САУШИНА
В начале пути. Сборник рассказов**

Сборник рассказов

фан-серия

СТАЛКЕР

В НАЧАЛЕ ПУТИ

Аннотация

*Новый взгляд на Чернобыльскую Зону заинтересует всех.
Тайны наемников, Зона как убежище и родной дом, или стартовая площадка для дальнейших действий. Хочешь не зря провести вечер?
Листай, скучно не будет.*

Станислав ЛАБУНСКИЙ

Непыльная работа

- Сидите спокойно, бродяги Зоны, не напрягайтесь. Я хоть и в форме, но просто так здесь иду, по своим делам. Мне до вас интереса нет. Посижу, передохну и дальше двинусь. Тяжко в разгрузочном жилете без перерыва шагать. Он сам пять кг весом, да груза пуд. Полгода по контракту по Зоне мотался, через день на ремень, одно хорошо – здесь день за шесть идет и потолок у должностей с запасом. Контракт подписал, сразу тебе звезды лейтенантские на погоны падают. Командиром «двойки» стал, сразу следующее звание. По выслуге лет через пять месяцев, что здесь за три года считаются, уже капитан. А потом мы с «Черным Солнцем» сцепились. Помните, наверное, эту историю. Прошлись они по Зоне походом, все вздрогнули. Даже «Долг» опять со «Свободой» резаться перестал. Их живой бог на север ушел, в болота. И мы за ним. Жуткое дело было. Две деревни им на пути попались. Немало я в жизни видел, ничем меня не удивишь, ни дерьмом, ни кровью, но во второй раз я бы туда не зашел. Ни за что.

Вот тогда-то мне и предложило высокое начальство непыльную работу. Правда, за Периметром, но выслугу оставили боевую, особой сложности – год за шесть. И расти хоть до полковника, место позволяет. Стал я инспектором СБ Гвардии.

А что, должен же кто-то и в службе безопасности работать?

У нас просто так деньгами не разбрасываются. Пришел на работу – так трудись. Еще на представление к руководству иду, мне уже задание скинули. Принимай для проверки городскую таможню. Делай из них достойных людей, пока они больше на быдло похожи. Начальник Управления на меня посмотрел, улыбнулся, все, что я и так знал, еще раз вслух повторил: о чести офицерской, о традициях Гвардии, спросил, как у меня с жильем. Нормально, отвечаю. Найду уж где-нибудь диванчик в таможне, про себя думаю. Если ты думаешь, что я буду время на дорогу тратить – то ты не угадал, брат храбрец. Буду из подчиненных выращивать честных служаек, а это без постоянного контроля не получится.

Выхожу из парадного подъезда, а тут, откуда ни возьмись, черная кошка мне под ноги. Сразу споткнулся.

Непросто объяснить возникшую в сознании паутину. Она была вуалью на мире. Завеса, ставшая прозрачной. А под ней было все связано воедино: металлический звон трамвая, несчастная любовь и литература классиков, вечный призрак войны и несколько жалких своей обреченной ограниченностью знакомых студентов, аромат кофе и выпечки из кондитерской на углу – за любую деталь цепляется весь мир, и эти связи расцепить невозможно, потому что все едино и определяет одно другое.

И в этом были неведомые, справедливые и жестокие законы всеобщей зависимости и некий высший Закон всеобщего единства.

И однажды ты поймешь надежду изначального импульса всех суеверий и примет, амулетов и гаданий, вер и религий. Через одно, открытое тебе, провидеть и постичь другое – связанное с первым непостижимой тайной, но неразрывной связью!

Судьба через звезды, военный поход по полету птиц и любовь по выпавшей карте.

Что-то до меня дошло. Еще не до ума. Но уже до нутра, которое шевельнулось и забеспокоилось.

Что бы ты ни делал – ты задеваешь глубинную сущность Бытия. И если ты не выкладываешься полностью, тогда ты превращаешься в жалкого шарлатана. И становишься на одну доску с толпой и ее ничтожными кумирами, унижая тем самым свое природное начало. Некоторые называют его душой. В богов мне верить не с чего, поэтому я предпочитаю оперировать родными понятиями – офицерской чести и добросовестного выполнения служебного долга.

От машины я отказался. Тут рядом, сам дойду, на город посмотрю. Вон, какие девушки мимо ходят. Почти голые. Эх, интересно, смелость в одежде автоматически подразумевает смелость в поведении?

Минут через двадцать до таможни добрался. Пристроился к группе с бумагами и внутрь просочился.

- У меня фрукты испортятся, - негромко убеждал паренька водитель в потертой куртке. – А денег у меня нет, на дороге все, что было, сняли.

- А я что могу сделать, правила для всех одни, - говорил правильные слова таможенник.

Водитель до края дошел. Сейчас он ему в висок звезданет мозолистой рукой, а потом сядет на машинку и по двору покатается. И я его прекрасно понимаю, кстати.

- Эй, – говорю, - я за него заплачу. Оформляй ему разгрузку вне очереди.

И для полной ясности жетон СБ с золотым трезубцем показываю.

Паренька как ветром сдуло, остались мы с шофером одни.

- Спасибо, только нечего мне вам сказать, - он замялся.

- Ты думаешь, что мне что-то узнать надо? – веселюсь откровенно, забавляюсь. – Да ты, дядя, с ума сошел. Тебе просто помогли в трудный час. А у меня чутье такое, что стукачи мне без надобности. Вон в той зеленой фуре кокаин лежит в бензобаке. В машине с желтой надписью коньяк в коробках вместо молочной смеси. Я свои погоны в Зоне честно заработал, а не на базаре купил, а там без нюха нельзя. Иди к машине, не думай обо всех плохо. Кстати, тут скоро будет намного лучше. Или нет, но тогда все будет значительно хуже.

Иду через двор, жетон СБ в карман не убираю, вопросов меньше будет, болтается он на цепочке рядом с орденой колодкой и передо мной все исчезают. *Что ж, перед нами все цветет, за нами все горит, не надо думать, с нами тот, кто все за нас решит.* В глубине здания выстрел глухо стукнул. Ага, кто-то от вопросов неприятных ушел, думаю я. Причем далеко, оттуда не вернешь. Заместитель начальника отдела транзитных перевозок таким образом в отставку ушел. Вот его освободившийся кабинет я и займу. Буду там работать и жить. Вынесли покойничка, документы из сейфа на уже мой стол выложили, двое их разбирают и сканируют, мне только и дел, что за ними приглядывать, чтобы ничего не пропустили. Тут у старшего канцеляриста рука дрогнула, понял он, в чем суть вопроса.

- Со мной поделиться догадками не желаете? – спрашиваю вежливо.

- Судя по бумагам, покойный лично курировал таможенный терминал «Раздольное». Особенное внимание он уделял прохождению машин Тегеран – Прага, сам документы оформлял, даже на досмотр.

Тоже мне, бином Ньютона, наркотрафик мы накрыли.

- Когда следующая машина? – спрашиваю.

- Документы отправлены с курьером полчаса назад, сейчас будет с площадки транзитных грузов уходить, - слышу в ответ.

Этаж тут всего второй, прыгнул я прямо в окно, стеклопакет вынес напрочь.

- Эй, - кричу, - водила, машину и груз покупаю по любой цене, завтра новую получишь, какую захочешь выберешь. Садись за руль, будем геройствовать.

Одно хорошо, у него тоже чутье было. Понял он, не время сейчас для объяснений. Выехали мы на кольцо, а там уже эскорт к тягачу пристраивается, одна легковая машина вперед уходит на разведку, позади микроавтобус пристраивается и вторая легковушка – основная охрана.

- Тарань этих, дави в лепешку, и тягач сталкивай в кювет. Я отвечаю за все, - говорю.

Поверил мне дядька, колодке из трех орденой планок и жетону золотому, и нажал на газ. Машинки под нашими колесами хрупнули, словно пустые пивные банки. Тягач начал было скорость набирать, но не успел, въехали мы ему в бочину. И повело его прямо в кювет. Качнулся, лег на бок. Все – без крана не поднять. А передовое охранение дальше ближайшего поста не уедет. Я же на постоянной связи с центром, уже во всем районе дороги перекрываются, тревога - код «красный».

А передовой дозор убежать не думает. Разворачиваются, и обратно. Ладно, посмотрим, что они затеяли, времени у них минуты три.

Двери раскрыли, один коробки наружу выкидывает, второй их со скоростью работа-упаковщика в машину кидает, а третий не торопясь подошел к кабине тягача, посмотрел на водителей, головой покачал сожалеющее и пристрелил их. И к нам направился. Пистолет не

убирает, «Магnum» у него, тридцать второго калибра. Не кино, не нужен ему сорок пятый, убить и из этого можно, а прятать легче, и отдача руку не выворачивает. Наш человек – убийца-профессионал, только играет за чужую команду.

Водила мой из-под сиденья монтировку, улыбаясь, тянет. Боец, однако. Неправильный этот мир, – где люди занимаются не своим делом. Здесь все твое, здесь все для тебя, возьми все сам, ведь так сказал Джа, так сказал Джа. Стрелок был метрах в десяти, когда я выпрыгнул из машины. Для человека он был невероятно быстр, – он даже почти успел поднять пистолет, только я-то не человек. Медленно-медленно его рука поднималась вверх, а мои зубы уже сомкнулись на его кисти. А когда в пасти кровь, налет цивилизации с черномыльского пса сразу слетает, и мы просто начинаем убивать все, что шевелится. Когда я из машины вышел, вертолет с резервной группой поддержки уже приземлился, экспертов откуда-то взялась целая толпа, и начальник Управления прибыл на место происшествия.

Подхожу к водиле, морда в крови, шерсть на груди слиплась.

- Можешь называть меня Диком, - говорю.

- А меня Данилой кличут, - отвечает.

Вот и познакомились.

- Что теперь будет? – спрашивает.

- Заметка в газете, а тебе постараюсь медаль оформить. За содействие Службе.

- Медаль – это хорошо. Только лучше бы такую бумагу, чтобы ни одна сволочь из дорожной полиции к моей машине даже близко не подходила, - вздыхает он мечтательно.

И тут меня словно черт за язык дернул.

- Наведу в таможне порядок, займемся дорожной полицией.

А у черномыльского пса кроме честного слова и нет ничего. Ну, и счета в банке. Поэтому в следующий понедельник я выхожу на работу в областное управление дорожной полиции. И хотя работа тоже явно не пыльная, я бы очень хотел, чтобы кто-то надежный прикрыл мне спину. Поэтому дорога моя снова пришла за Периметр. Хватит тут развлекаться. За речкой очень много работы для черномыльских псов и людей, умеющих стрелять.

Черномыльский мизер

Я один из самых счастливых людей на планете Земля. Делаю, что хочу, у меня есть друзья и враги, они придают моей жизни смысл и развлекают. В мире известен как известный ученый-экспериментатор. Начинать я как историк, потом увлекся фактором предопределенности в истории, ушел в теорию вероятностей и теорию игр. Рулетка достаточно хорошо изучена, поэтому мне стали интересны карты. Теория без практики мертва, и вот уже около трех лет моя фамилия числится в списке ста лучших игроков мира. В середине...

Играю во все. Предпочитаю покер - он меня кормит, преферанс - тренирует мозг, и деберц – за невероятные расклады. Играю не жестко, в уплату долгов беру все, что дают. У меня есть островок в Арктике, вам не нужен? Могу подарить.

На той неделе обо мне вспомнил один старый недруг. Я его раз пять уже обыгрывал до нитки, но ему все нейдет. Опять приглашение прислал. Понятно, что задумали они какую-то каверзу, но что именно?

Профессиональный игрок перед, во время и после партии из чужих рук не ест и не пьет. Иначе он просто дурачок уездный. При современном развитии химии проще сразу все деньги раздать, их и так и эдак не будет, зато здоровье сохранится.

Сел я в Киеве в присланную за мной машину и поехал в военный городок Чернобыль-4, где мой партнер по игре возглавлял какую-то снабженческую службу. Условия были заранее обговорены, и никаких неожиданностей не ожидалось. Кроме одной. Какую пакость они задумали? Крапленые карты? Даже не смешно. Еду просто забирать у самонадеянных осликов лишние деньги. Откинулся на сидение и уснул.

Приехал, поздоровался, от угощения, мило улыбнувшись, отказался. Со вчерашнего дня сыт безмерно. Разгрузочный день. Двенадцать часов игры. Три партии по сорок в поле, по жестким ленинградским правилам – вист и гора вдвойне. Не выполняешь взятых в игре обязательств – плати.

Четыре бюрократа, с делами кончив свято, играть засели в винт. Колоду с треском вскрыли, мелочком расчертили на картах лабиринт...

Сто лет этому незатейливому стиху, но суть он отражает точно. По вторникам и пятницам господа офицеры играли в штос у кавалергарда Нарышкина...

И сразу тебе все ясно. Гвардия по мелочи играть не будет, имения проигрывались и выигрывались, на руку нечистый поэт Некрасов за карточным столом себе деревеньку с крепостными добыл, а потом написал: «Кому на Руси жить хорошо?».

Да как всегда, пацанам рисковым.... А мужицкое дело пахать и в говне ковыряться.

У нас ставки более умеренные, но при удаче я к утру тысяч двадцать с этой парочки поимею.

Игра сразу пошла жесткая – противники подыгрывали друг другу грубо и очевидно. Меня это забавляло. Рвал и играющего, и вистующего. По итогам первой партии я с них восемь тысяч снял. Поморщились, но не запаниковали. Странно. Значит, их сюрприз еще впереди.

Во вторую они явно меня просто выматывали, тянули время и пытались проиграть как можно меньше. Тревога начинала овладевать моим сердцем. Предложили обед. Отказался. Народ с аппетитом откушал. Я лицом не дрогнул, но душой ожесточился. И начал играть. Из ста двадцати очков в поле девяносто восемь сам закрыл. Еще десять тысяч.

Третья партия. С места рву. За полчаса, не дав им рта раскрыть, полтинник нарисовал. Два мизера, ряд игр по семь взят, девять крестей, восемь без козыря на своем ходу с подсадом вистующего, колоду снял, их раздача, и тут меня повело. На долю секунды выпал из мира. Сдающий карты еще у груди держал, а сейчас уже вторую пару сдает. Четвертая пара – прикуп. Железный закон преферанса. Вот он – первый звоночек часов вечности. Сыпались песчинки и стали камнями в почках. Так неожиданно ты понимаешь, что молодость уходит. Моя самая длинная партия длилась трое суток. Часами распасы крутили, впору было уже перчатки одевать, чтобы руки картами не намозолить, а тут десять часов – и выдохся. Укатали сивку крутые горки.

Поднимаю карты и замираю. Восемь пик – вся масть от туза до семерки и две красные восьмерки. Или игра на восемь, или мизер почти чистый с руки.

Или засада на меня, в которую я влип. Заменяли колоду заранее сложенной копией и сдали. Тогда я из реальности не выпадал, а меня выбили. На хитрую гайку есть болт с резьбой, лежит в кармане включенный компактный компьютер, но ведь сейчас его не достанешь, запись смотреть, неудобно и некрасиво.

Вероятность такой сдачи – одна из ста тысяч. Это я вам авторитетно заявляю, как специалист.

В прикупе – две трефы, валет с дамой, это гадать не надо. У каждого из этих орлов полная красная масть на руках без восьмерок, что у меня и по три оставшихся трефы. Объявляю мизер, – и они мне всовывают все десять взят. Запись этой партии войдет во все курсы – как нельзя играть в преферанс. А мы станем легендой, только я в ней буду Иванушкой-дурачком. Причем натуральным.

Итак. Можно просто промолчать. И тогда, когда они или пойдут на вторую попытку, или просто будут сдавать себе, что захотят.... Как они сжульничали?

Я сразу проиграю шестьдесят тысяч. Зарплата доцента кафедры за два года. Квартира в Берлине. Две хорошие машины. Просто – приличная сумма денег.

Проиграл я и шмотки и сменку, сахарок за два года вперед, и сижу я на нарах, обнявши коленки – мне ведь не в чем идти на развод. Юз Алешковский, кто не знает.

Ну, твари, вы встретили своего динозавра! Здравствуйте, меня зовут Смерть! Мы с тобой говорим на одном языке.

Надо понять, у ходящего на руках семь червей или бубен. Я ведь тоже на подлые приемчики способен. Положил карты на стол, стал по карманам шариться, все из них выкладывав. И никелированный портсигар в том числе. Фляжку на пинту достал, глоточек сделал, а в портсигаре сердечко отразилось. Гляжу в тебя, как в зеркало...

Убрал все быстро, пока не въехали два педераста, что их только что грубо поимели.

- Мизер, - говорю робко.

Тут мне прикуп и отдали. Ошибся – не валет с дамой, дама с десяткой там были.

Что, в общем, несущественно. Я их бесстрастно взял, две карты снес, стаканом к столу прижал. Для надежности.

Вскрылись эти шулера, радостно заохали и с семерки червовой зашли.

Я на нее даму крестовую и снес. И остальные карты раскрыл, один черт, у них переход на ту сторону только в трефы, а я на них восьмерку бубен сношу и останусь с неловленной мастью пик.

- Позвольте записать еще червончик в поле, господа, - говорю очень ровно.

За час все сто двадцать закрыл, не умолкая. Меня за такую манеру игры так и зовут – Неугомонный. Они на автопилоте платежи произвели.

- Спасибо, - говорю, - господа, получил незабываемое удовольствие от общения. Будут лишние деньги – звоните, пишите, непременно приеду, заберу.

И пошел в столовую – почти сутки голодом.

Зашел в кабинку туалета, компьютер достал, запись прослушал.

«Да не торопись ты, две минуты у нас есть. Надежный артефакт, ничего человек не помнит. Его так и называют – Морская фигура, замри. Все, плакала его слава вместе с денежками».

Ага, вот вы как, артефактами игру поправляете. Понятненько.

Я к чему это все рассказываю? Проблема у меня. С парнями в карауле я договорился, что через два часа они меня обратно пропустят. Помогите мне по-быстрому от двух трупов избавиться надежно, заплачу, сколько скажешь. Ты ведь тоже с судьбой играешь, брат сталкер, а игроки должны помогать друг другу...

Колодец без маятника

Не знаю, заметили ли вы, милостивые государи, что стоит только слегка расслабиться, отвести свой взор от ведущей тебя вдаль тропы, обратить свой взгляд на прелести окружающей тебя природы, как сразу на вашу судьбу начинают влиять различные случайности, по большей части роковые?

Будучи одним из представителей проклятого в древности рода Ашеров, мой далекий прадед решил покинуть свою родину и поселиться в месте, настолько нецивилизованном и диком, чтобы тяготы проживания в нем с лихвой перекрывали последствия старого заклинания. Естественно, выбор его пал на Россию. Переделав нашу фамилию на местный лад, мы стали писаться – Ашеровы. Здесь жизнь была настолько насыщена трагическими обстоятельствами, что предание о семейной тайне всех просто веселило в минуты затруднений.

В сорок первом году многие Ашеровы погибли, но вместе со всей кадровой Красной Армией. Умерла в блокадном Ленинграде петербургская ветвь семьи, но тоже в компании полумиллиона местных жителей. Сгорел под Прохоровкой в танке дедушка Порфирий, так там осталась почти вся армия Ротмистрова. В этой стране все так жили и умирали. Наверное, она вся была когда-то проклята.

Не удивительно, что свое тридцатилетие я встретил в Чернобыльской Зоне Отчуждения. Здесь мое родовое проклятие было мелкой угревой сыпью на руке прокаженного. Люди тут умирали каждый день, и каждый встреченный тобой рассвет расценивался как явный признак благожелательности к тебе Темной Звезды и Черного Сталкера. Дела мои шли замечательно, ведь я все еще был жив. За два года, поднявшись из

конца списка обладателей рейтинга общего канала в середину второй сотни, я уже твердо считался опытным сталкером, почти ветераном. Кое-кто со мной уже советовался, а кто-то пытался привлечь к масштабным проектам, что не находило отклика. Слишком печальные декорации, окружавшие нас, оставил предыдущий грандиозный замысел. Я имею в виду построение социализма в отдельной стране.

Итак, слегка замечтавшись и обратив свой взгляд к небесам, путник, шедший по тропе богатства и славы, был немедленно низвергнут с нее. Глинистая почва, пропитанная влагой после недавнего дождя, выскользнула у меня из-под ног, и я ощутил на себе все прелести свободного полета.

Будучи готов к ежесекундным неприятностям, успел кое-как сгруппироваться. Закрыв голову руками и поджал ноги. А также, на мое счастье, падение произошло не на камень или железо, что здесь было бы весьма вероятно, а в довольно глубокий колодец, метра на полтора заполненный водой. Она-то и послужила амортизационной подушкой, благодаря которой мое приключение не закончилось сразу летальным исходом.

Подняв над головой автомат, стал оценивать обстоятельства, в которых оказался.

Неприглядная ситуация неспешно доходила до моего ошеломленного сознания. Стоя в воде по грудь, я находился в центре бетонного дренажного колодца диаметром около трех метров и высотой около пяти. Если бы не вода на дне, лег бы здесь сразу холодным трупом. И, может быть, это было бы лучше.

Потому что эти пять метров, отделявших меня от поверхности, были идеальной ловушкой для любого человека, в том числе и для меня. Вертикальная бетонная поверхность не оставляла ни малейшей возможности выбраться. Можно было лишь прикидывать, что меня убьет раньше – общее переохлаждение организма или я просто захлебнусь, упав обессиленный в воду? Утешало только одно – мук смерти от жажды испытать не придется.

Положение воистину безвыходное. Все, пора стреляться?

Нет, мы не пасуем перед обстоятельствами. Я эту воду пока за скобки выведу, будем бороться с отвесной стеной.

Пять метров, для наглядности – это третий этаж панельного дома или второй старого, «сталинской» постройки.

К панельному все-таки ближе, потому что стены у него тоже железобетонные. Здешний колодец был сделан из такого же бетона, из какого в тех домах изготовлялись межэтажные перекрытия.

Разные бывают кольца. Бывают обручальные и венчальные, кольца великих магистров и университетские, а мне выпало из арматуры. Только старенькое. Больше четверти века ветшало оно и трескалось от температурной эрозии, водичка, зимой превращавшаяся в лед, тоже не способствовала его, колечка, сохранности. И трещины, змеившиеся повсюду, вселили в горемычное сердце тень надежды.

Одним из моих любимых предметов, с которым я никогда не расстанусь, является военный кастет егерской команды времен второй мировой войны. Великого удобства вещь, в руке лежит настолько удобно, что кажется невесомой. А сила удара такова, что армейскую каску пробивает сразу насквозь. И, одев его на руку, ткнул осторожно по бетону. Крак. Плюх, – отвалился кусок бетона размером в мелкую монетку. Через пять минут в стене уже была выщерблена дыра на уровне полуметра над поверхностью воды. При этом обнажилась ржавая арматура, которая, как известно, представляет собой всего лишь решетку из толстой стальной проволоки.

Я еще немного постучал кастетом и раскрошил бетон вокруг перекрестия двух арматурин. Затем вытащил из штанов брючный ремень, протаскивал его сквозь железо решетки и застегнул пряжку на крайнюю дырку. То есть на ту, которой пользовался бы бегемот, будь у него штаны и ремень. А у меня при такой застежке из ремня получилось нечто вроде «беседки», на которой промышленные альпинисты висят на стенах высоток, промазывая швы и накладывая штукатурку. Надев рюкзак, тощий, но увесистый, набитый, в основном, железом, ухватился за ремень и, поджав ноги, повис на ремне всей тяжестью, убеждаясь, что

тот держит надежно. Вот так, господа присяжные заседатели. Все еще продолжается.

Нашарив под ногами в толще воды обломок железного прута, согнул из него двусторонний крюк. Тоже нужная при подъеме вещь. Пальцы уже сводило, и следовало шевелиться быстрее.

После этого я подтянулся, просунул через ремень одну ногу, а потом еще и плечо продел, сдвинув рюкзачок налево. Еще раз убедился, что ни пряжка не отрывается, ни дырка в ремне не рвется, и стал колотить новую пробоину в бетоне, на полметра выше прежней. Снова доколотил бетон до арматуры, а затем сразу же стал пробивать третью дыру, примерно на одном уровне со второй и довольно близко от нее.

Затем, сняв с пальцев кастет, сунул его в карман, пустил в ход тот самый крюк, сделанный из прутка, зацепившись им за арматуру второй выбоины. После этого, схватившись правой рукой как клещами в эту изогнутую железку, я левой рукой и зубами расстегнул пряжку на ремне и просунул его заостренный конец под арматуру третьей дыры на стене колодца.

Застегнув пряжку снова, опять же левой рукой и при помощи зубов, я забрался в ременную люльку и выбрался из воды. С трудом разогнув пальцы правой руки, посмотрел вверх. Еще шесть-семь таких рывков, и Ашеров вновь будет свободен. Какой молодец, однако, как любил говорить товарищ Сталин перед тем, как кого-нибудь расстрелять. Правой руке, конечно, следовало отдохнуть – натянутые сухожилия ныли, но мне было всегда известно, что лучший отдых – это смена рабочих мышц, и надо просто дать руке поработать в другом режиме. То есть начать колотить четвертую и пятую выбоины...

По такой методике я карабкался по вертикальной стене почти полтора часа. На выходе ощущал себя почти человеком-пауком, только смертельно усталым и слепым. В глаза насыпалась пыль от бетона, и первым делом надо было промыть их искусственной «слезой», специальным средством для очистки зрачка и стекловидного тела.

И только когда я навалился грудью на край колодца, мелькнула мысль о том, что слишком мне сегодня везет. Не к добру это. Упал – не разбился, в воде не замерз и не утонул, в беде – не отчаялся. Автоматный ствол уперся мне прямо в лоб. Думаю – автоматный. Владельцы винтовок – люди обстоятельные и не ленивые, любой бы из них меня пристрелил без разговоров, а потом бы за хабаром неожиданным сам бы в колодец слазил. А этому мокнуть не хотелось.

- Автомат снимай и клади в сторону, и все делай очень медленно, - сказал хриплый голос. – И без глупостей.

- Не могу, руки не шевелятся, - отвечаю ему. – Спаси, браток, сил нет выбраться, а в рюкзаке у меня хабар бесценный, такой раз в жизни выпадает. Почти в самой Припяти я артефакт нашел редкостный – Душа Бенгала, слышал наверняка и цену представляешь. Заберешь, сразу разбогатеешь. Он у меня в специальном контейнере лежит с цифровым замком, так я тебе код скажу. Сними только с меня вещмешок и меня вытащи.

Иногда приходит тебе край, и оружие тогда побоку. У кого характер крепче и мозги хитрее, тот в живых и остается. Я ногами на ременной петле стою, левой рукой в край кольца вцепился, а правая уже как бы соскользнула, как бы бетон ногтями из последних сил царапает. Это ногами по стене цепляю, а на пальцах уже давно кастет надет, потому что будет у меня одна секунда. Наклонится он ко мне, рюкзачок мой походный сдернуть, вот тогда мой миг и настанет. А потом он меня пнет небрежно сапогом в лицо, и кувыркнусь я обратно, а сил на такой подъем у меня уже нет и не будет. И спасти мог только язык гибкий и богатый жизненный опыт. Разбогатеть хотят все.

Схватила за лямку чужая рука, тут я ударил со всей злостью и силой. Хрустом отозвалась вражеская косточка, и свалился незванный гость в болевом шоке. Стоило его добить, но сил уже действительно не было. А ведь до относительно безопасного убежища еще километра три оставалось. Выбрался, отполз подальше, отдышался, согнул ноги и резким толчком спихнул его прямо в колодец. Только вода и булькнула. Вот такой круговорот сталкеров в отдельно взятом кусочке Зоны получился. Выругался я довольно

непристойно, но за ремнем склоняться за край не рискнул, и, подпоясавшись запасными шнурками, отправился в дальнейший путь.

Хорошо, что на нашей планете есть такие страны, где семейные проклятия выглядят забавным анахронизмом. Меня это радует. Хорошо бы встретить кого-то из своих, потомков Влада Цепеша или самого Агасфера. Посидели бы, поговорили.

А что это там мелькает в небе между туч?

Нет, сегодня я больше от дороги отвлекаться не буду.

Карьерный рост

Я всегда знал, что единственная достойная меня работа – это работа диктатора. Нет, я нормальный, это вы сходите к психиатру – проверьтесь. Лишним не будет. У меня этих проверок с десятков наберется. К здоровью будущих офицеров у нас серьезно относятся. А на третьем курсе, на факультативе по стратегическому анализу, я сделал замечательный вывод. У этой страны нет и никогда не было армии... Меня не в то место занесло. Даром здесь свое время трачу. Когда начиналась серьезная заварушка – правители объявляли сбор народного ополчения - всеобщую мобилизацию, говоря современным языком. Эти толпы врага и затаптывали. А армия и флот разбегались, топя попутно корабли и откручивая ценные запчасти у танков. Всегда так было, могу доказать. Вот недавно опять войну прогадили, посмотрел на цифры бюджета маленького пограничного государства и понял – это дань. Вся долбанная армия во главе с Мебельщиком платят контрибуцию батальону «Восток». Ну и пожалуйста, только без меня. Дождался наряда в арсенал, нагреб два рюкзака ценных вещичек, сувениры на память об училище, и свалил. Автомат я тоже себе прихватил. Была мысль одного гада навестить на прощание, но вспомнил его дочку и мимо прошел.

Машину взял на посту дорожной полиции, каждый полицейский неплохую пачку денег намял за смену, тоже изъяс, в рамках борьбы с коррупцией. К утру границу переехал, объяснил пацанам, что надо на свадьбу водки много закупить, а на Украине она дешевле и вкуснее. И попер вперед. Такого нахальства от меня никто не ожидал, и розыск на территории сопредельного государства не объявляли. Так что, до периметра Чернобыльской Зоны Отчуждения я легко добрался.

Из машины, подъехав, кричу:

- Того уроды, что недавно в отпуске подрался, с вещами на выход. Потерпевший умер!

Опустел пост. Нет никого, в тумане исчезли. Нажал на газ и в Зону поехал. А через два дня в «Долге» новый стажер появился. Через месяц уже бойцом стал, а потом и командиром отделения. Строевого, не квада разведки. У тех ребят на Зоне мозги слегка зациклены, в войне они будут к месту, но сами за периметр не пойдут. Только по приказу руководства. Значит, надо иметь право ими командовать.

Тут как раз взводный-2 решил в разведку перейти, к Петренко. Человек пять на его место могли претендовать. И я в самом конце списка, у всех остальных и стаж больше, и заслуг изрядно, только мне ждать особо некогда. Фидель Кастро тоже не древним стариком Кубу захватил, успел мулаточек потискать вволю. И я должен успевать. С кланом «Долг» мы какие-нибудь острова Зеленого Мыса за пять минут захватим. Местным выпивку поставим, через три дня они за нас проголосуют единогласно, как чукчи за Рому. А государственная казна всегда больше, чем личный капитал. Финансиста найдем и заживем как диктаторы, в беззаботной неге и холе. А для тех, кто будет нам мешать, заведу яму с медведем или бассейн с крокодилами. Или все сразу. И концлагерь, чтобы крепче любили. Как товарища Сталина. А пока надо делать первый шаг.

Трое моих коллег, командиров отделений, и лейтенант картограф из штаба. Конкуренты, значит. Ловлю Ежика, команду:

- Стол в баре застолби, будем назначение Егора праздновать.

Денег ему даю. Вот у кого язык словно помело, так это у Ежика. Через десять минут вся база будет в курсе, что Егор уже отмечать новую должность собрался. А моя дорога в

штаб лежит.

- Эй, - прямо с порога заявляю, - Ты долго будешь это терпеть? Иди к Филину и потребуй, чтобы тебя на взвод ставили. Там оклад в три раза выше и место в совете клана. Прояви характер. Давай, тяпни сто грамм для храбрости.

И набулькал ему полный стакан.

- Залпом, - даю ему совет. – И сразу иди. И скажи. Ты офицер, на тебя молодежь равняется типа меня.

Он через минуту прямо во дворе рухнул. Не на это я рассчитывал, но тоже хорошо. Так, сейчас наступает очередь Черниченко Казака. А он на посту.

- Казак, - шепчу, - Лейтенант из штаба на плацу пьяный валяется, перебрал с горя, что мимо взвода пролетел. Что делать-то?

И рот раскрываю, как последний придурок.

- Стой здесь, - Черниченко говорит, и во двор кидается.

Я рогатку из кармана достаю, и гайкой в окно Петренко: «Дзинь...».

Казак летеху тащит, а на них из окна наше недреманное око таращится.

Двое конкурентов долой.

А догадайся, почему у комода-два-один кличка Порох? А, не служил...

Комод – не мебель. Комотд. Командир отделения. Второй взвод, первое отделение. Женька Порох. Все лучшее, что во взводе есть, туда собирают. Они первыми в бой вступают, на острие удара. А если бой не складывается, то держатся до последнего, эвакуацию раненых прикрывают. И такими архаровцами не каждый командовать может.

- Евгений, прошу тебя, сохраняй спокойствие. Ты этого балабола не хуже меня знаешь, еще ничего не решено, давай приказа дождемся, - бормочу успокоительно, а мимо меня уже снайпер-разведчик Игла в двери проскальзывает.

Немного ему времени понадобилось, через минуту влетает обратно.

- Егорушка уже стол накрывает. Опять жополизы братву боевую на поворотах обходят! – обстановочку докладывает.

- Дурак! – заявляю. – Мог бы и промолчать!

Порох мимо меня проносится, а следующему я подножку ставлю.

- Всем сидеть на жопе ровно, сокрушу! Уроды. Из-за гонора пустого, погона офицерского голову потеряли! Как вам не стыдно! Игла, за мной, остальным – генеральная уборка помещения. Выполнять!

Мы из дверей вовремя выскочили. Слаб был Егорушка против Женьки Пороха. Нет, один раз он ему успел вписать, кровь у Пороха из разбитого носа хлестала ручьем, только на боевом духе Евгения это никак не сказывалось.

- За Филином, бегом марш, - командую я.

Игла рванул с места, а мне удалось Пороху за спину зайти. Сбил я его подсечкой, руку на излом взял, и только он собрался в кувырке из захвата уйти, как ременная петля ему кисти стянула. Все, пацан, отпрыгался. И его ремнем Егора вяжу. Филин с дежурным нарядом прилетает, а все уже кончено. Похлопал он меня по плечу, что тут говорить, когда самый молодой комод двух ветеранов пеленает. А я навстречу Ежику иду.

- Ну, брат, тут такие дела, лейтенант напился, Казак с поста ушел, Петренко его застукал, Порох с Егором подрались, короче – кошмар. Встань на пост, а я тебе подмену поищу.

Все, у Ежика память короткая, завтра он уже ничего не вспомнит, а сегодня ему подмены не будет. Ужин принесу, с шоколадкой, пусть будет счастлив.

Зашел я к своим бойцам и за чистку оружия всех засадил. Поэтому когда Петренко с Филином к нам в секцию заглянули, вид у нас был донельзя деловой. Мы польский «Ванад» разбирали для практики. Любовь к оружию у людей в крови, Филин сразу в процесс включился.

- Кого думаешь поставить на свое место, на отделение? – полковник Петренко между делом спрашивает.

- Иглу, - отвечаю без раздумий.

Мне надежные и исполнительные командиры нужны.

- Перерос он уже должность разведчика, - поясняю.

Вечером на общем построении зачитали приказ о моем назначении командиром взвода. Осталось только дожидаться графика отпусков на следующий год, посмотреть, когда все разъедутся по теплым берегам, и скомандовать клану экстренную эвакуацию.

С нашими деньгами с транспортом у нас проблем не будет. Кения или Джакарта? В последний момент я кину монетку.

А жизнь – копейка

Тяжко просыпаться с похмелья. Люди, не пейте - оно того не стоит. А еще эта жуткая вонь из угла. Никогда бы не поверил, что есть на свете такие запахи. Будто кто-то насрал в блевотину. Или блеванул прямо в дерьмо... Да где же я? Надо, наверное, глаза открыть... Шевельнул веками - ничего не изменилось. Так, куда меня в очередной раз занесло? Раз увидеть ничего не получилось, придется подслушивать.

Ходят. Где-то длинный коридор. Далеко. А рядом нет никого. Вероятно, район выгребной ямы. Хотя территория Бара мне известна досконально, кроме участка базы «Долга» - туда посторонним хода нет. Черт, да это же камера! А в «Долге» мелочь по карманам не тырят, медвытрезвителя здесь нет. И если берут клиента под белые руки, то значит, было за что. Месяца два на Баре уже не вешали, завтра с утра будет шоу, и я буду его звездой. Интересно, кого я убил?

Начал себя в крошечной темноте ощупывать. Раздели до рубахи, ремни сняли, шнурки из ботинок вытащили. Ладно, хоть не разули. Тогда шанс еще есть. У меня вместо супинаторов в подошвах заточенные лезвия вставлены. Никогда ведь не знаешь, как фишка на стол ляжет. Сегодня тепло и солнышко светит, а завтра из тучки выпадут осадки. Снег все тихонько украл, сразу стало все пусто. Утром за мной придет дежурная четверка. Легко не дамся, одного прирежу, повезет, так двух. А потом придется умирать. Нулевой вариант. А если удастся выбраться в коридор, а там и во двор, то можно и сбежать. Или у меня это получится, или завтра утром на рассвете без барабанного боя просто и вульгарно повисну на веревке, врагам на радость. А не дождетесь, суки позорные! Сука – слово старое, еще советское. Человек, сотрудничающий с лагерной администрацией. Покупающий себе поблажки и лишний кусок пайки за счет чужого здоровья и жизни. Нет уже той сучьей власти, а твари эти всюду. Есть и в Зоне. А где их нет? Разозлился я, подкрался на четвереньках к двери: ну, точно - обычная деревяшка. Не арсенал ведь, зачем сюда железо ставить? Стал осторожно сталью острой стружку снимать. Через полчаса руки были в кровавых мозолях, только если жить хочешь, на такие мелочи внимания не обращаешь.

Когда замок из дерева выдолбил, в подвале чуть светлее стало. Выдрал механизм, дверь тихо приоткрыл и в коридор выполз. Мне бы провод. Пополз бы прямо с ним, ругаясь матом, и все бы поняли – это новый системный администратор кабеля тянет. Шутка. А вот и окошко, высоковатое, правда, но два ящичка поставим и дотянемся.

Прощай «Долг»! Не заходя на Бар, на Зоне не проживешь, значит, прощай и Зона!

Осталось, правда, еще до Периметра дойти, но я, пожалуй, справлюсь. Ставлю все на себя, до последнего цента. В случае проигрыша отвечать по обязательствам будет некому.

Дары волхвов

Сами поймете, кому посвящается.

Не всем в Зоне быть героями. Это Меченый на второй день всю Свалку на уши поставил и три банды перестрелял, а нормальные люди заработали на банку тушенки к куску хлеба и уже рады. Коля Зайцев до сорока лет жил — горя не знал, а потом приключилась с

ним абсолютно дурацкая история. На отдыхе, после баньки, приняли на грудь, закусили, и, как всегда, — не хватило! А магазин в двух километрах...

Знал Николай Васильевич: нельзя выпившему человеку за руль садиться — а сел. Поэтому и права свои, международные, водителя первого класса, со всеми категориями отдал без разговоров на два года и стал совершенно никому не нужен. А больше он ничего и не умел. В дворники идти неловко: это у нас только говорят, что каждый труд почетен. Врут, однако. Поэтому страна наша вся потихоньку в свалку и превращается — не идет народ в дворники. Вот и занесло Колю на заработки в Зону отчуждения. Тут он с Арчибальдом Крестовским и познакомился. Случайно.

Тот, став в тридцать лет старшим менеджером автомобильного салона, задумался случайно о смысле жизни. Зря он, конечно, это сделал, но в Зону уже пришел. Просочился через Периметр и понял, что просветленные гуру здесь в каждом подвале не сидят. Нет их здесь. А важнейшим вопросом является один — где на ужин еды достать? А тем более все остальное: оружие и экипировку.

Пришли Николай и Арчи в Зону разными тропками, но в один день, сели у костра в поселке рядом и стали держаться небольшой, но дружной компанией. На третий вечер одному опытному сталкеру морду набили напару — не подвиг, достойный легенд, но тоже кое-что. Работали они по разным направлениям: Коля Шофер землячка нашел среди военных и за скромный процент договаривался о переходе через Периметр туда-сюда, а Крест (с такой-то фамилией псевдоним очевиден) стал туристов на охоту водить. И когда одного из них кабан уже почти достал, отвлек на себя внимание зверя — спас клиента от лютой смерти. Тот в благодарность оставил Арчи Кресту свое оружие, автомат советский — «Калашников», калибра 7,62 мм. К нему бы еще подствольный гранатомет, прицел шестикратный и лазерный целеуказатель, и стал бы тот ствол просто мечтой.

А Шоферу за хлопоты достался костюм защитный — «Берилл-5». Нож и пуля пистолетная не брали его совершенно. Только не было в нем замкнутой системы дыхания. А в Зоне она нужна: есть места, где и дышать-то опасно. Так они потихоньку серьезной экипировкой обзаводились, мечтая ее улучшить и двинуться дальше в Зону в поисках крупного хабара.

Тем временем приближалось Рождество, и каждому хотелось сделать другу достойный подарок.

Вечером, в восемь часов, они стали накрывать стол в почти своем домике на Кордоне. Почетное место в центре заняла банка консервированных сосисок — роскошь невероятная на фоне ежедневной тушенки. Из кабанятины был сварен тазик холодца — тоже блюдо нерядовое. На бумажной салфетке стояли стеклянные стаканы, а не железные кружки. И в трехлитровой банке стояла еловая веточка, увешанная красными и желтыми патронами шестнадцатого калибра. Запах подогретого на печи хлеба делал атмосферу действительно праздничной.

— А у меня есть для тебя подарок, — сказали Николай и Арчи в один голос.

Сказывалось долгое общение.

И так же одновременно достали из рюкзаков заботливо приготовленные свертки.

— Это полный комплект для твоего автомата. Все, что ты хотел и пять гранат в придачу, — сказал Коля Шофер.

— Здесь кислородный изолирующий противогаз — считай, все артефакты на Свалке уже твои, — порадовал друга подарком Крест Арчи.

И посмотрели очень внимательно. И кое-что заметили: не было на привычных местах «Берилла» и «Калашникова».

— Я продал автомат, чтобы купить тебе систему дыхания. Она тебе нужнее, — вздохнул Арчи.

— А я продал костюм, чтобы у тебя был твой «автомат мечты»! — захохотал Коля Шофер.

Это были истинные дары волхвов: ценные и уже абсолютно не нужные.

И пришли они к нему с ладаном и мирром.

— Предлагаю... поесть от души, выпить за Зону и за друзей, которых здесь находишь!
— предложил Коля Шофер.

— А потом зайдем к торговцу, продадим все кроме ножей и пойдем на заставу. Пора отсюда сваливать, друг мой ситный. Купим в Минске права водительские на двух человек, тягач японский и начнем по Европе колесить. Сейчас, в снегопады с дождями, славянский экипаж будет нарасхват, — продолжил деловым предложением тост друга Арчи.

И они, съев все со стола и выпив, отправились в подвал Сидоровича скидывать все обратно, хоть и за полцены.

Друзья уже стояли на разворотном кольце в Чернобыле-4, когда в Зоне ударил неожиданный выброс, озаряя небо вспышками северного сияния. И кто спрятаться не успел, тот опоздал. И как обычно — навсегда.

Люди, доверяйте своим предчувствиям...

Владислав МАЛЫШЕВ

Йормунганд

Иду впереди по краю оврага, - отмычкой -, позади два военстала. Дорога знакомая, но чем черт не шутит, это Зона, а не парк культуры. Вот и первый сюрприз - прямо на тропе детектор показывает гравитационную аномалию. Обкидываю ее границы гайками. Результат огорчает - эта пакость расположилась по всей ширине прохода от обрыва до кустов, покрытых "жгучим пухом". Придется спускаться вниз. Не люблю ходить по дну оврагов и пересохших речушек. Ничего не видишь, кроме того, что творится впереди и позади тебя. В любой момент со склонов может появиться кто угодно. Псы слепые еще не самый худший вариант. Сиганет snork или химера, шашкой не отмашешься. А уж если псевдогигант завалится - все, пиши - пропало. Но выбора нет, спускаемся. Надеюсь, ведомые мой зад прикроют, я им пока еще нужен.

Военсталы идут след в след, автоматы «на - изготовку», по повадкам чувствуется - не первый день в Зоне. Ничего, сволочи, даст Черный сталкер, этот для вас будет последним.

Взяли они меня сегодня утром, недалеко от Чистоголовки. Сразу, как вылез из схрона, так и повязали. Расслабился я, вот и лопухнулся, как салага «зеленый». Да и как можно было ожидать появления этих уродов так глубоко в Зоне? Редко они этими тропами ходят, по крайней мере, в последние полгода здесь ни одного военного не наблюдалось. Скорее всего, в заваруху какую-то попали мои конвоиры. Хабарок, конечно, забрали. Ствол и патроны в «кисель» выкинули. Хотели и меня в расход пустить, да заинтересовал я их. Чем можно у ссученых сталкеров интерес вызвать? Хабаром, а еще лучше - большим хабаром. У меня такой есть. Месяц назад нашел. Да вынести не смог, тяжела оказалась ноша, килограмм под сто. Такое на горбу не унесешь – нужен, хотя бы, экзоскелет. За ним-то я и шел к торгашу, за своим билетом в безбедную старость. Да не дошел, нельзя в Зоне думать о хорошем, обязательно дерьмо случится. Аксиома, не требующая доказательств.

Вот и веду засранцев к золотишку своему. Не просто так веду, с надеждой на благополучный для себя исход веду. Один из них, капитан, в экзоскелете, второй в бронекопьем «Витязь». Иду и думаю: как бы мне этим экзоскелетом завладеть? Мысли есть, но боюсь сглазить. Тьфу, три раза.

На мне «Сева» - не самая худшая экипировка для сталкера. В чем попроще по этим гиблым местам гулять себе дороже. Говорят, рога могут вырасти и хвост. Шутка такая сталкерская. Хотя два черта сзади идут, каламбур, твою мать.

Неужели решила сегодня Зона все напасти на мою голову сбросить? Уж не на прощание ли. С левого склона скатываются два снорка. Приходится, не глядя, падать вправо, освобождая сектор обстрела для конвоиров. Первого мутанта моя «гоп-команда» снимает еще в полете. Второй остался без головы парой секунд позже. Разрывная пуля - не дура. Тут можно с Суворовым поспорить. Что ж, за тылы и фланги не стоит беспокоиться, прикрытие профессиональное. Значит все внимание на дорогу. Пошли дальше.

Если верить детектору, аномалий наверху нет. Пора выбираться на оперативный простор. На час отклонились от курса, но это не беда. Раскинувшуюся перед нами рощицу уродливых молодых берез можно пройти без детектора и гаек. Мутанты там не водятся, да и аномалий нет. Если не считать аномалией саму рощу. За те четыре года, что я топчу Зону, она совсем не изменилась. Старички говорят, она и раньше такой была. Невысокие перекрученные деревца с яркой зеленой листвой так и не выросли ни на сантиметр. Такая вот странная аномалия. Только тем, кто за мной следом идет, я не скажу, что здесь безопасно. Пусть попарятся, а я пока расслаблюсь и мозгами пораскину.

Если все срастется, тьфу три раза им в морды, через пару часов выйдем на финишную прямую. А там будем посмотреть. У вас есть план, мистер Фикс? У меня есть. Но в каждый план жизнь может внести коррективы, так что не будем бежать впереди паровоза. На детектор поглядываете? Правильно делаете, расслабляться нельзя в незнакомых местах. То, что вам окрестности незнакомы, очень хорошо. Для меня, не для вас.

Вот и до Копачей дошли, привал минут на двадцать надо сделать.

- Эй, одиночка, чего встал?

- Небольшой перекур сделаем, заодно инструктаж проведу. Сейчас обойдем руины свосточной стороны. Внимательно глядеть под ноги и по сторонам. Под землей много нор, в бывших подвалах всякие твари водятся. Увидите провал, обходите. Чем тише, тем лучше. Для всех лучше.

Деревню прошли удачно, мельком взглянул на детектор, картинка радует. Метки аномалий рывками перемещаются по экрану, крутят бешеную карусель. Военстолы опасно озираются. Бойтесь, твари, без меня вы теперь никуда. Снова в ход пошли гайки. Насчет аномалий не беспокоюсь, не они перемещаются. Какое-то излучение в этих местах сводит с ума электронику. Без ориентиров не пройдешь. Навигатор как на Северном полюсе, все время на Юг показывает. Так что сразу вы меня, ребята не пришьете, это факт. Чуюток попозже я эту мысль до вас донесу. А пока немного попетляем.

Вот и до разлома дошли. Жарки в нем издохли, именно поэтому месяц назад я в нем и спрятался от выброса. Удачно спрятался, потому как нашел там целое состояние. Все,

наверное, мечтают клад найти. Одни бегают по полям и лесам с металлодетекторами, другие в архивах сидят. Да везет не всем. Мне, можно сказать, крупно повезло. Похоже, в стародавние времена кто-то прикопал здесь золотишка немало, да выкопать не получилось. Разлом-то как раз на месте тайника и образовался. Жарка, конечно, сыграла злую шутку, но даже в виде лепешки добрая сотня килограммов расплавившегося золота и серебра ничуть не утратила своей ценности. А если учесть, что в этом сплаве были и камушки, то цена находки была заоблачной. По крайней мере для меня точно, я же не дедушка Гейтс.

Пару камушков я скovyрнул, да светить ими не рискнул. Глупо было с таким товаром к местным торговцам идти, поэтому через дядьку нашел покупателя, для затравки передав один из камней. Родственник у белорусских пограничников отрядом командует. Он-то и проход для меня уже неделю держит. А второй камушек утром мне добрую службу сослужил, я его военсталам показал. Увидев брjуллики, два урода безоговорочно поверили моим словам о несметных сокровищах, и тем дали шанс еще покоптить это небо.

Отошли в сторону, шепчутся. Решаете, кому в разлом лезть? Правильно, меня нельзя пускать, вдруг там подземный ход есть. А самим лезть не с руки, но надо. Как же иначе убедишься, что там на самом деле золотишко, а не кучка бюрерского дерьма? Мысль дурацкая мелькнула - вдруг там и в самом деле ничего уже нет? Тогда каюк мне. Гнать эту мысль, нехорошая она, тьфу три раза.

Определились, наконец-то. Связали меня по рукам и ногам, чтобы не убежал. Капитан начал на веревке спускать второго. Тяжело ему, наверное. Не физически, в «экзо» хоть троих удержать можно, лишь бы веревка крепкой была, моральный напряг большой. Нужно и по сторонам смотреть, и за мной приглядывать, да еще за напарником следить. Веревка ослабла - спустился, значит. Объяснил я им, где золотишко замаскировано, сейчас наступит момент истины.

Из-под земли доносится победный крик. Я с облегчением выдохнул, нервы, мать их, ни к черту стали. Ори, ори, я тоже орал, когда все это добро увидел. Теперь думайте, как это богатство вытаскивать, только развяжите, руки затекли.

Спускаюсь в помощь второму военсталкеру. Рожа у того радостно-охреневшая. Суетится как баба, прихлопывает себя по ляжкам. Да, нахлобучило мужика, оно и понятно, я сам такое только в кино видел.

- Ладно, хватит квохтать, держи веревку, помогай груз обвязывать! – говорю.

Привязали веревку к получившейся сетке и "майна" кричим. У того, что рядом стоит, мысль на роже написана: ну как оставит нас здесь его напарничек?

- Не бойся, - успокаиваю - не бросит, если умный. В одиночку ведь не дойдет.

Смотрю, вроде расслабился. В хорошую компанию я попал, думаю. Как делить собралось, глотки же друг другу перегрызете.

Веревка вниз летит, следом крик:

- Сначала сталкер!

Обвязываюсь, - Поднимай! - говорю. Тот, внизу, опять суетиться начал. Смотрит нехорошим взглядом, словно целится. «Извини, братишка, вот поэтому и хожу без напарников, глупо кому-то свою жизнь доверять», - подумал я.

Как оказалось, по делу второй засуетился - в расщелину, одна за другой, полетели три осколочных гранаты. Даже, если и помог хозяину «Витязь», края разлома, обвалившись, надежно похоронили неудачника. Вот так, финита ля комедия. Это тебе за нашего брата – сталкера, жаль, что не от меня, конечно, но и так неплохо. Немало, поди, душ загубленных на твоей совести. Умный я донельзя, - бывает такое иногда-, аж сам себе нравлюсь. Как в воду глядел, почти уверен был, что этим закончится. Было бы удивительно, реши они вместе обратно возвращаться, поделив добычу. Но пока все идет так, как и должно идти.

Поворачиваюсь к тому, что в экзоскелете.

- Что дальше делать будем? Сам понесешь, а я тебя вести и прикрывать буду? Оружие не дашь, оно и так понятно, поднять, а тем более нести груз я не смогу, значит думай. Вижу, как сомнения его гложат, но жадность должна пересилить. Надумал. Меняемся костюмами, я

одеваю экзоскелет, он - мою «Севу».

- Да не бойсь, - говорю. - Хороший костюмчик, главное комплекция у нас одинаковая, в подмышках жать не будет. Мне идут капитанские нашивки?

- Рот закрой! – капитан отвечает. - Ато я тебе его прикрою.

- Молчу, начальник, – успокаиваю его.

Зачехлили поклажу маскировочной накидкой, приторочили мне на горб и отправились в сторону Лелева. Туда должна будет прилететь "вертушка".

Идти с таким хабаром, даже в экзоскелете, не подарок. Интересно, а дошел бы я в одиночку, как намеревался? Кажется, моя затея изначально была бредовой. Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло.

Мысль о сдаче тайника пришла в тот момент, когда военсталы стали спорить: сейчас меня в расход пустить или после того, как доведу их до Лелева. В голове почти мгновенно созрел план дальнейших действий. Нужно было только крепко заинтересовать вояк, что я и сделал, показав им камушек на пятьдесят карат. Впечатлило ребят - это вам не "бриллиант" для ширпотреба из местного ювелирного. Они его даже в пластиковую бутылку с водой кидали для проверки. А все остальные их действия можно было просчитать, не будучи великим психологом. Жаден человек, как ни крути. Если уж за пару-тройку артефактов отправляют сталкеров к праотцам, то за такой куш драчка неизбежна. А чем заканчивается драка при наличии оружия, в Зоне давно известно.

Дошли до точки сбора. Маячок капитан включил, вертолет вылетел, будем ждать. Военстал хотел было снова в экзоскелет облачиться, да понял, что в одиночку ему не справиться, а я помогать не собирался. Вдобавок ко всему оружие бесхозным останется. Так и сидим.

Он признался, что подумывает: не отпустить ли меня на все четыре стороны. Добряк нашелся! Без снаряги и оружия здесь и часа не проживешь. Слышится шум вертолета, вот и близится развязка. И тут мне в голову приходит очередная гениальная глупость. Капитан называет в микрофон шлема позывной.

Я выхожу из-за валунов, машу рукой. Летуны для страховки делают круг над площадкой, садятся, движок не глушат. Груз на спину, идем к "вертушке". Я ускоряю шаг, военстал начинает отставать, теперь потанцуем. Делаю рывок и с криком: "Засада, бандиты!", запрыгиваю в нутро вертолета. Мой "напарник"- военстал делает последнюю в своей жизни ошибку, решив стрелять мне в спину. Пулеметчик предсказуемо реагирует на человека в гражданском костюме "Сева", направившего автомат в его сторону. Тело капитана еще падает, когда «вертушка», подняв хвост, начинает набирать высоту.

Вот, кажется, и все. АКСу в моих руках, выуженный из кучи амуниции, сваленной на полу борта, вселяет надежду на положительный результат предстоящих переговоров с летунами. Через пять минут экипаж получил подтверждение от погранцов, и договоренность между нами достигнута.

- Вы, ребята, через речку перебросьте, а там меня уже ждут. Я не жадный, здесь на всех хватит, и еще останется. А легенду вашего исчезновения любую придумаем, начальство во все поверит, это же Зона...

А поутру они проснулись...

Бог создал человека, человек – Зону... А может и не бог, да и Зона сама себя создала? И сразу сказала свое слово: человеку здесь места нет! Но плохо она знала людей. На двери висит табличка: « Не входить, опасно для жизни!»? Так надо заглянуть за эту дверь и посмотреть, а что там такого страшного?! Что за умник тут таблички вешает, да кто он такой, чтобы запрещать! Заглянул народ, осмотрелся. Да, опасностей хватало, но жизнь, вообще, штука для здоровья вредная. Так и прижились людишки, освоились в Зоне. И потекла жизнь своим чередом: вылазки вглубь опасных территорий, небольшой отдых по возвращении (для тех, кому повезло вернуться), и снова - в Зону. Но про праздники не забывали, - как же без

них? – и расслаблялись тогда сталкеры по полной программе.

* * *

Гвоздь стоял около «долговцев», охранявших вход на свою территорию, и задумчиво смотрел на ель. Весь день его не оставляла мысль о том, что что-то они упустили. И только теперь до него дошло – ёлка! Выпить есть, закусить тоже, а про главный атрибут праздника как-то забыли. Одичали, что-ли, в этих краях?

- Ты чего застыл, сталкер? Шагай дальше, если дел к нам нет. – сказал старший поста.

- Да есть дело, есть! Вам эта ель не мешает? Из-за неё ведь ни черта не видно, – начал издали Гвоздь. – Я бы её спилил, чтобы обзор не закрывала.

- Экий ты заботливый, я погляжу, – «долговец» хитро прищурился. – Лень за «Росток» идти, так и скажи. Ну да ладно, пили-руби, всё равно Воронов приказал её выкорчевать. Только уговор – на праздник пригласите, мы как раз в 23.00 меняемся.

- Какой базар, начальник, считай уже пригласил! – воскликнул сталкер. – Сейчас только за инструментом слетаю...

* * *

Кэп взглянул на часы и пробормотал:

- Где этого олуха носит, половина одиннадцатого уже!

Вдруг все сталкеры, а их собралось здесь не менее дюжины, дружно загомонили:

- Вот это дело! Ай, да Гвоздь! Молодец, братуха!

Обернувшись, Кэп увидел долгожданного напарника, ввалившегося с огромной елью:

- Мужики, помогайте! Еле допёр её.

Когда ель была водружена посреди помещения, возник закономерный вопрос: а чем её наряжать? Почесав в затылке, один из сталкеров, - дед Мироныч, - покопавшись в котомке, достал «вспышку».

- Да ты что, дед, она же фонит!

- Ну и что. – пожал плечами Мироныч. – у нас вон полный стол антирада сорокоградусного стоит!

Осознав, что в словах деда есть определенный смысл, все начали дружно копать в своих запасах. Мироныч, будучи дотошным до неприличия, - сказывалось бухгалтерское прошлое, - записывал: кто что дал. Так к полуночи ёлка засверкала разными цветами. Сталкеры радовались как дети – настоящая, «зоновская» ёлка получилась.

Вскоре и «долговцы» подтянулись, не «пустые», само собой, и началось веселье.

Пили за Новый Год, за Удачу, за друзей, родных, погибших... Много поводов для тостов нашлось. Самые стойкие пости до утра дотянули, но и их, в конце концов, срубило...

Проснувшись, Гвоздь огляделся по сторонам: вокруг, прямо на полу, вповалку спал народ. «Эх, славно погуляли, - подумал он, - похмелиться бы!»

Встав, он стал осторожно протискиваться к столу, - вдруг чего осталось, - как вдруг остолбенел. Артефактов на ёлке не было! Недолго думая, он стал тормошить Кэпа и остальных сталкеров:

- Братва, просыпайтесь, нас обнесли!

Выяснилось имя вора быстро – бармен помог. Оказывается, после полуночи зашел к нему дед Мироныч, показал список артефактов и спросил: сможет ли торговец сразу деньги отдать? Тот прикинул и сказал – тащи! Мироныч пояснил, что утром принесет товар, когда все уснут, мол светиться неохота. Так и продал гирлянды новогодние старый плут.

Хотели поначалу погоню снарядить, да, опохмелившись, решили, что по одному артефакту с каждого не убудет, а старик давно хотел с Зоной завязать. Вот пусть и будет ему счастье в Новый Год, на том и порешили.

Ловушка

День первый. Подземный бункер, где-то в Зоне отчуждения.

Табло электронного замка несколько раз мигнуло, и через некоторое время нутро двери издало сначала щелчки, а затем лязгнули сработавшие запоры. Оба сталкера, стоявшие у двери, облегченно выдохнули - хоть и знали, что барыга не проверенную инфу не даст, сомнения в исправности электроники их все-таки одолевали. Зона полна сюрпризов, здесь самое совершенное оборудование может разом превратиться в кучу ненужного хлама, а обычный молоток начнет вещать радиопрограммы из далекого прошлого.

Один из сталкеров, отойдя на несколько шагов назад, взял дверь на прицел и сказал:

- Ну что, Гвоздь, открывай!

Тот, которого называли Гвоздем, поплевал на широкие ладони и ухватился за рычаг:

- Давай, родимая...

Дверь медленно, словно нехотя, начала открываться, издав при этом такой скрежет, что, казалось, его услышат даже мертвые. По крайней мере, здешние твари, если они есть, не могли не услышать. Постояв несколько минут и не услышав никаких подозрительных звуков, Гвоздь обратился к напарнику:

- Пошли?

- Угу, двинули, - кивнул тот в ответ и первым двинулся к приоткрытой двери.

Подойдя к проему, он повернул регулятор яркости фонаря на полную мощность и заглянул внутрь. Перед ним открылся коридор с полукруглым сводом.

- Вроде тихо.

Не успели они сделать и десятка шагов, как позади снова послышался скрежет шестеренок запорного механизма, и дверь за «гостями» благополучно захлопнулась. Сразу зажглись лампы освещения, и что-то прохрюкал динамик под потолком.

- Вот же, гадский папа! Ты какого рожна дверь не заклинил? - выдохнул Кэп, - То хреноткроешь, то, как новое все срабатывает, Зона, мать ее за ногу!

- Ты б не поносил ее зазря, она ведь все слышит. Откуда я знал, что она закроется? Давай ящик искать, Амир сказал, что он в комнате управления должен быть.

Нужный барыге ящик, на поверку оказавшийся чемоданчиком из какого-то прочного сплава, нашелся довольно легко, благо бункер оказался небольшим: два коридора и четыре комнаты. Кэп, постучав по кейсу костяшками пальцев, довольно улыбнулся:

- Вот бы всегда так просто было — пришел, нашел, ушел.

- Не сглазь, надо еще уйти.

- Ну, так пошли, какого хрена топтаться!

Однако ушли они недалеко. Стоя у двери, оба поняли, что попали в конкретную задницу, ибо с обратной стороны не было того, что они видели снаружи, а именно — клавиатуры ввода кода замка. Вместо цифровой панельки здесь стоял замок с прорезью для электронного ключа.

- Это все ты! - просипел Гвоздь.

- Приплыли, етить ее налево, а я-то здесь причем? - Кэп покосился на напарника.

- Я же говорил, не поноси Зону, а ты...

- Ну, понеслась арба по кочкам! Это ты Амиру скажи спасибо, он шифр от двери давал. Билет в один конец. Чего делать будем, а, Гвоздь?

День четвертый. Там же.

- Кэп, у тебя вода еще осталась?

- Нет, Гвоздь, я всего одну бутылку с собой брал, кто ж знал, что так все обернется...

- Хреново. Как думаешь, может Амир еще кого-нибудь сюда послать?

- Пошлет обязательно, не переживай. Только убедится, что наши ПДА нигде не

засветились и пришет. Через недельку. Но к тому времени нам уже все равно будет. Все как-то не с руки было, спросить хочу, ты как в Зону попал?

Гвоздь почесал заросший щетиной подбородок и вздохнул:

- Как попал... Да по глупости. Прочел в «Хрещатике» объявление — требуются физически крепкие, прошедшие службу — и пошел по адресу. Подписал контракт, вроде как охранный агент, а оказалось прикрытие для канала переправки артефактов и оружия. Во время прохода одного такого «каравана» нас накрыли СБУшники, конкуренты сдали. Я чудом вырвался, хотел обратно податься, да предупредили меня «по дружбе», что могу в «стрелочники» попасть. Покумекал недолго и здесь осел, благо там ничего не держало. Такая вот история, брат. А ты как здесь очутился? Краем уха слышал, что ты служивым был?

- Был, колючку здесь охранял. А попал тоже по глупости, только не своей. Как-то раз выдалось торчать на передвижной точке, ну знаешь, наверное, между блокпостами курсирует БТР, да шишигашишига - ГАЗ-66 с отделением бойцов. И под вечер наблюдаем такую картину: с пригорка несется стая кабанчиков, за ними два «Хаммера», за машинами еще кабанчики бегут. Что за херня, думаем. Тут по броне пули зацокали, понятно стало — гонят на нас мутантов, а сами прорваться хотят, на их спинах, бывало уже такое. Отдаю приказ: «Огонь, ребятки, бей гадов!» Ну, те и вдарили, как учили.

Рассеяли свинок по полю, один «Хаммер» горит, из второго крики, кто-то руки в гору тянет. Подошли, тут я и охренел. Целый генерал на меня смотрит, глаза как у рака, навывкате, и штаны у него мокрые. С ним еще пара генералов была, три полкана и один академик. Только их мы благополучно на тот свет отправили, а этому повезло.

Потом оказалось, они испытывали хрень какую-то, что академик изобрел. С ее помощью можно было гон устраивать. А эти долбаки еще и поохотиться решили, начали палить во все стороны, ну и по нам, естественно, тоже. Не заметили нас в пылу азарта.

Короче, пацанов раскидали по дырам, меня под арест. Однокашник, он в военной прокуратуре служит, шепнул, что надо ноги делать, иначе на полную катушку впаяют. Я и рванул со следственного эксперимента, куда ближе.

День шестой. Там же.

- Гвоздь, давай хоть глянем, из-за чего подохнем. Что там в кейсе-то?

Гвоздь положил чемоданчик на пол и выстрелил несколько раз по запорам, после чего подтолкнул его к напарнику:

- На, смотри, мне по барабану, что там. Вдруг там денег туча, расстроюсь еще, обидно будет подыхать.

Кэп открыл кейс, покопался в его нутре, вытащил какие-то бумажки и внезапно расхохотался. «Ну, все, - подумал Гвоздь, - двинулся напарник».

Кэп тем временем, продолжая смеяться, медленно поднялся и пошел к двери, держа в руке магнитную карточку...

Три месяца спустя. Схрон где-то в Зоне отчуждения.

Кэп сидел за столом и, неспешно, протирал детали разобранного «калаша».

- Да, Володя, отличный схрон у нас получился, - сказал ему Гвоздь, перебирая консервы на стеллаже, - Хорошо, что ты тогда Амиру про ключ не сказал.

- Честно говоря, я забыл про него на радостях, а потом как-то не с руки было. Давай-ка, брат, стронций из себя выведем, конца Выброса долго ждать, - ответил Кэп, откладывая в сторону ветошь.

Простая история

Гуля, сука, сдал с потрохами! Сидит в углу и на меня не смотрит, говнюк такой. Я

ведь его приятелем считал, жрачкой делился, хабаром; пару раз его жопу из таких ситуаций вытаскивал! А он тварью оказался...

— Еще раз спрашиваю: где свои «бабки» держишь? Не будь дураком: скажешь — отпустим, ну а не скажешь — опустим! — здоровяк ухмыльнулся, радуясь собственной шутке. Два его приятеля заржали в полный голос, даже Гуля мерзко хихикнул.

Отпустите, как же, ищите дураков.

— Нет у меня ничего! Все домой к тетке отправлял да на мелкие расходы у торговца держу тыщонку. Если бы были бабки, давно уж свалил бы отсюда.

По глазам вижу — не верит. Правильно делает, только хрен я вам скажу. Может, не сразу, но прищете — к бабке не ходи. И дернуло меня так вчера нажраться! Халява прельстила. Теперь понятно, почему Гуля таким щедрым оказался, трижды сука! Если выкарабкаюсь...

Мощный удар в лицо крошит зубы, валит на пол. Начинают «месить» ногами, торопятся, удары получаются несильными, но приятного мало. Сажает на ящик. «Нет ничего» — говорю, сплевывая кровь и зубную крошку. Снова здоровяк бьет, на этот раз в ухо. Валюсь на пол, в голове звон, ударов уже не чувствую.

Главный поднимает за грудки, дышит перегаром и луком в лицо. Прижимаюсь к нему всем телом, под гогот: «слабак, как баба тискается!» сползаю на пол и начинаю тоже смеяться. Назвать деспота деспотом всегда было опасно. А в наши дни настолько же опасно назвать рабов рабами. Здоровяку, видать, приглянулась моя «натовская» разгрузка, он ее сразу и напялил, даже содержимое карманов не проверил. Мне она тоже нравится: под левой лямкой очень удобный кармашек, я там «эфку» держу...

Показываю этим уродам большой палец — на нем запальное кольцо. Жаль, средний показать не успею. Пять, шесть...

Павел ТОРУБАРОВ

Рожденные в СССР

Новогодняя ночь всегда прекрасна! Даже если валит снег, даже если мороз, даже если ветер задувает под одежду... Все равно, она прекрасна. Это – сказочная ночь! Когда часы бьют полночь, может случиться чудо. Пусть небольшое, но обязательно необыкновенное.

Наступающий год обещал быть интересным. А как же иначе – год Тигра, как-никак! Тем более, покровительствующая стихия – огонь! Огненный Тигр – это вам не Земляной Кролик. Будет весело!

Праздник вступил во владение городом: в каждой квартире пахло елкой, мандаринами, салатом оливье и сырокопченой колбасой. Жители весело проводили Старый Год, выслушали ежегодное обращение Генерального Секретаря ЦК КПСС, поздравившего народ с очередной победой коммунизма, и под бой кремлевских Курантов с криками и смехом открыли загодя купленные и дождавшиеся своего часа бутылки шампанского. «Советское»

звонко хлопнуло пробками и шипя полилось в подставленные бокалы. Потом, вторя Курантам, люди звонко чокнулись парадным хрусталем. Наступил Новый Год.

«Голубой огонек» и «Ирония судьбы» заглянули с экранов во все дома. Кто-то остался смотреть давно полюбившиеся передачи, но большинство празднующих шумными компаниями высыпали на улицы Припяти. Новогодняя ночь радовала жителей молодого украинского городка: небольшой морозец, приятно пощипывающий щеки, легкий снежок и полное безветрие. В такую погоду, особенно - в Новый Год, грех сидеть дома. Праздничная иллюминация, искрящиеся снежинки и общее веселье придавало силы. На высоких крышах шестнадцатизэтажек по улице Лазарева ярко светились гербы СССР. А на юге, плохо различимые в темном новогоднем небе, перемигивались красные огоньки на трубе ЧАЭС.

Жители гуляли по ночному праздничному городу. На реке собрались любители покататься с горок. Шум, смех, веселая возня, игра в снежки, санки, снегокаты, люди – все слилось в огромную веселящуюся кучу-малу.

- Серега! Привет, дорогой! – мужчина в цветастой ГДРовской куртке радостно облапал похожего на снеговика человека, только что скатившегося с горы. – А я думал, ты дежуришь сегодня!

- Сашка! Ты?! – «снеговик» бодро отряхнулся и тоже обнял товарища. – Нет, не дежурю. Ты когда вернулся?!

- Да вот только днем прилетел. – радость встречи, подогретая алкоголем, заставила Александра оторвать своего друга от земли и закружить в веселом вихре. – Представляешь, говорили, что Киев не принимает! Вылет задержали!– продолжил он, поставив Сергея на утрамбованный снег. – Я думал: все, в аэропорту буду Новый Год встречать, или в самолете. Но, ничего, успел. С аэропорта на частнике сюда. Как раз успел. Слушай, совсем эти автомобилисты озверели – «полтинник» и «четвертной» отдал. А то ехать не хотел!

- Ну ты даешь! – Сергей потянул друга за рукав, и мужчины отошли с трассы саночников, пролежавшей рядом с ледяным спуском. – Вот ты буржуй! Но, все равно – молодец! Твой-то где?– он поискал глазами на горе. – Не вижу что-то!

- Да вон же они! – Александр показал рукой на склон. – Глаза протри! С твоими наверху стоят!

- А чего стоят? – Сергей, увидевший, наконец, семью друга, замахал руками и закричал: - Катитесь к нам!

- Иришка боится. – ответил за своих Александр.

- Ну, сейчас мы им поможем! – Сергей опрометью бросился вверх по склону, ловко уворачиваясь от санок.

Вскоре оба веселых семейства стояли на горе.

Из копошащейся у ног взрослых кучи детишек вынырнуло розовое девичье лицо в обрамлении вязанного шерстяного шлема.

- Дядя Сережа! – вслед за лицом из свалки рук, ног и полушубков выбралась девчонка лет пяти и радостно полезла обниматься.

- Иришка! – Сергей поднял девочку на руки. – Ух ты! Какая ты большая стала! Пошли с горки кататься!

- Не-е-е... - девчонка замотала головой и попыталась выбраться из рук взрослого. – Не хочу.

- Да ладно тебе!– Сергей одной рукой покрепче сжал извивающуюся дочку своего друга и плюхнулся на картонку, валявшуюся тут же. – Поехали-и-и-и! – и понесся, сопровождаемый детским визгом, вниз по ледяному склону, высоко задрав ноги.

Вслед за ним скатились и оставшиеся на горе Александр с женой Анной, жена Сергея Олеся и их восьмилетний сын Иван. Внизу оба семейства перемешались и упали в снег.

Когда они разобрались, кому принадлежит эта рука и та нога, то уже все были похожи на снеговиков.

- Ну что? Пошли к нам? – проговорил Александр, вытряхивая снег из пышной шевелюры. – Мне дядька киршвайсер прислал! –и, видимо чтобы предложение выглядело

более заманчивым, добавил: - Настоящий!

- Киршвайсер? – Сергей сделал круглые глаза. – Откуда?

- Оттуда! – хитрой подмигнул Александр и показал на свою куртку. – Наш ответ НАТО! Варшавский Договор, друг ты мой ситный, это тебе не Монголия.

- А мне дядя Валера на Новый Год куклу прислал. – звонким голосом вклинилась в разговор Иришка. – Она глаза закрывает и «мама» говорит.

- Правда?! – Сергей сгреб девчонку в охапку и поднял над головой. – Ну, пошли куклу смотреть!

Вскоре шумная компания ввалились в квартиру, что располагалась в одной из тех самых высоток с гербом.

- Ну, буржуи! – одобрительно проговорил Сергей, обозревая стол, накрытый в «большой» комнате. – Как есть – буржуи! Икорка, балычок, колбаска... Тоже дядька прислал? Из Варшавского Договора?

- Не... - протянул Александр, растирая подмороженные на горке щеки. – «Я через завсклад, через завмагазин достал дифисыт!»

- «Ты попробовал – язык пароглатил!» - весело подхватил гость. – Вчера показывали, между прочим! Смотрел?

- А то! Ну, давай, быстренько по маленькой дернем, пока женщины детишек пользуют. – предложил Александр и налили в рюмки киршвайсера из квадратной бутылки. Друзья чокнулись.

- Будем! – произнес тост хозяин дома и отправил содержимое рюмки в рот.

- Гадость-то какая! – притворно скривился гость. – Как ты это пьешь?

- Под хорошую закуску. – ответил Александр и протянул другу кусок балыка. – Вот под эту.

Пока мужчины выпивали и закусывали, из прихожей доносился гомон и смех, сменившиеся вскоре плеском воды и детскими повизгиваниями.

Через некоторое время оба семейства сидели за столом. Женщины поднимали бокалы с «Хванчкарой», мужчины – рюмки с киршвайсером, дети – стаканы с пенящейся «Лесной ягодой».

- Ну, за нас с вами! – Александр поднялся, произнося тост. – И за х-х-х-х с ними!

Взрослые весело переглянулись, но сдвинуть бокалы не успели, потому что в разговор опять влезла егоза-Иришка:

- Папа, а что такое «Х-х-х-х»? – девчушка смотрела на отца голубыми доверчивыми глазами. – А, пап?

Под этим взглядом мужчина немного засмутился, поняв, что сболтнул лишку. Но, как любой родитель профессионально, нашелся:

- Потом скажу.

Бокалы сдвинулись, хрустальным звоном возвещая наступление года Огненного Тигра.

Праздник шел своим чередом. Уже отвели спать маленькую Иришку, уже Ваня клевал носом за столом, уже женщины мыли посуду на кухне, судача о чем-то своем, а друзья все еще сидели за рюмками. Им было о чем поговорить, если учесть, что оба работали на одном предприятии, и знали проблемы друг друга. Разговор был тихим, не для посторонних ушей. Все-таки, «Юпитер» - немного оборонный завод...

Под утро гости, несмотря на уговоры хозяев остаться, собрались домой. Олеся разбудила Ваню, уснувшего в кресле возле елки, и повела осоловевшего сына одеваться. Уже из прихожей она задала вопрос, интересовавший ее с самого прихода:

- Саш, а у вас на кухне ветка сосны стоит. Это зачем?

- Ой, Леся, - хозяин дома немного грустно улыбнулся. – Я же родом из Карелии. Там больше сосен, чем елок. Поэтому, Новый Год для меня не елка, а сосна. Детские воспоминания... Куда от них деться?

Гости ушли. Аня обняла мужа, чмокнула его в обросшую за ночь щеку, шепнула: «Не задерживайся»- и скрылась в комнате. За стенкой обиженно захныкал ребенок. Это сынишка

соседей просил есть. «Счастливые! – подумал хозяин дома. – Сын родился, Андрюшка. Молодец тезка, расстарался!» Александр задумчиво посмотрел на стену, отделяющую его квартиру от квартиры соседа-тезки. Потом тихо прошел в кухню, постоял немного, глядя на зеленую сосновую ветку, украшенную ярко-синим стеклянным шаром, и тоже направился в спальню.

* * *

В Зоне не празднуют Новый Год. В смысле – специально. Не накрываются столы, не произносятся заздравные тосты. Не наряжаются елки. И, конечно, никто не ждет от Деда Мороза подарков. Ходоки стараются скрыться за Периметром, чтобы там по всем правилам отметить праздник. Если же смена годов застаёт ходоков внутри Периметра, то они стараются собраться в каком-нибудь укромном уголке. Кто-то находит подходящее место и сбрасывает сообщение в сталкерскую сеть. Обычно, на приглашение откликаются те, кто сейчас рядом. Но, бывает, что и специально ходоки закладывают огромный крюк, чтобы встретить Новый Год в веселой компании. Не обязательно, что люди будут из одного клана. В новогоднюю ночь в схроне за общим столом могут оказаться ребята из «Долга» и «Свободы». В эту ночь забывают про войны.

В одном из подвалов Припяти, как раз, собралась такая компания: два «Долговца», три «Свободовца» и двое одиночек.

Сначала сталкеры косо смотрели друг на друга, держа руки на оружии. Но правил никто не рискнул нарушить, и стволы не нагрелись. Потом, когда до полуночи осталось совсем немного, и несколько водочных бутылок уже перекачивалось под импровизированным столом, напряжение спало. Новый Год, все-таки!

- ... Вот я и говорю, - в красно-оранжевом свете коптилки было видно, как «Долговец» положил руку на плечо одиночки, а потом продолжил прерванный тостом рассказ: - Идем мы, значит, с Сёмой по Свалке. До блокпоста уже доплунуть можно, а тут эти два хмыря появились. Помнишь, Сём? – «Долговец» обратился к коллеге.

- А то! – отозвался Сёма, не отвлекаясь, однако, от банки с тушенкой, которую в тот момент открывал.

- Во! – продолжил первый «Долговец», обрадованный поддержкой. – Вышли они, значит, из ложбины, и прямо в нас уперлись. И смотрим: мы на них, они на нас. Потом, когда они сообразили, что тут к чему, как ломанулись! Я такого еще не видел, чтобы бандюки, сквозь кусты убегая, за собой рессору от «Беларуси» на веревке тащили!

Окружающие громко расхохотались, чему, в немалой степени, способствовало выпитое. Не смеялся только Сёма: боялся подавиться куском тушенки, выуженным из банки. И не смеялся один из «Свободовцев» - спал в уголке.

Под общий смех провозгласили очередной тост: «Чтобы уходящий год был хуже наступающего!» Выпили. Тут слово взял «Свободовец».

- Помнится, шли мы с Дрюней от Милитари к Долине. Кто ходил, должен помнить – там ложбина есть, аномалиями перекрытая. Ну вот, идем мы мимо нее, а навстречу нам гон: кто-то кабанов с лежки поднял. И вся стая – голов восемь – на нас ломится. А нам, как говориться, ни подпрыгнуть ни залечь. Влево – аномалии, вправо – кусты непроходимые. А навстречу – кабаны. Я и говорю Дрюне, - «Свободовец» показал на посапывающего в углу товарища. – Во, ему. Так вот, я и говорю...

- погоди! – прервал сказителя сталкер. Тот, которого «Долговец» обнимал. – Потом дорасскажешь. Сейчас Куранты бить будут.

Собравшиеся, как по команде, посмотрели на свои ПДА. Действительно, через несколько секунд из каждого наладонника, синхронно, раздался бой часов Спасской башни: простенькая программка давно и прочно обосновалась в сталкерских компьютерах.

- С Новым Годом! – дружно провозгласили сталкеры, поднимая алюминиевые кружки.

- Сейчас, мужики! – вдруг завокнулся второй сталкер, проглотив водку. – Как же я

забыл-то?! – он хлопнул себя по лбу. – Специально же тащил с собой!

И ходок торопливо начал рыться в своем рюкзаке. Все собравшиеся, кроме похрапывающего в углу «Свободовец», наблюдали за этой возней с неприкрытым интересом. Наконец, после нескольких судорожных рывков, сталкер извлек на свет поллитровую бутылку с коричневой жидкостью и поставил ее на стол. В неровном свете коптилки бутылка соблазнительно блеснула пузатым стеклом.

- Ну ты, Сван, даешь! – первый сталкер завладел алкоголем и принялся рассматривать этикетку, повернув ее к пламени. – «Chivas»! – одобрительно резюмировал он через несколько секунд.

- А то! – довольно осклабился Сван. – Настоящий! Двенадцать лет.

- Иди ты!? – «Долговец» Сёма перехватил бутылку у сталкера. – Вот это да!

- И молчал! – попенял стакеру «Свободовец», чей рассказ был прерван полуночью. – Где взял-то?

- Да я ее уже полгода с собой таскаю! – Сван отобрал бутылку и на правах хозяина распечатал ее. – Специально для торжественного случая. Вот и пригодилась. Давайте кружки!

Уговаривать никого не пришлось. Буквально через несколько секунд в подставленных емкостях плескалось чуть-чуть виски.

Только Сван собрался сказать тост, как его жестом остановил «Свободовец»-рассказчик. Видимо, желая не отстать в щедрости от какого-то сталкера, он вынул из рюкзака две плитки горького шоколада и положил на стол, сопровождая все жестом «угощайтесь».

Сван опять открыл рот. Но сказать ему опять не дали. На сей раз переглянулись «Долговцы» и, после непродолжительного копания в своих ранцах, добавили к трапезе палку сухой колбасы и два лимона.

Сван оглядел царский, по меркам Зоны, стол и опять набрал в грудь воздуха. И опять ему не дали сказать. Теперь уже его напарник показал рукой «погоди» и скрылся в темноте. Через секунду он уже топал по коридору, ведущему к лестнице. Собравшиеся за столом переглядывались, не понимая, что происходит. В наступившей недоуменной тишине прошло несколько минут. Потом за дверью зашуршало, и в комнату ввалился сталкер, неся в руках какую-то желтую корягу.

- Смотрите, у входа заметил. – он поставил ношу в освещенный угол, и все увидели, что это была сосновая ветка, с давно пожелтевшей, но не опавшей хвоей. – Елки, простите, не нашел! – сталкер в притворном смущении развел руками.

- Во сейчас сделаем! – это ожил второй «Свободовец» и поднял большой палец. – Давай-ка ее нарядим!

И он, подойдя к ветке, достал из контейнера «Ночную звезду». Камень светился чуть голубоватым светом, разгоняя тени. «Свободовец» пристроил артефакт в одну из развилок сосны, и тот, словно того и ждал, вспыхнул яркой синевой.

Собравшиеся в схроне как замороженные смотрели на импровизированную елку. Через некоторое время Сван, которому не терпелось отпробовать дорогого спиртного, кашлянул. Все повернулись к нему.

- Говори! – разрешил, улыбаясь, «Свободовец», пожертвовавший на украшение сосны «Звезду».

- Спасибо! – шутливо поклонился ему Сван и поднял кружку. – Ну, за нас с вами и за х...

Договорить ему опять не дали. На сей раз речь, словами «гусары, молчать!», прервал вовремя проснувшийся третий «Свободовец». Все громко захохотали. Сван тоже не смог удержаться от общего веселья. Пока он смеялся, проснувшийся пробрался к столу и плеснул немного виски себе.

-... с ними! – выдохнул, наконец, Сван и протянул кружку над столом.

- Будем! – с этими словами сталкеры сдвинули кружки. Алюминий глухо звякнул. В

Зоне наступил год Огненного Петуха.

Сталкеры выпили, закусили. Снова выпили, только теперь без закуски и не чокаясь: «За тех, кто в море». Потом «Свободовец», тот, что рассказывал, обратился к удачно проснувшемуся под новогодний тост коллеге:

- Ты что, Дрюня, грустишь? Я тут народу рассказываю, как мы от кабанов ушли. Помнишь?

Дрюня, действительно загрустивший после второго тоста, обвел всех собравшихся печальным взглядом и заговорил:

- Я вам сейчас, мужики, другую историю расскажу. —«Свободовец» прикрыл глаза, будто в прошлое смотрел; и от этого собравшимся в подвале стало немного жутко. - Началась она в восемьдесят пятом, когда я родился. Тут, между прочим, родился. В Припяти. В санчасти, на углу Огнева и Дружбы Народов. А родители мои жили в высотке на Лазарева...

* * *

Излом – порождение Проклятой Земли - был стар. Даже по человеческим меркам стар: лет полста и еще пятнадцать. Правда, мутант не знал (вернее – не помнил), что такое человеческий возраст, так как сам уже давно не был человеком. Он мог думать почти как человек, мог говорить как человек, но не мог чувствовать, как человек. Зато, он чувствовал лучше иных людей, что подходит его время. Ему становилось все труднее и труднее выживать в этом жестоком мире. Болела «рабочая» рука, на зимнем сыром ветру ныли ноги, да и притупившиеся зубы уже не всегда могли правиться с жестким мясом мутантов. Оставалась, конечно, человечина, но охота на человека с каждым днем давалась все труднее.

Недели две назад или больше он сумел, притворившись раненым сталкером, подловить новичка. Новичок – совсем еще сопляк – подошел к «раненому» с одним намереньем – обобрать беспомощного собрата. Для того, чтобы услышать эту мысль, не нужно было даже обладать талантами телепата. Лихорадочный блеск свинячьих глазок, суетные движения и алчно трясущиеся руки – все это выдавало в сталкере жадного и глупого мародера. Теперь только на таких мог рассчитывать излом, потому что другие люди стали для него слишком опасной дичью.

Мутант расправился с добычей быстро и безжалостно, как и подобает хищнику. Мгновенный, когда взгляд даже не успевает фиксировать движение, взмах «рабочей» руки, и голова жадного глупца откатилась к камням возле дороги. Излом присосался к еще дергающемуся телу и стал пить теплую кровь. Пил, сколько хватило сил. Конечно, излом не кровосос, и его рот, в общем-то человеческий, не приспособлен к этому, но когда мутант оторвался от тела, крови в том осталось немного. Потом излом разорвал на убитом одежду, стянул ее с добычи и потащил обнаженный кусок мяса к себе в берлогу.

Это было давно. От пойманной дичи остались только кости, которые уже растащили по Припяти собаки. Опять пришел голод. Излом понимал, что он стареет и слабеет. Скоро на его территорию, наверняка, заявит права более молодой собрат. Исход схватки за место под проклятым небом Зоны можно предсказать заранее. И излом это понимал.

Он шел по улицам умершего города, кутаясь от промозглого сырого ветра в старенький плащ. Ныла рука, было холодно.

Вдруг, возле одного из полуразвалившихся домов мутант уловил человеческий запах. Излом остановился. Определенно – люди. Эту смесь пота, ружейного масла, дыма от сигарет и спиртового перегара трудно с чем-то спутать. Излом осмотрелся, повел носом, ловя воздух. Запах людей - а теперь он был уверен, что именно людей, а не человека - доносился из подвала. Ну что ж, значит, так тому и быть.

Глупые люди! Они сами забираются в ловушки! Излом был уверен, что справится даже с полудюжиной сталкеров, сидящих под землей. Куда они денутся из замкнутого пространства? Некуда им бежать! Что они могут противопоставить его скорости? Пусть он

не так быстр, как раньше, но людям, все равно, до него далеко. Что сможет их глупое оружие в закрытой тесной комнате, да еще в темноте? Да они же сами себе мешать будут, друг друга перестреляют!

Излом решил. Сегодня он будет сыт! И завтра будет сыт, и еще много дней. Пусть мясо протухнет, ему это не страшно. Луженый желудок мутанта мог справиться с мясом зомби. Куда там тухлятине! Только бы добычу не отобрали конкуренты!

Излом подошел к стене дома и прислушался к голосам, невнятно бормочущим из вентиляционной отдушины. Ну, что, куски мяса? Не подозреваете, что смерть к вам пришла? Какая-то фраза неожиданно всплыла из глубин сознания. Фраза из той жизни. «Берегись, ибо жизнь – это сущность творения!» Откуда эти слова, излом не знал, но они ему понравились, потому что точно подходили к ситуации.

Мутант посидел возле стены еще немного. В подвале затихли, и до слуха излома донесся какой-то мелодично-глуховатый металлический бой. Потом голоса опять поползли из отдушины. Излом собрался было спуститься вниз, но по лестнице из подвала кто-то затопал.

Первая заповедь охотника: не бросайся в схватку очертя голову. Излом ее хорошо усвоил в том бою с кровососом. Опыт, сын ошибок трудных, пришел к порождению Зоны вместе с болью в сломанной ноге и долгим голоданием, когда излом вынужденно отсиживался в какой-то пещере.

Врага и добычу надо сначала разглядеть. Поэтому мутант скрючился за обломком бетона и выглянул небольшую щелку между стеной и укрытием. Излом хорошо видел, как из подвала выбрался сталкер, осмотрелся и, не заметив охотника, шагнул в сторону от входа. Излом напрягся – легкая добыча. Он уже был готов напасть, но передумал. В подвале оставались сталкеры. Они могли прийти на помощь своему собрату. Нет, от смерти спасти его, конечно, не успели бы, но на открытой территории излом не справился бы с врагом. Только в подвале были шансы.

Мутант ждал. Сталкер наклонился и вытащил из ниши возле двери невзвест как оказавшуюся там ветку. Со своей находкой он спустился в подвал. Мутант выждал немного и тихо пошел вниз по лестнице.

Ни один камень не был задет, ни один кусок штукатурки не упал. В абсолютной тишине мутант прошел вдоль стены длинного темного коридора, не замеченный добычей. Возле поворота он осторожно переступил через проволоку растяжки, мысленно усмехнувшись простоватой уловке. Потом он шагнул в темную и замусоренную комнату.

Сталкеры расположились за стеной. Гул голосов, что был слышен на улице, здесь стал сильнее. По расчетам мутанта выходило, что за стеной в небольшой комнатке собралось человек шесть-семь. Все уже выпившие. Легкая добыча! Охотник подобрался перед атакой.

Что-то заинтересовало излома. Он немного расслабился и прислушался. Слова улавливались с трудом – говоривший почти шептал. Мутант прильнул к кирпичной кладке. Человек за стеной говорил что-то о какой-то «припяти» и непонятной «санчасти». Излом поискал глазами и увидел в стене щелку, сквозь которую пробивался синеватый свет. Мутант заглянул через нее в соседнюю комнату.

Люди – семь штук – сидели вокруг какого-то ящика и слушали рассказчика. Того, который произносил все эти непонятные слова. Слева от него стояла ветка, принесенная сталкером с улицы. На ветке уютно устроился, как новогодняя игрушка, синий камень.

Излом отошел от стены. Охотиться расхотелось.

Медленно и осторожно мутант выбрался на поверхность, оставив сталкеров, так и не узнавших о близкой смерти, мирно отдыхать в подвале.

Излом пошел по улице, сгибаясь на ветру и кутаясь в драный плащ. Со спины донеслось завывание. Это стая слепцов, возглавляемая чернобыльцем, заявляла свои права на добычу, помилованную изломом. Старый мутант развернулся к собакам. Издалека на излома смотрел лохматый, черный как смоль пес. В его глазах читалось: «Можно? Можно?! Ну, разреши!» Получив такое позволение от существа, стоящего выше в иерархии Зоны, вся

стая бросится в подвал. Глупые! Они, конечно, погибнут. Но и сталкеры могут пострадать!

Излом не позволил собакам напасть. Он тихо и зло шикнул на вожака. Этот звук затих уже на другой стороне улицы. И, конечно, он не мог донестись до собак. Но черныбылец прекрасно понял приказ. Стая развернулась и унеслась в ночь.

А излом, по-стариковски шаркая ногами, пошел домой. Он смотрел по сторонам, но видел не развалины домов Припяти, а серые скалы, на которых росли кривые, но очень красивые пушистые сосны. Дома, в высотке на улице Лазарева, мутанта ждала ветка сосны, с которой давно облетели порыжевшие иголки. Ветка, на которой висел чудом не утративший свой праздничный блеск стеклянный новогодний шар, синий, как июньское небо Карелии.

Яна САУШИНА

Возвращение

-Вот как бывает, не надо не верить. -произнес Сыч глубокомысленно.

Сидящие у костра, те, кто из ветеранов, утвердительно закивали, довольно посмеиваясь над скептическим выражением лиц новичков, проживших в Зоне только первую неделю.

Сыч продолжал:

-Вы слушайте нас, слушайте, пока мы добрые, тут и не такого расскажут. А потом поможет вам наша история - век вспоминать будете добрым словом!

-Да не может такого быть, чтобы сталкер весь хабар свой ради того, чтобы пушку старую выменять отдал! Как это так?- выпалил паренек, особенно не веривший старожилам.

-Ээ! Балда, ты чем слушаешь?- сказал Седой и постучал кулаком по черепушке. - Счастливый ствол был, талисман!

-Да лучше бы "Винторез" купил... - с нотками презрения и сожаления в голосе отозвался паренек.

Сыч добродушно махнул рукой.

Седой устроился на ящике поудобнее, открыл флягу, хлебнул и сказал:

-Ну а теперь я расскажу, пожалуй. Сыч, даже ты эту историю не знаешь.

Выждав паузу, вспоминая детали, он начал:

- Топаю я, значит, к нашему питейному заведению, улыбаюсь всем подряд, то-то хорошо, когда хабара на много-много единиц сталкерских денег. Дохожу до заветной двери...А до меня уже звуки родные доносятся, ну там, - посуда бьется, говор сталкерский слышно, бармен что-то кричит-надрывается. Как обычно все, короче. Все такое родное, знакомое, да после трудностей Зоны даже добрым и приветливым кажется.

А ходка сложная была, ох никому не пожелаешь! Зато хорошая, много наработали в тот раз. Захожу, значит, внимания не обращаю ни на кого, рюкзак сразу на стойку бармену, да контейнеры один за другим знать выкладываю...Ну, он посмотрел, покосился на меня исподлобья, мол, разбоем промышляешь? - а как увидел мой вид потрепанный, да синяки под глазами, да комбинезон весь в крови перемазанный...ничего, в общем, не сказал, расплатился, выпить налил за счет заведения. А я везунчиком раньше был, завидовали все, ну. Вот, гляжу, и Следопыт подошел, напарник бывший, тоже с ходки видно только что, вымотавшийся, но хабаром тоже довольный. Что делать будем? Вопрос, конечно, риторический. Стоим оба в лопату трезвые, думаем, чем дальше заняться. А я вдруг говорю: "Не пойду никуда больше, ну эту Зону!". А он мне отвечает: "Да каждый раз от тебя одно и то же слышу - не пойду, не пойду...", а сам грустный сделался, что на него не похоже. А я думаю - ну все, понесло человека не в ту степь, пора завязывать. И понять не могу - что с ним такое? Мы с ним в Зону вместе пришли, друзьями пришли. Я его до пересечения Периметра неплохо знал, а тут вообще изучил все причуды его характера...

Знаете, какой человек до Зоны это и не важно, в общем-то. Был человек до нее слегка трусоват, тут он от страха дрожать будет как лист осиновый и каждой тени бояться. Предавал по мелочи, здесь такой падлой станет, что дел с ним лучше никаких не иметь. Только не заметишь этого, пока сюда не попадет. Никто не меняется, только показывает настоящую сущность. И сущность эта чаще всего не самая лучшая. Крысы, трусы, предатели - гнили всякой хватает. Всем только бабок побольше...

Ну так вот. Спрашиваю я Следопыта добродушно так, без задней мысли: "Ну кто ж не говорит-то, елки-палки, ты-то сам сколько раз клялся!", хлопнул его по плечу, а он как выдаст! Тираду закатил, речь толкнул! У меня глаза на лоб, челюсть вниз, уши враслопырку - слушаю, диву даюсь. Сейчас...гм...попробую процитировать...

"Вы, -говорит,- Зоной избалованные, везунчики проклятушие, словами бросаетесь почем зря - "в Зону не пойду", "завтра последний раз", тьфу! И никто ведь из сказавших не завязывает, все здесь гробиться продолжают, все лезут на рожон, задницы свои подставляя, да ладно бы только свои. Мечтатели хреновы, счастья вам всем даром хочется, адохнете, и часто так бывает, ничего не остается,- пшик! - и нету брэнной плоти, лети, душа, не в ад, не в

рай и не в нирвану. В Небытие пропадать!"

Я только глазами хлопаю, смотрю на него. И возразить хочется, сами понимаете, он ведь сталкер такой же, так же за хабаром ходил, сам про себя, считай, говорил. Но молчу, на драку не нарываюсь, даю человеку высказаться.

А он продолжает... "А я вот хочу уйти и уйду! Протрезвею, долги отдам, вещи соберу, и домой - опостытело!,- на весь бар проорал,- Слышите, говорит, уйду завтра, всем говорю, и помяните слова мои!"

В баре, помнится, слегка приутихли, но тут же посмеиваться начали - много таких сцен было. А Следопыт рюмку опрокинул, поставил на стол с громким стуком, и, даже на меня не глядя, удалился. Я следом спать пошел. Проснулся я где-то под вечер...Ну я же три дня почти не спал, нормальное дело! А ты не перебивай!...Тьфу, о чем я? А! Захожу в Бар, прямиком к бармену иду, похмелиться, ясно дело, а он как меня увидел, сразу говорит:"Ушел твой Следопыт, долг отдал, снарягу лишнюю распродал и ушел на рассвете". А я встал как вкопанный, беду чую,большую беду. А бармен добавляет: "И КПК он тоже продал, так что не ищи его". Совсем я расстроился, вещи стал собирать, чтобы найти друга-то. Долго я его искал, даже не смог выяснить, выбрался он за Периметр или нет, никто его не видел и не помнит. Ну, думаю, раз нигде его не видели, сгинул хлопец...Опечалила меня сия догадка, но жизнь-то продолжается, не так ли? Три месяца существовал я как обычно - ходки, хабар, бар, ранения, приключения...Сталкерская жизнь...

А потом какой-то кризис начался, перестало фартить, и все тут, едва в долги не влез...И вот в этот период совершенно случайно прочитал я новость в рассылке, мол, директор такой-то нефтепромышленной компании Иванов Иван Иванович подписал договор, и бла-бла-бла...ну не суть, а суть-то в том, что директор этот и есть Следопыт! Я не поверил, вышел в Интернет, фотографию увидел,- елки!- и правда он, не ошибся! Сталкер Следопыт...только при полном параде, уверенный в себе бизнесмен...Подфартило человеку...

Вот, в общем, как бывает - отпустила его Зона, отпустила, зараза такая. А все почему? Словами не бросался впустую, сказал уйдет, вот и ушел, и зажил в свое удовольствие. А вот думать хорошенько надо, прежде чем что-то говоришь и в два раза больше думать, когда что-то обещанное собираешься не делать. А вы, парни, хорошенько мозгами пораскиньте, сможете ли вы здесь находиться, и надо ли вам счастье это монолитовское, дармовое это в больших кавычках счастье...хорошенько подумайте, вам вернуться еще не поздно...Ну а я тут останусь, меня Зонане выпустит.

Шустрый

Я на то и был Шустрый, что всегда везде успевал, поэтому мне доверяли самые сложные и важные дела, и я всегда исполнял все в самом лучшем виде. И получал неплохо, сразу откладывая на счет в банке. Была мечта у меня как и у всех сталкеров – заработать да уехать подальше от постсоветских территорий.

Этот заказ был самым важным за последнее время. От меня требовалась предельная скорость и максимальная безопасность таинственного ящика, который и был грузом. В Зоне назревала нешуточная война. Нет, здесь война, конечно, каждый день, но это обещало быть чем-то более грандиозным. Вовлечены все группировки, а так же торговец, подчинивший себе большую долю зонного рынка. Все друг с другом что-то не поделили, всех все не устраивало, каждый день от одной группировки другой присылались «черные метки» и просто недобрые послания. Начнется эта перепалка серьезно, пострадают все. Плевать мне было на кланы, группировки, банды и странного торговца по кличке Ферзь, я боялся за свою шкуру, а так же за вольных бродяг и свои заказы. Это приносило прибыль, прибыль я терять не хотел. К тому же излишняя возня привлечет внимание военных, кто-то из них уже давно грозит Зону с землей сровнять.

Сейчас я шел от Ферзя, неся сломя голову по Свалке, на каждом шагу молясь, чтобы не наткнуться на незамеченную аномалию или голодного мутанта, про бандитов вообще

думать боялся. Ферзю я принес КПК с важной информацией, а тот бесцеремонно всучил мне еще одно задание и сказал, что если не выполню, меня найдут и покарают, а оба счета в банке временно заблокированы, чтобы на большую землю не сбежал. Эти счета были, конечно, не единственные, но сам факт меня взбесил. А что оставалось делать? Меня приперли к стенке. Ненавидел я таких уродов, не умеющих дела вести.

Я не спал уже вторые сутки, последний раз ел пять часов назад, ноги не слушались, а дыхание постоянно сбивалось, однако время поджимало и гнало вперед и вперед, заставляя забыть про усталость и тяжесть. Я снова выдохся, прислонился к какому-то бетонному блоку и жадно вылакал полбутылки воды. Посмотрел на время – точно половина 12, у точки назначения в Темной долине нужно быть через полтора часа, а это совсем немного, я никак не успеваю. Ну кто мог знать, что мне придется удирать сначала от бандитов, потом от стаи слепых собак, потеряв на это два с половиной часа? Это же чертова уйма времени. Не повезло...

Навалилось отчаяние. Не донесу – хана спокойствию в Зоне, хана мне. Нужно было что-то срочно предпринять пооригинальнее пешего передвижения, и я начал лихорадочно думать. Три причины, по которым срываются все наши планы – это отсутствие желания, денег или времени. Из всего последнее было самым подлым, время оно ведь никого не ждет. Но с первым и вторым проблем у меня не было. Значит, будем использовать. А еще наглость это второе счастье, а знание это сила.

Я достал КПК и быстренько набрал личное сообщение Информатору, с которым у меня были хорошие деловые отношения:

«Здорово, хочу купить координаты аномалии-телепорта, что на Свалке и ведет на Кордон».

Ответ последовал через 2 минуты:

«Откуда знаешь?! Ну, уже неважно. 3 000»

20 секунд ушло на пересылку электронных денег. Теперь предстояло сделать звонок. Как хорошо иметь везде знакомых, и как хорошо иметь много денег.

Я набрал номер и стал ждать ответа.

-Добрый день, сержант Соколов! Это Шустрый.

-Добрый день, Шустрый. – ответил явно настороженный нежданным звонком голос.

-Все вертолеты сторожите? А помните, как я вашей группе жизнь и репутацию спас?

Сержант замялся. Хорошо, когда тебе жизнь спасают, только плохо, когда нужно делать что-то в ответ.

-Но мы же, вроде, расплатились,- вспомнил Соколов.

-И я с тобой щедро расплачусь, если подгонишь вертолет на железнодорожную насыпь.

-Это неосуществимо.- отрезал военный.

-Не заливай. Тебе все равно груз везти для ученых, я расписание знаю. Так что собирай все необходимое и сразу вылетай. У вас полчаса. Не сделаешь или не успеешь, я смогу тебе жизнь попортить, не сомневайся. Твое начальство о многом ведь не знает, не так ли?

Я хорошо знал сержанта, он был жаден и охоч до денег, а еще труслив, так что в выполнении я не сомневался.

Я посмотрел на время – 11.37. И куда минуты деваются? Жаль, нельзя было ждать вертолет здесь, на Свалке, но тут просто негде приземляться и опасностей много, так что я выбрал самый оптимальный вариант.

Тем не менее, я все равно не успевал, сержант с вертолетом могут опоздать, я могу опоздать, а туда лететь еще неизвестно сколько. Нужно было перестраховаться. Я подумал и понял, что и не перестраخуешься никак, опять остается уповать только на везение. И на исполнительность военных тоже.

Я встал и направился по карте до отметки с аномалией-телепортом. Она находилась прямо посреди ближайшей кучи мусора. И раз про нее мало кто знает, добраться будет не так-то просто.

Опасения оправдались, мало того, что там страшно фонило, так еще и восхождение на

эту гору можно было сравнивать с восхождением на Эверест. Сдаваться я не привык, так что старался шевелиться как можно быстрее, и в итоге, взмокший и уставший, добрался до пункта назначения за 13 минут. Неплохой результат. Я отдышался, шагнул в аномалию. Голубая вспышка, и очутился на Кордоне. У меня еще оставалось время.

* * *

Забравшись в давно брошенный вагон в целях собственной безопасности, я наслаждался минутами отдыха и обдумывал ситуацию, в которую вляпался. Сколько бы я ни сопоставлял факты, цельной картинкой не получалось, все упорно не хотело складываться в логическую цепочку. Почему именно я? Почему такие сроки и такие условия? Почему это НАСТОЛЬКО важно для Ферзя? Кто вообще, собственно говоря, этот Ферзь?

Появился он непонятно откуда, сразу же развил бурную деятельность и подмял под себя мелких торговцев, не поделил что-то с «Долгом» и «Свободой», его невзлюбил Сидорович. Хотя со «Свободой» они вроде как перемирия хотят, переговоры постоянно ведут.

Мне стало любопытно, что же там в этом ящике. Он был на кодовом замке, но для меня это было не проблемой. Он был точно такого размера, чтобы уместиться в сталкерском рюкзаке, что предусмотрительно. Стальной. Потряс – ничего не стучит, но и не пустой это точно, тяжелый очень. Повозился пять минут, открыл его и оцепенел – внутри была самая настоящая бомба с механическим таймером, в основе которой был артефакт «Золотая рыбка». Это было покруче тротила. Ей можно было запросто снести, скажем, две пятиэтажки. Один минус – заготовка из артефакта через определенное время выдыхается, бомба не сработает, поэтому-то такие жесткие условия. И этот подарочек ехал к лидеру «Свободы», вот это дела! Устранение врагов самым подлым способом! Теперь понятно, что не управься я в срок, я бы так и так погиб. И понятно, почему был выбран именно я – быстрый, заглядывать в чужие посылки не люблю, это все знают, к тому же, что немаловажно, мне все доверяют. Только просчитался ты в этот раз, Ферзь, сильно просчитался, теперь-то я знаю, куда лететь и что делать. А самое главное, кто воду в Зоне баламутит и весь здешний бизнес под себя подмять хочет.

Теперь нужно, чтобы вояки не сильно опоздали со своим вертолетом, а то хана мне. От бомбы избавлюсь, не проблема, а вот как потом от Ферзя избавиться это вопрос. Зона-то маленькая, а людей на него уже сейчас работает около 20, и это только постоянных. Очень много по местным меркам.

Послышался вертолет, я посмотрел на время – 12.15, в час дня рванет.

Через несколько минут со мной связался Соколов и я сказал ему, куда садиться – прямо на рельсы, предварительно проверил место датчиком аномалий.

Из кабины вышел сержант и тут же задал вопрос:

-Куда летим?

Я открыл карту и указал на место недалеко от Свалки.

-Сюда. На борту будет бомба, а здесь мне нужно быть без десяти час. Зависнем над зданием и сбросим ящик, сразу же в темпе тикаем оттуда, взорвется, и спокойно летим к ученым. Оплата у них. Передай пилоту, пусть рассчитает время, но если опоздаем, по всей Зоне раскидает мелкой пылью. Ясно?

Сержант явно был удивлен и напуган, и тут же помчался передавать информацию пилоту, а я поскорее запрыгнул в кабину, где сидели еще два бойца, чтобы ненароком без меня не улетели. Следом за мной запрыгнул Соколов.

-Успеем? – спросил я.

-Да, даже может время остаться. – ответил он.

-Отлично.

Вертушка летела неровно, облетая аномалии, находящиеся в воздухе. И под монотонный звук лопастей я начал засыпать, глаза закрывались сами собой.

Соколов дернул меня, а я спросонья чуть не разбил ему нос. Сообразив, где я и кто я, я вопросительно глянул на сержанта. Он сказал:

-Подлетаем, что дальше?

-Нужно открыть люк и сбросить вот этот ящичек...-я потянулся за рюкзаком и достал контейнер с бомбой.- Прямо на то здание.

Соколов кивнул бойцам, чтобы те занялись люком.

Я посмотрел на время – 12.51, значит, пилот молодец и рассчитал правильно. Кстати, надо бы и к нему самому сходить. Знаком я показал – «снижайся», а сам взял в левую руку ящик, в правую родной «винторез» и начал приглядываться как бы получше сбросить. Наконец, прицелился и кинул. Люди Ферзя, видимо, сообразили, что вертолет не мимо пролетает и высыпали из здания с оружием.

-Драпай давай!!-заорал я в кабину.

Пилот послушно начал набирать высоту и уходить в сторону. Я сообразил, что люк надо закрыть от греха подальше, отстреливаться бесполезно, и только я это сделал, пули зацарапали по летающей машине. Всполошились-таки, но поздно уже дергаться, приплыли, товарищи. Кажется, по нам еще пытались стрелять, но не попадали, и хорошо, что в их арсенале не было РПГ, не ожидали они такого.

Ровно в час прогремело, но мы были на достаточном расстоянии, так что до нас донесся только звук.

Я услышал взрыв и улыбнулся, я был просто счастлив, я все сделал правильно.

«Не бывает безвыходных ситуаций, все можно решить, нужно только Шустрым быть», подумал я и снова улыбнулся, на этот раз получившемуся полустиху.

С такими мыслями я буквально свалился на кресло и тут же крепко уснул, позабыв про все.

Владимир ЗАДОРЖНЫЙ

День как день

Я его знал всего часа три, но надоесть он мне успел смертельно. Все время сопел, шмыгал носом, а время от времени начинал насвистывать. Учить его жизни не стоило, встретились мы в баре «Сто рентген», и ему, и мне надо было в Темную Долину, вот и решили идти вместе. После выброса всего неделя прошла, слепые псы лютовали нещадно, и только герои из старых легенд типа Меченого или Клыка с Зомби рискнули бы выйти на просторы Зоны в одиночку. Вот и пришлось нам становиться напарниками на время перехода. Кивнул я ему молча, он тоже буркнул под нос нечто невнятное, мне непонятное. В общем, познакомились. Сразу и отправились в утренний туман.

О дороге говорить не приходится. Кто ее не знает, старую трассу Чернобыль – Припять? Сразу за заставой «Долга» прижались к восточной стене и пошли зелеными призраками на юг.

Только глупые новички и дерзкие экстремалы вылезают на громыхающий переходной мостик из листового железа. Тут на них местная стая собак и набрасывается.

Обошли мы ареал обитания мутантов, расхода патронов – ноль. И это радует, честно признаюсь. Патроны денег стоят, а их всегда и так не хватает. Я, как и Лемур, хочу накопить заветную цифру. Только она у меня несколько больше. Мне надо пять миллионов евро. Жизнь дорожает, ставки растут. Хочу бунгало на Гавайях, катер в бухте, поместье в Нормандии, квартиру в Стокгольме и Берлине, виллу недалеко от Рима на побережье. Я там буду девочкам из Полтавы «Декамерон» читать. Что может быть лучше девушек? Ничего. Ведь они венец творенья. Просто сидит она перед тобой, а глаз не оторвать. То изгиб бедра, то абрис груди, и даже дурацкое колечко в пупке впечатление от шелковистого животика не портит.

Напарничка мне Черный Сталкер подогнал неважненького. Ушлепок конченный, право слово. Я всю дорогу первым шел, он ни разу даже не предложил поменяться. Дурачок, стая со спины нападает, давай, прикрывай мою задницу, она этого стоит.

Да только пришла беда, откуда не ждали.

Мы уже вышли на последний рубеж перед радиоактивным пятном на Свалке, его перейдем, там можно будет и на отдых остановиться, мы уже будем в Темной Долине. Дотянем до остановки на старом Южном шоссе, там и разойдемся в разные стороны по своим делам. Я пойду на север – на заправку. А его планы я не знаю.

И не узнаю никогда. Кончились его планы, вместе с ним кончились. Разлетелись с мозгами по жухлой траве. Это я уже на земле лежа додумывал, и мысли мелькали, словно кадры при ускоренной перемотке. Спокойно, сталкер, ты еще жив.

Так, имеем этюд карандашом. Стрелял по нам снайпер. Паренек явно не глупый. Первым свалил замыкающего. Впереди часто идет менее опытный ходок, пока поймет, что случилось, можно и его подстрелить. Только сегодня стандартная схема дала сбой.

Я услышал сзади глухой хлопок, будто арбуз треснул, и сразу бросился на землю. Не дал себя поймать в перекрестие прицела. Пока что. Только стою я все равно прямо на пороге в чертоги смерти, и ласковая трехголовая собачка Цербер приветливо машет мне всеми ушами, приглашая заходить, не стесняться...

Снайпер-то ведь никуда не делся. Сидит на подготовленной позиции, и как только я шевельнусь, сразу меня и прикончит. Что я могу сделать?

Самому застрелиться для экономии времени и нервов. Нет, ребята, хрен вам в рот, а не компот. Я не собираюсь жить вечно, но умереть хочу столетним старцем в постели с парочкой негрустных девиц. Да, кстати, мне уже надо только три миллиона евро на счету. Бунгало на Гавайях из списка вычеркиваем. И катер тоже. Буду жить в Италии и арендовать яхту при необходимости. Так, накоплю еще шестьсот тысяч и сваливаю из Зоны. Что-то тут неуютно становится. Стреляют и фамилии не спрашивают.

Второй вариант. Встать во весь рост, и, стреляя из автомата в белый свет как в копеечку, кинуться на врага и получить свою пулю в лоб. Героический, но чем-то он мне не нравится. Да, мне совершенно перестала быть нужна квартира в Стокгольме. В Швеции дикие налоги на недвижимость. Все, закончу с делами, выполню все свои обязательства и сразу уйду за периметр. Я здоров и богат, зачем мне тут каждый день жизнью рисковать?

Уползть в сторону? Тогда стрелок потратит на меня не один патрон, а два или три. Посмотрит на колыхание травы и пристрелит глупца. Не бегай от снайпера – умрешь вспотевшим. Старая сталкерская шутка.

Ждать. Просто и тупо. Что-то да изменится. Дождик пойдет. Темная Звезда, пошли мне ливень! Такой, чтобы на расстоянии вытянутой руки ничего бы не было видно. Я слишком много прошу? Тогда обычный дождик, с обычным туманом. Минут на десять. За это время меня здесь не станет. Или хотя бы ветерок, чтобы трава на нем качалась и не видно было моих попыток уползти.

Выстрела я не услышал. Только посвист пули и звук раздираемого свинцом мертвого тела. Он меня, что, напугать хочет? Нервы щекочет? Или он что-то придумал? Ствол у него

специальный. Наверное, любимый всеми профессионалами «Винторез». Винтовка специальная снайперская, скорость пули дозвуковая, но рвет все в куски. Лучше не подставляться. А солнышко все сильнее припекало из-за туч, и мне стало ясно, что затеял снайпер. Тропа здесь нахоженная, в любую минуту могли люди появиться с любой стороны, а против слаженной группы одиночка бессилён. Прижмут его, не давая голову поднять, обойдут с фланга и прикончат. А уходить ему без добычи не хочется. Вот она лежит, в десяти шагах от меня и метрах в двухстах от него. У сталкера только на поясе два-три артефакта висит, у меня четыре, а что-то еще и в рюкзаке спрятано. Бесполезных сталкеров не бывает. Во время блокады за бутылку минералки убивали, долго тогда, увидев встречную группу, вольные бродяги резко уходили в сторону. Подальше от случайных встреч.

Он этим выстрелом себе подмогу вызвал. Вдохнул я резко и ощутил вязкий и приторный запах мертвечины. Еще полчаса, в крайнем случае - час, и этот воздух, пропитанный миазмами смерти, донесется до слепых псов. И тогда они придут сюда, посмотреть – а чем тут так вкусно пахнет? И найдут нас. Тогда первый вариант покажется заманчивым. Мутанты любят кушать сталкеров живьем. Те платят по счетам, заживо сжигая подранков. Так и живут.

Нелегко это – тихо лежать, когда каждая секунда приближает тебя к смерти.

Что я могу? Позвать на помощь? Так некого. Одиночка – потому так и называется, что один как перст. Была в прошлом парочка приятелей, так раскидала нас жизнь. Автомат у меня под рукой, и дешево я собакам не дамся. Для последнего «прости» лимонка есть. У них сегодня на обед будет фарш нежный, у тех, кто выживет.

Темная Звезда, если я сегодня вывернусь, дам денег на детей-сирот, зачем мне их так много? Успеть бы все потратить, пока жив.

А запах потихоньку крепчал.

И ни ветерка. Поползу – сразу пулю получу. Что же делать? Стал свое снаряжение вспоминать. Рюкзак сразу из головы выбросил, не достать из него ничего. На поясе и в карманах тоже ничего полезного нет. А может, есть? В пятом контейнере для артефактов всякая мелочевка свалена. Открыл крышку и высыпал все на землю перед собой. Обойма с семью патронами от ТТ. Нашел как-то, никому она не нужна, а выбросить жалко. Пила ленточная по металлу. Камень со сквозной дыркой. Все собираюсь его на шнурок нацепить, да руки не доходят. Линза в замшевом мешочке. Мой поход в лабораторию к базе «отчаянных». Оставил на память. Кстати, дымовая завеса прикроет меня ничуть не хуже тумана.

Уже затекла от неудобного положения шея. Чесалось все тело одновременно и очень хотелось в туалет. Спокойно, сталкер, вон тому, с истекшим сроком жизни, уже никуда не надо. Ты хочешь к нему присоединиться? Нет? Тогда терпи, ты сам за периметр шагнул. Достал я линзу из матерчатого футляра, отбросил его на метр вбок, на сухую траву, и навел на кусок замши пучок сфокусированного солнечного света. Рука через три минуты налилась свинцом, но тонкая струйка дыма вливала надежду и силы. Жизнь вообще нелегкая штука, брат сталкер, надо уметь стойко переносить трудности. Но рука один черт дрогнула. Эх, Черный Сталкер, за что ты со мной так?

И в этот момент я увидел первый язычок огня. Он весело выскочил из рассыпавшейся ткани и перепрыгнул на сухие стебли травы. Весело затрещал и метнулся вверх по стволу кустарника в компании с белым дымком. Выстрелов по-прежнему не было слышно, но стрелял этот гад неплохо. Куст, посеченный пулями, развалился на несколько частей. Огонек, разбросанный по всей округе, превратился в настоящее пламя, рванувшееся вместе с серым дымом прямо в небо. Так и зажариться можно, подумал я. Вот он, мой шанс. Издалека донесся вой стай слепых собак. Черт, все одновременно. Полыхало уже знатно. Спасало меня только полное безветрие, иначе бы уже спекся. Натянул на лицо маску изолирующего противогаса с замкнутым циклом, не дышать же раскаленным воздухом, сожжешь дыхательные пути начисто, и метнулся вперед, за телом ушлепка. По моим прикидкам он меня должен был еще разок спасти.

Поднырнув под покойника, стараясь не думать, что через полчаса сменный патрон в противогазе действовать перестанет, а запах со мной до вечера останется, я взвалил труп себе на спину и на четвереньках двинулся к северной гряде холмов.

Сзади ревело, прогорая, нешуточное пламя. Со сползающей, неудобной ношей я с трудом уходил от огня. Случайный порыв ветра, – и у собак будут на обед два запеченных сталкера в собственном соку. До холма оставалось метров пятьдесят, языки пламени обходили меня и слева и справа, но метров сто я уже прополз. Где ждет моего выхода снайпер? Хотя уже не важно. Глупо быть храбрым, если это ума незрелость, глупо быть трусом, если ты все равно обречен.

Встал я, и, согнувшись под тяжестью мертвеца, засеменял вперед. Два раза меня в спину толкнуло, пока за холмом не скрылся. У напарника моего верного спины практически не было. Третьим выстрелом снайпер бы меня точно достал. Положил бы одним выстрелом двоих. Многие в перестрелках за живым щитом прячутся, а мне довелось за мертвым укрыться. Ушел все-таки. Спасли меня линзочка и детская память. Вывернулся. Все, ухожу. Прощай, Зона-мама. Сейчас народ из «Долга» на заставе подниму на охоту за снайпером, и пойду восвоюси. Кстати, а что нам на прощание перепало? Оружия на теле нет, там осталось, в огне догорает. Два артефакта на поясе, «вспышка» и «батарейка»! Непрост был паренек, только и на него пуля нашлась. А в рюкзаке...

Пот меня сразу прошиб. Сидел я на месте и таял, словно масло на сковороде. Лежали в сдвоенном контейнере артефакты перехода – сияли голубым светом. Мэр Нью-Йорка за них миллиард долларов дает и долю в прибыли навсегда. Можно квартиры по всем столицам мира купить и ездить всю жизнь, свое имущество осматривать. Это я неплохо линзу махнул не глядя. Удачно.

Прибрал я хабар знатный и пошел на заставу «Долга». Снайпера-то все равно зачищать надо. Дела надо заканчивать. А то Черный Сталкер будет тобой недоволен. А уйти можно будет и позже. День еще только начинается.

Дружба наемника

Кое-кто говорит о кодексе наемников, честном слове вора и прочей херне.

Мне тоже есть что сказать по этому поводу. Слушайте, волчата, историю джунглей

Первый раз об этом в баре заговорили. Что прогнило что-то в Датском королевстве. Совсем в Зоне стало невозможно на жизнь заработать. И цены на артефакты хороши, и многие ветераны разъехались по теплым и спокойным краям, места хлебные освободив молодой смене, но после Чарли Бешеного никто уже месяца три в миллионеры выйти не смог. Такие дела. После тихих посиделок Яша Топор в свою комнату поднялся и на прикроватной тумбочке неожиданно увидел записку. Драки в барах бывают только в кино да в книжках для слабоумных детей. Как можно собой из-за пустяков рисковать? Выбьешь сустав на пальце, и что будешь делать? В Зоне больничных листов нет. А если противоречия серьезные – достаточно дорогу перейти, вот она – Арена, вся для тебя и оппонента твоего. Заходи, выясняй, кто прав.

Яша записочку развернул и текста сначала не понял. Буквы в слова складывались, а смысл ускользал. Если хочешь увидеть свою семью живой, убей Зубра. Сроку тебе дается три дня. Что такая чушь может значить? Непонятно.

Был Топор прост, как одноименный инструмент. Пожал сталкер плечами и пошел в конец коридора, где в крайней комнате упомянутый в записке Зубр и обитал.

В двери постучался.

- Чего надо? – спросили в ответ неласково.

Он вместо ответа записку в щель между досок просунул. Выдрали ее из пальцев,

затянулась пауза, но, в конце концов, дверь приоткрылась.

- Если ты надеешься, что из благодарности сам застрелюсь, то ты трагически ошибся, - проворчал Зубр. – Однажды ты получаешь сообщение: «Все открылось, беги». Или встаешь рано утром, не помня ночи, и видишь свой нож и руки в крови. И тогда ты идешь в Зону. Или ты просто идешь в Зону за богатством и славой. И хоть пел Леня Утесов, что тот, кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет, пропадали целыми батальонами вместе с оркестрами. Гремели под фанфары в самое пекло и исчезали бесследно. Я в свое время просто пришел в Зону. За компанию с другом детства. Ему за речкой совсем плохо стало, все его не любили, правда, было за что, но это уже другой вопрос. Опыта у нас никакого, снаряжение – только стволы, и заметили нас координаторы наемников. Знаешь, в чем сила организации наемников?

- Много их, стреляют хорошо, - морща лоб и старательно шевеля губами, сообщил Яша.

- Деревня ты темная, - высказался Зубр. – Тайна, вот, что позволяет им выживать и зарабатывать. Никто не знает координатора сети. У каждого есть только ему известный номер, на котором и работу предложат, и советом помогут. Все эти отряды тупых отморожков с автоматами – верхушка айсберга. Нет, если стрелок месяца два по Зоне проходит, опыта наберется, он и дальше не пропадет. Станет командиром или разведчиком, вербовщиком или стратегом ветки, перестанет быть куском расходного мяса. Стреляют хорошо, поди же ты... А кто тут стрелять не умеет? А семья-то большая? Что делать-то будем?

- Лопухнулись они со мной, как мошенники с ночным сообщением: «Мама, срочно положи деньги на этот номер, позже объясню». Семей у меня в каждом городе по штуке, и пусть они, по стране катаясь, не забывают на Русь заглядывать, потому что и там могут брошенные девицы слезами обливаться, - сообщил весело Топор Зубру.

- То есть, тебя ничего не держит на большой земле, - понятиливо закивал головой кандидат в покойники. – Ясно. Тогда выспимся, а часа в четыре уйдем до рассвета от всех этих невнятных обстоятельств. Согласен? – предложил он Яше.

- Да, лучше в Зоне отлежаться. Куда пойдем?

- В Мертвый город, там давно никто не собирал, можно богатый хабар взять.

Пожали руки в знак нерушимости договора, и пошел Топор к себе обратно, по дороге мотая головой. Надо же, какие есть твари забавные, Людей за речкой шесть миллиардов, да хоть половину убей, никто о них не пожалеет. Кроме них самих, разумеется, но это не его проблемы.

С места вышли вовремя, двигались быстро. Никто не хотел лишний раз с патрулями «Свободы» встречаться, кто их знает, что они с утра курили? Прижались к берегу Припяти и пошли по влажной, чавкающей под ногами земле.

- Наемники – это паутина. Пока есть Сеть и электронные платежи, с ними ничего поделаться будет нельзя. У человека проблема – его враг живет долго. Заходит он в Интернет, раздел «услуги», находит неброское объявление: «оказываем эффективную помощь, дорого», выходит на связь и получает уже конкретные инструкции. Он никого не видел и не знает. Перевел деньги на счет, а условием получения является достоверное сообщение о смерти или исчезновении такого-то человечка. И дальше от него уже ничего не зависит. И всегда найдется паренек кудрявый или наголо бритый, которому эти деньги крайне нужны. А посредник с десятка заказов свой процент снимет и будет счастлив. А уж как тут в поле ротация кадров происходит – это отдельная песня. Года два назад, еще до всей этой истории со Стрелком, выбился в наставники местной школы для наемников доктор Тибибо. Тут у каждого не по одной кличке, Стрелок позже Меченым стал, Дракон иногда простым сталкером Дядькой притворяется, так что, как доктора раньше звали, никто тебе точно не скажет. Ходили слухи, что это Стас Смерть, уже прыть утративший для собственных походов, но порядочки у них там были лютые. Они там друг друга жрали. В прямом смысле. Самого худшего курсанта по итогам дня резали на мясо. Из первого набора в семьдесят

человек через три недели двадцать осталось, но это уже были не совсем люди.

Яше от негромкого голоса спутника плохо стало.

- Да уж, доктор был великий воспитатель, почти как товарищ Сталин, только лучше. Товарищ Сталин маршала Еременко звал прямо в глаза Брехунишкой. Тот отчитается по бумажке, председатель ГКО трубочку почистит и говорит ему ласково: «А сейчас маршал Еременко расскажет нам о положении на фронте более правдиво...». У доктора такой финт бы не прошел. На ужин бы все Политбюро с Генеральным штабом по кусочку мяса к rationу получили бы. И сожрали бы, причмокивая. Только масштаб у него на наше счастье был меньше, у доктора. Ох, не дурак он был. Когда с человеком бок о бок день хотя бы поживешь, пообщаешься, а потом им тебя и кормят, сразу очень хорошо понимаешь, где твое место. Грызешь косточку, а у самого в башке такая херня крутится, что никому не пожелаешь. Ведь его сейчас, бедолагу, уминают, а выкинь фортель какой, и эти твари, что рядом сидят, будут тебя трескать. Начинаешь на всех лютым волком смотреть, любого готов порвать в клочья, лишь бы самому лишний день прожить. Такие дела. Вход свободный, а выхода нет. Конструктивно не предусмотрен.

Так за веселой и поучительной беседой потихоньку до окраин Мертвого города и дошли.

Район Речпорта плотно черные сталкеры держали. Никто их оттуда выбить не мог, ни «Монолит» с наемниками, ни военные. Те туда и не лезли. Бывали случаи, когда они и вместе бизнес крутили. Медикаменты и патроны в обмен на артефакты. Было их тут стволов триста, постоянно живущих. Потери компенсировались потоком дезертиров отовсюду и теми, кому здесь было жить проще и понятней. Общие угрозы встречали вместе, а так жили сами по себе, занимаясь собственными делами.

К чужакам относились нейтрально, сразу в драку не лезли. Где бы ты ни был, все дороги всегда ведут в кабак. Там и новости узнаешь, и чего не хватает достанешь, и лишний груз в звонкую или шуршащую монету превратишь.

Вошли в подвал, слегка пригнувшись, все как всегда и везде. Над рукомыником галерея народного творчества. В основном картины эротических фантазий посетителей и подписи к ним. Но были и самодостаточные надписи: «Пятого июля три зарубки на приклад!», «Жабу хуем по губам». Просто и понятно.

- Эй, что тут у вас пожрать можно? – щелкнул Зубр пальцами.

- Солянка и крольчатина с макаронами, - сказала щуплое существо, даже в помещении не снимавшее защитной маски.

- Крысятина свежая? – продолжил беседу сталкер.

- Крольчатина, - робко поправил щуплый. – Свежая. Все свежее. Что пить будете?

- Спирт с перцем. Есть?

- Как не быть? – удивился официант. – Самый популярный в наших местах напиток. Сей момент все будет в лучшем виде.

- Время на суету по развалинам тратить не будем, - сказал Зубр. – Будем делать, как умный еврей Березовский. Было ваше – стало наше. Сейчас подкрепимся, и пойдем местным старейшинам показываться. В солдаты Речпорта запишемся. Завтра война начнется, люди будут нарасхват. Местные наверх пойдут, а нас с тобой будут в караулах гнобить. Как только в пост у кладовой поставят – берем артефактов, сколько сможем унести, и уходим за речку. Отсюда до другого берега километров пять от силы, один рывок, и мы ушли бесследно.

- А почему ты думаешь, что завтра война начнется? – удивился Яша.

- Пусть лошадь думает, у нее голова большая. Знаю. Мы вечером патруль наемников подкараулим и печень у них вырежем. Тут они и взовьются. Не любят они быть кормом. Завтра к обеду трупы здесь будут штабелями лежать. А мы разбогатеем и будем на белом песочке среди голых девок кувыркаться. Такой вот у нас простенький план.

Тут Яша в первый раз подумал, что проще было бы указание из записки выполнить.

- Нет, - покачал головой Зубр. – Не проще. Мне тут новичок был нужен, вот я тебя и проверил таким нехитрым способом. Ничего тебя не держит, ты тут просто на заработках.

Вот и сделаем дело на пару. Одному и рук не хватит, и много не унести. Вздремни после обеда, ночью спать не придется...

К вечеру дождик заморосил.

- Замечательная погодка, - сплюнул на пол Зубр. – Разгонит всех по норам. Лишних глаз не будет.

- А патрульные в тепле не захотят отсидеться? – поинтересовался Яша.

- Вряд ли. Начальство у них строгое, за невыполнение приказа легко могут шлепнуть. Лучше с насморком жить, чем без него умереть.

- Как у них служба поставлена?

- В патруле обычно парой ходят. Шесть-семь двоек на район. Резервная пятерка на случай серьезной заварушки с ручным пулеметом. Командир смены с ними. Класть их надо в одну секунду, чтобы ни вздохнуть, ни перннуть не успели. И сразу убегать сюда, след почетче оставляя. Пошли. В тепле сидя богаче не станешь.

Ожидание патруля среди развалин оказалось делом небыстрым. А дождь настырно барабанил по плечам и капюшону. Время тянулось и тянулось, а патруля не было. Место надо менять, подумал Топор, когда за поворотом послышались шаги по хлюпающей грязи и негромкая матерная ругань в адрес подлого неба. Засада приготовилась. Яша расклады помнил, его мишень – правая. Из-за угла вышагнули двое из ларца, одинаковых с лица. Винтовки натовские, форма с водоотталкивающей пропиткой, так бы и убил, чисто из зависти, подумал Яша и нажал на спуск. Зубр успел подстраховаться и, выстрелив в своего клиента, для верности продублировал и цель Топора. Две пули, попав в голову одновременно, снесли ее напрочь.

- Бегом, - шепотом скомандовал инициатор войны.

Моментально все с тел срезали, карманы вывернули. Нож возник в руке Зубра. Острое лезвие впилось в человеческое тело. Две минуты, и кровавая разделка была закончена.

- С днем рождения, Яша.

- У меня было уже, весной.

- Если бы ты здесь блевать стал, пришлось бы и тебя резать. Так что, с днем рождения.

Поговорили компаньоны.

Сполоснули руки в луже, огляделся Зубр вокруг и повел Топора вправо. Тот, с грузом двух трофейных подсумков, рюкзаков и винтовок, держался сзади. А впереди, на перекрестке, стояли по-хозяйски трое.

- Ну надо же, - сказал Зубр, присмотревшись. – Вот как иногда карта-то ложится. Стой здесь, а мне и пообщаться не грех со старым другом. Сколько уже не виделись.

- Трактор, дружище, смотрю, глазам не верю! – вышел Зубр из тени стены на середину улицы, широко распахнув свои объятия, как будто хотел обнять весь мир.

Здоровяк тоже устремился вперед, громко хохоча.

- Зубрик беловежский, вдвоем мы с тобой уцелели в этой каше, сейчас мы это дело отметим! – говорил он, тиская родного человека.

А тот определил на ощупь край бронежилета, и приступил к трюку сложному, почти цирковому. Из рукава выпало в расслабленную ладонь лезвие ножа и вошло под край защитной одежды, прямо в селезенку. И повернулось там. Не само. Зубр его крутанул своими железными пальцами, обеспечивая другу своему внутреннее кровотечение и болевой шок. И пока тот замер, уже умирая, но не осознавая это как случившийся факт, убийца времени даром не терял. Две коротких очереди в упор ударили в расслабившихся бойцов сопровождения.

- В кругу друзей клювом попусту не шелкай, - произнес короткую надгробную речь бывший наемник. – Прощай, брат, ничего личного. Яша, собери с них трофеи, а я покараулю.

Подождав немного, Зубр наклонился над телами и отрезал у каждого по левому уху.

- Ложный след, есть тут такие ухорезы, пусть на них думают, - объяснил он свои действия напарнику. – Первое правило кодекса наемников – свидетелей не оставлять. А

когда выучка сталкивается с личными привязанностями, она должна побеждать.

Они легко исчезли в темноте. На базу Речпорта вернулись налегке, надежно припрятав добычу в тайнике и уничтожив все лишние улики.

- Не чокаясь, - сказал Зубр у них в комнате, разлив по стаканам водку.

-Погоди, - сказал Топор.

- Что еще?

- Этот Тракторист... Ты его хорошо знал?

- С самого детства. С ним в Зону пришел. В школе доктора каждый день друг друга спасали. Все три недели. А что делать-то? Не мы такие, жизнь такая.

Через час, услышав сопение Зубра, Топор еще раз подумал, что в записке дельный совет был написан, таких, как его партнер, надо на месте кончать и фамилии не спрашивать. Мысль мелькнула и исчезла. Подумав секунду, Яша решил сборами не заморачиваться. Все ценное лежало у него в карманах, в рюкзаке оставался только НЗ. Его и бросить не жалко. Бесшумно встав, он выскользнул в дверь.

Уже выбравшись на другой берег речки Припяти, он захохотал и побежал вперед, приговаривая:

- С днем рождения меня, с днем рождения!

За хабаром

К воротам Стас Смерть подошел раньше назначенного времени, но Цыган был уже на месте в полной боевой выкладке, с оптикой, прицепленной к автомату и с пустым рюкзаком за плечами.

Молча кивнули друг другу, чего лишний раз рот открывать, еще ворона залетит.

Цыган поправил ремень и направился к железной дороге.

Утром, как всегда после относительно теплой ночи, похолодало, и землю покрывала белесая пелена тумана. Обитатели Речпорта в это время еще спали, за исключением тех, кого злая командирская воля поставила на пост и тех, кого похмелье и холод панельных развалин выгнали из каменных джунглей в поисках чего-нибудь согревающего или горячительного. Один, словно тень, минут пять скользил вслед в колышущейся дымке.

До намеченной цели, – туберкулезного диспансера, было часа два ходу. Если все будет нормально. Ключевое слово – если. Только в Зоне без него и милости Темной Звезды да толики личной удачи лучше никуда не выходить.

- Как железку переходить будем? В тоннеле крысы, сверху мины, - озвучил перспективы Цыган.

- Монетку кинем, - ухмыльнулся Смерть.

Для него не было секретом, почему Цыган к нему вчера вечером подошел в поисках напарника. Ни разу за год Стас не бросил своей добычи. Раза четыре приходил один из группы, притаскивая все трофеи, до последнего побитого пистолета. Однажды, встретив прямо за околицей банду, перестрелял их всех, обобрал трупы, вернулся и сдал хабар местному торговцу. Деньги прибрал и в намеченный маршрут снова вышел. Жаден он был невероятно. Жадность Смерть и в Зону привела. Он здесь зарабатывал.

- Если в переходе мины и ставили, они там от воды дождевой все давно сгнили. Пойдем резко на прорыв. Предлагаю резко ускориться, - предложил СС.

В глаза его сокращением звать не стоило. Стоматологи здесь были редкостью.

- Согласен, - отозвался Цыган.

- Только под ноги смотри, кусок арматуры не хуже мины ногу искалечит.

- Пошли!

Видел Смерть страх животный в глазах людей. Прыгал он со сверхмалых высот с принудительным открытием и ползал под пулеметным огнем по минному полю. И опять он его увидел в зрачках напарника на один рейд. Да и сам он наверняка выглядел не лучше, мелькнула у него мысль.

Зашлепали по воде ботинки десантные прыжковые с титановой пластиной в подошве, самый модный в Зоне фасон, можно по битому стеклу бегать и по огню и углям тоже. Рванул душу жуткий голодный писк крысиной стаи. Заскребли по бетону маленькие когти. Только не успевали голодные зверьки. Убегала от них еда.

- Сука, млять, да отцепись ты! – тряс рукой Цыган, пытаясь стряхнуть здоровенную килограммовую крысу, вцепившуюся в брезентовый рукав.

Стас, чуть притормозив, метнул в темный проем пакет с бензином. Выстрел трассирующим патроном превратил жидкость в море огня. Освободившейся рукой Смерть выдрал из ножен финку, кто на бегу не пробовал, пытаться не стоит, и всадил лезвие прямо в розовый крысиный живот. Кишки новогодней гирляндой повисли до самой земли.

- С меня причитается, - прохрипел Цыган.

- При расчете об этом помни, - ухмыльнулся СС.

- Чуть не прокусила, обратно в обход пойдем, сюда больше не полезу, - передернул плечами Цыган.

Да с грузом за плечами и не разбежишься особо, подумал про себя Стас. Придется уходить на Милитари, там хабар Скряге скидывать. Денежки в копилку, и опять в дорогу. Волка ноги кормят, и сталкера тоже. А есть еще проблема напарника. Когда человечка второй раз видишь, а до этого о нем ничего не слышал – возникает много вопросов. Но эти проблемы начнутся, когда до прилавка с деньгами будет рукой подать. Не сейчас, однозначно.

Дорогу, пролегающую между забором завода электрооборудования и больничным корпусом, перешли относительно спокойно. Только на секунду из кустов показались морды слепых псов, покрытые привычными для мутантов язвами. Оценив скорость вскидывания оружия, сука-альбинос протяжно взвыла и увела свою стаю в глубины завода. Темные корпуса развалин навевали на партнеров по походу тоску. Зверье здесь пуганное, отметил в уме СС. Наличие в его голове незаурядного мозга не отрицали даже его злейшие враги и конкуренты.

- Эй, стой. Мой ствол поддержи, - сказал Смерть и, подав автомат Цыгану, скрылся за зарослями конопли.

Потом он остался на страже, пока напарничек обделывал свои дела.

Считай, уже дошли, подумал Стас.

- За больничным сквером будет наш хозблок, - подтвердил его догадку знаток окрестностей. – Там банда Гризли взвод «Монолита» вырезала. Добра там – горы.

Они короткими перебежками пересекли сквер и, совершив последний спринтерский рывок, влетели через дверной проем в просторный холл, слабо освещенный пробивающимися через затянутое многолетней грязью оконное стекло лучами. Прямо у входа лежала груда обломков мебели – ящики, шкафы и стулья. Кафельный пол был плотно засыпан слежавшейся бумагой.

Смерть стал стрелять не раздумывая, просто ориентируясь на тихий шорох. Вспышки выстрелов вырвали из полумрака у стены иссохшее существо в сгнившей нижней рубаше, с занесенной для удара рукой. Стас дал еще очередь, по диагонали слева направо и снизу вверх. Две-три пули с сухим стуком вошли в давно мертвую плоть, а последняя попала точно в переносицу, развалив высохший череп напополам.

- Мерзкая тварь! – пнул мертвого зомби Цыган. – Похоже, тебе еще кусочек из моей доли причитается? А?

- Все мое – мое, и все твоё – тоже мое, - улыбнулся СС, и не было в той улыбке душевного тепла.

Сразу заткнулся Цыган и пошел в соседний кабинет к разбитому окну. Наблюдать за окрестностями.

- Мля, - сказал он в сердцах через минуту.

Бесшумно подошедший Стас сразу понял причину его беспокойства. На перекрестке аллея по-хозяйски стоял патруль «Монолита». Пришли они в тихое и безлюдное место,

сходили к соседям за хлебушком.

- Да, сегодня не наш день, однозначно, - прошептал Смерть. – Пора уходить.

- И твой фарт проверять, - оскалился Цыган. – Мне завтра деньги нужны, поэтому автомат на землю, рюкзак, разгрузку и пояс с артефактами рядом клади.

- А мне думалось, что мы почти братья, - ухмыльнулся Стас. – А оно вон как повернулось, значит. А дальше что?

- А дальше ты побежишь быстро-быстро, а все свободные от дежурства «монолитовцы» кинутся за тобой. Выживают сильнейшие, братан. Закон Зоны, - нарисовал перспективы бывший партнер.

СС смачно харкнул на пол.

- То-то я в тебе говнецо почуял, надеялся, что ошибся, но нет. Есть еще нюх, - сказал Смерть и, не торопясь, потянул из левого рукава универсальный нож.

Палец Цыгана нажал на курок, сухо щелкнул боек.

- Эх, ты, недоношенный сын тысячи отцов, лучше бы твоя мать аборт сделала, чем такую тварь рожать, наглую и безмозглую. Патроны у тебя в рожке – в кипяточке сварены. Жми – не жми, система ниппель, обратного хода нет. А ножик – очень острый.

Цыган передернул затвор, и блестящий, красивый, но абсолютно бесполезный патрончик вылетел по красивой дуге в воздух. Он снова нажал на спуск. Щелчок.

- Оружие после чужих рук проверять надо. Это бесплатный совет. А дальше все по твоему плану. Пояс с артефактами снимай и бегом на улицу, - продолжил светскую беседу Стас.

- Ты меня не убивай, я их отвлеку, я уйду, навсегда из Зоны уйду, ты обо мне и не услышишь больше никогда, только не убивай! – завыв Цыган.

Наверное, и впрямь люди вырождаются, брезгливо скривил губы СС. Вот оно, зловещее пророчество мэтров. Человек с мозгом амебы.

- Беги, - разрешил он бывшему партнеру.

И приготовился к драке. Не стоило недооценивать солдат секты. Они не спят на посту и не курят. Часто и тщательно чистят оружие. Их снаряжение всегда в порядке. Идеальные солдаты – мечта любого генерала. В Мертвом городе они считают своим каждый камень и готовы за него драться не на жизнь, а насмерть. Если чужак здесь еще жив, то это только потому, что он не сделал ни единого выстрела, тихо переползая из укрытия в укрытие, уходя от патрулей. И Стас Смерть стал ждать. Он терпелив как змея. Он уже засек пулемет на крыше и с точностью до метра может указать его сектор обстрела и мертвые зоны. Ждать, пить воду экономными глотками и дожидаться своего часа и шанса. И прямо перед окном остановились три снайперских пары.

Три «гаусс-винтовки» и три автомата попроще. Но и они денег стоят. Плюс – защитные артефакты. Твой выход, артист пера и виртуоз пули. А если тебе не повезет – сталкеров в рай без очереди пускают.

Четыре коротких, экономных очереди из автомата в упор прямо в головы. Перезарядить, содрать пояса и разгрузки, собрать оружие и спрыгнуть в люк ливневой канализации. Аста ла виста, бэби. Пока, не поминайте лихом. Из канализации в переход, опять бегом через дорогу и в овраг. Так он и пойдет, используя складки местности.

Он выползал из очередной ямы на белый свет, где-то в районе завода, когда его догнали радостный вой стаи собак и душераздирающий предсмертный вопль, рожденный в муках и диком страхе.

- Ну, вот, а ведь ты, Цыган, обещал, что не услышу больше, - процедил недовольно Стас.

И, не оглянувшись, двинулся дальше. До Милитарии еще было идти и идти.

Небо циников

Мы еще перед выходом метнули жребий – кому, в какой последовательности что

делать. Серому выпало наших раненых добивать, а мне первому в заслоне оставаться. И поэтому, когда на соседнем холме мелькнула цепь погони, долгих разговоров не было. Серега мне два магазина на ходу кинул, а Сапсан – лимонку. Спасибо, брат, на том свете сочтемся...

Я напоминаю вам, что люди – подлые твари. Цинику хорошо под любым небом, только небу плохо над ним. Я говорю вам простые истины, но вы не верите в них, пока на соседнем склоне не появится тень смерти. И тогда ты увидишь свой счет. И я скажу встречной компании, что им придется заплатить за все и даже дать сверху очень приличные чаевые. Они не поверят, но первые два уже остались на склоне. Здесь нет тех, кто плохо стреляет или медленно меняет позицию. Еще одного я свалил очередью из-за камня, и осталось их не больше десятка. Стволов шесть прижали меня к земле, остальные, значит, заходят с флангов. Или со спины подкрадываются. Пора делать резкие финты. Метнусь вправо. Ведь мне все равно, ведь я хорошо знаю жизнь. Делай, что должен и будь, что будет. И тогда ты познаешь истину. Жаль только, что тебе забывают сказать, что случится потом. С тех пор все тянутся передо мною кривые глухие окольные тропы...

Еще двое. Скоротечный огневой контакт. Цель поражена, и я тоже. Пуля в бедре. Это не ранение в пятку – это значительно хуже. И времени я выиграл совсем немного. Надо бы еще пару минуток, а лучше пять. И с форсом подохнуть у края земли нам тоже искусство дано. Люди свиньи, и я тоже, но где-то среди тварей попадаются ангелы. Я это точно знаю, потому что фото одного из них я храню у самого сердца вместе с платиновой кредиткой банка города Берна. После моей смерти малыш не будет ни в чем нуждаться. Подходите, ближе, больно не будет. У меня «Ф-3», плазменная граната нового поколения. Очередь по ногам и еще одна, прямо в спину. И пальцы мои разжались сами по себе.

Господа, я принес вам счет...

Про Зайку

Трусишка Зайка серенький под елочкой сидел и по своему обыкновению приводил в порядок свою замечательную шкурку типа «Берилл-12». Контузия, которую он получил во вчерашнем бою, время от времени давала о себе знать приступами головной боли и тошноты. Когда в глазах начинало двоиться, приходилось брать из аптечки кисло-горькую таблетку и кидать ее под язык. Но он все еще был жив — один из всего отделения военных сталкеров. Какой-то умной голове в штабе захотелось проверить, как там бойцы «Монолита» службу в праздники несут: так же бдительно или расслабляются слегка?

Вот и выяснили. Они под Новый год на усиленный режим переходят: посты удваивают и патрулями город прочесывают. Развлекаются. Всех вчера убили, да и его тоже, кажется. Когда он из-под битого кирпича ночью вылез — он уже был другим человеком. Медлительным и обстоятельным. Осторожным, как дикий зверь. Не знающим, что такое жалость. Без страха и совести. Сейчас он мог убивать одним взглядом. Смерти нет. После того, как ночь в завале пролежишь, четко понимаешь: там, за гранью, тоже жить можно.

Разложил Зайка перед собой скудный арсенал: полтора магазина винтовочных, гранату дымовую, две фляжки (одна пустая) и плитка пищевого концентрата. Нож — это само собой. Без ножа человека нет: даже банку консервную ему открыть нечем будет.

Огляделся солдат и увидел на газоне серебристую елочку. Усмехнулся он и другим взглядом на свое имущество поглядел. С пола стреляные гильзы собрал, достал из аптечки моток хирургической нити и стал неторопливо деревце наряжать. На верхушку фляжку пристроил вместо звезды Вифлеемской.

— Спите спокойно, товарищи бойцы, больше с вами уже ничего не случится. С Новым Годом, второе отделение первого взвода, с праздником вас всех, — встал по стойке смирно, отдал елочке приветствие и отправился в кварталы Речпорта.

На службу он возвращаться не собирался.

В тот день многие патрули «Монолита» самовольно меняли маршрут, чтобы добавить

пару патронов на вечнозеленое деревце.

Никита МИЩЕНКО

Старички

По мотивам МЕТРО 2033

-Михалыч! Михалыч! – Иванович уже битый час ходил по станции с фонариком в одной руке и котелком в другой.

-Михалыч! – чуть не крикнул старик, наткнувшись на большую, упитанную крысу. – За пенсией пошёл, что ли?

-Да тут я, тут! – недовольно отозвался потерявшийся.

-Тут – понятие растяжимое, как мой радикулит.

-На рельсы посмотри!

Иванович повернул голову и с удивлением обнаружил своего закадычного приятеля.

-Ой, Михалыч! А чего это ты тут делаешь?

-Нефть ищу. – с лёгкой издёвкой ответил старик.

-И как? Нашёл?

-Нет, зато нашёл фотографию твоей жены, которую ты неделю назад потерял.

-И что теперь? Себе заберёшь?

-Очень мне надо такой ужас, я и так по ночам плохо сплю.

-Это ты на что намекаешь?

-Ни на что я не намекаю...что это у тебя в руке? – Михалыч вопросительно кивнул на котелок.

-Так это ж сосиски! – радостно вспомнил Иванович, – Я как раз шёл тебе сказать, что сварились.

-Дайка мне одну...горячие, заразы!

С минуту старичье молчало, уплетая поздний обед за обе щёки. Первым заговорил Иванович.

-Слушай, а когда у нас смена закончится?

-Да вот, кажись, с минуту на минуту должны отпустить. – Михалыч одним глазом посмотрел на наручные часы.

-Что-то нет никого.

Доказательством слов Ивановича стал ветер, чьё завывание гулким эхом разносилось по безлюдной станции.

-Тоже мне, нашёл проблему, – Михалыч засунул в рот остатки сосисок и вытер руки о рабочую телогрейку, – Меньше народу – больше кислорода.

Иванович кивнул и отправился к раздевалке.

-Эй, ты куда?

-Да вот, уйти хочу пораньше. – доложил Иванович. – Жене подарок нужно купить ко дню рождения.

-Ну и я тогда тоже, – поддержал идею Михалыч. – У меня как раз один отгул накопился.

* * *

Дима осторожно продвигался по давно заброшенной людьми станции, которая даже не была отмечена на карте. Юный сталкер водил из угла в угол дулом автомата, вздрагивал от каждого шороха и проклинал запотевшее стекло противогаза. Наконец он вышел в довольно просторный зал, который, вероятно, до катастрофы служил техническим корпусом. Дима медленно прошёл до небольшой кучи мусора и, нагнувшись, выудил из неё выцветшую фотографию. На картинке позировали двое пожилых людей, стоящих посреди ещё не достроенных рельс. Один высокий, худощавый, в спортивных штанах и красной клетчатой рубашке на подтяжках. Второй чуть ниже, полноватый, в засаленном комбинезоне. Старички улыбались, в мозолистых руках каждого было по лопате.

- Друзья, наверное. – подумал Дима. – Интересно, где они сейчас? Может, успели спастись?

Над Димой стояли недоумевающие Михалыч и Иванович.

- Вот молодежь пошла, – недовольно протянул Михалыч. – Рядом стоим, и даже голову не поднимет, чтобы поздороваться.

- Не мешай человеку, – одёрнул его Иванович. – Не видишь, он занят.

- Это чем?

- Нефть ищет. – язвительно передразнил товарища Иванович.

- Меня ещё в школе учили, – неф унимался Михалыч, – Нефть, она не в мусоре. Она в земле.

- Да ты в школу ходил? – искренне удивился Иванович.

Михалыч махнул рукой и наклонился над Димой.

- Парень, послушай умного человека – там нефти нет. Там только наша зарплата за последний месяц.

На этот раз махнул рукой Иванович.

- Не слышит он тебя, – добавил он. – У него шлем на голове.

- Он что, глухой? – ужаснулся Михалыч.

- Это ты глухой! Я же говорю, у него...этот...противогаз.

- Это такая шапка с хоботом?

- Сам ты шапка с хоботом! Противогаз...это...индивидуальное средство защиты. – неожиданно блеснул знаниями Иванович.

- А-а-а! – до Михалыча, наконец, дошло, – Так это что – он нас из-за противогаза не слышит?

- Ну а я о чём говорю!

- А ты про какое-то индивидуальное средство защиты...шапку с хоботом....Эй, парень!Сними противогаз – поболтать хотим!

Диму обдало холодным потом. У него создалось странное ощущение, что за его спиной кто-то есть. Он глубоко вздохнул и развернулся. Нет. Никого.

- Он ещё и слепой. – пробурчал Михалыч. – Говорил я – доведут нынешнее поколение...эти...компьютеры.

- А сам что? – ехидно вступился за Диму Иванович, – Недавно как засел за пасьянсом – ну вылитый хакер!

- Ты мне ещё поругайся! Парень! Да сними ты свой противогаз!

Дима внезапно почувствовал, как воздух наполняется непонятными звуками. Постепенно они становились отчётливее, складывались в слова, предложения...Дима напряг слух.*Сними...противогаз...* Да, именно так. Сними противогаз. Кто-то просит его снять противогаз. Кто? Зачем? Голос становился всё настырнее, громче, и Дима, не выдержав, сорвал с головы средство фильтрации воздуха и поднялся с корточек.

- Кто здесь? – выкрикнул он и через секунду упал на пол и зашёлся в конвульсиях...

- Дима! – в зал вбежал один из группы, на ходу доставая из рюкзака аптечку, – Дима!

Он склонился над дёргающимся на полу сталкером и вколол ему антирад. Затем померил пульс. Мёртв. Мужчина вынул из-за пояса счётчик Гейгера. Тот зашкалил. Смертельная доза...

Дима удивлённо смотрел на своё бездыханное тело. Рядом стояли старички.

- Ну вот, теперь втроём не так скучно. – радостно хлопнул по плечу юношу Михалыч, – Как звать?

- Дима.

- Рады знакомству, Дмитрий. – добавил Иванович, – Меня зовут Сергей Иванович, а этого старого болтуна – Игорь Михалыч.

- От старого болтуна слышу...

Дима, не моргая, смотрел на собственный труп. Он не спеша прошёл к выброшенному противогазу, взял его и так же спокойно выкинул в кучу с мусором. Туда, к выцветшей фотографии...

Я вижу мертвецов...

-Вась...

-Чего?

-Мне страшно.

-Ну, на, хлебни, – я протянул Гене бутылку. Он, не моргая, отхлебнул половину и даже

не пискнул.

-Всё равно страшно.

Я отнял убытку.

-Что случилось?

-Ты не поверишь, – Гена смутился. – Ещё подумаешь, я чокнулся...

-А ты попробуй.

Гена вздохнул глубже, посмотрел мне в глаза.

-Я вижу мертвецов.

Я улыбнулся.

-Ага, а у меня Элвис Пресли время спрашивал.

-Один сидит прямо возле тебя. – продолжал Гена.

-В самом деле? – я посмотрел вокруг. – И кто это?

-Мой первый учитель – Михаил Петрович.

-Мило. Может, не надо было тебе водки давать?

-Я трезвый и всё соображаю, – Гена внезапно побледнел. – И от этого мне ещё страшнее.

Я тоже напрягся.

-Ну ладно, пошутили – и будет.

-Я не шучу.

Голос у Гены дрожал. У меня внезапно пробежали мурашки по спине.

-Я...я не понимаю.

-Это...это всё Зона. Она дала мне этот дар. Это...проклятие.

Я залпом осушил бутылку, но дрожь в теле не унялась.

-Знаешь...никто ведь не предупреждает о таком. Это приходит внезапно. Хочешь ты этого или нет...

* * *

Я ещё молодой был, только в Зону пришёл, обживался. Однажды судьба занесла на Кордон. По сети передавали, что Выброс через день-два. А он взял – и рванул.

До Деревни Новичков было всего ничего. Но я не добежал...Знаешь, последнее, что я видел и слышал – это ослепительный белый свет. И пение. Такое красивое. Как...как у ангелов.

Несколько дней я провалялся в коме – ни живой, ни мёртвый. А потом...очнулся. И рядом сидел Михаил Петрович. Я тогда думал, что с ума сошёл, – он ведь умер давным-давно, я ещё маленьким на его похоронах был. А затем я заметил свою собаку. Мне было десять лет, когда её сбила машина.

Михаил Петрович молчал. Всё время, пока я приходил в себя, он не вымолвил ни слова. Потом начал жестами указывать мне куда идти, что есть, где прятаться. Если бы не он, я бы погиб. Потом он проводил меня к людям. Там я поправился. А Михаил Петрович...исчез. И долго не появлялся.

Однажды он пришёл ко мне во сне. Сказал, что я должен ему за спасение. Я согласился.

Затем, каждую ночь, ко мне начали приходить души мёртвых. Но не тех, что попали в Рай. Души мучеников из Ада.

Каждую ночь они приходили, садились у моей кровати и начинали замаливать свои грехи. Ко мне приходили самоубийцы, воры, маньяки. Девушки, которые делали аборты.

Со временем они оставались дольше, а грехов становилось всё больше. В какой-то момент моя голова готова была разорваться...И они исчезли. С тех пор ко мне больше никто не приходит.

* * *

Генка замолчал. Только сейчас я заметил, что от костра, зажженного недавно, осталась кучка золы и пепла.

-И...что теперь?

-Теперь он пришёл снова. Я не знаю, зачем. Но я знаю, почему.

-Почему?

-Потому что я хочу стать нормальным.

Завыл ветер. В небе сверкнула молния. Земля затряслась.

-Выброс... - прошептал я – Генка, выброс! Нужно прятаться!

Гена покачал головой.

-Ты что, – я попытался поднять его с земли. – Гена!

-Клин клином вышибают. – Гена улыбнулся.

Дрожь усилилась. Я побежал...свет. И хор. Чистых, звонких голосов. Как у ангелов...

* * *

-Вася!

Меня толкнули в плечо.

-Очнись! Всё закончилось!

Я открыл глаза и шумно впустил в лёгкие воздух. Гена перевернул меня на спину.

-Ты жив, – он помог мне подняться. – Ты жив.

-Да...

-Я излечился! – Гена радостно поднял вверх руки. – Господи, как я счастлив! Я излечился! Я больше их не вижу! Вася...что с тобой?

Я закрыл глаза, затем открыл снова. Она не исчезла.

-Гена, ты её видишь?

-Нет, я никого не вижу. Вася, в чём дело?

Напротив меня, рядом с Геной, стояла моя покойная сестра Лиза...

Алексей ГЛУШАНОВСКИЙ

Дороги нормальных героев

Я по жизни своей одиночка. Терпеть не могу кем-то командовать, а уж выполнять чьи-то приказы... Господа, идите лесом на хутор бабочек ловить. Это эвфемизм. Извините, университетское образование неожиданно прорезалось. Эхо былого. Поэтому, когда перед очередным выбросом мы к Сахарову в купол все сбежались, картина получилась слегка сюрреалистическая, в духе Кафки.

На две гостевых комнаты набилась целая толпа народу. Патруль «Свободы» до своих Армейских Складов добежать явно не успевал, здесь приютился, не на Бар же им было забегать, учитывая очередное обострение их вечного с «Долгом» противостояния. Местный квад «Долга» - постоянная охрана купола ученых. Пара уродов в брезентовых куртках и фиолетовыми от обилия наколок руками.

Не в тату-салоне эти картинки были нарисованы. Кололи их простой иголкой, сидя на

железном шканаре. Мы с ними раз взглядами обменялись и поняли ясно – дружить не будем. Кроме меня здесь еще четверо одиночек спрятались в убежище, и в довершение всего армейский патруль заскочил, с раненым на руках.

Палата медицинского бокса, на которую я по старой дружбе с Кругликом рассчитывал, пролетела мимо, как фанера над Парижем. Вот нас полтора десятка на шесть кроватей и образовалось. Ладно, в тесноте да не в обиде, разбились на три смены по пять человек – спать по очереди. А на шестой – бодрствующие могли сидя чай попить, со стульями в куполе напряженно было. Сразу стало как в казарме. Оружие лязгает, народ чешется, чавкает, хлюпает, храпит, портянками воняет. Ладно хоть Сахаров сразу курить запретил всем и везде. А недовольные могли выйти на улицу. Покурить на выбросе.

Первая смена сразу на койки залегла – недосып ничем не компенсируешь. Иногда вернешься из рейда, жрать хочешь люто, а глаза сами собой закрываются. Я всегда выбор в пользу сна делаю, глупо за столом засыпать. Пару раз случалось, точно знаю.

Армейцы по сменам разбились так, чтобы кто-то всегда на посту дневальным был. Правильно, у них тут друзей нет. Даже «Долг» их не очень любит, об остальных даже и не говорю. Им просто надо было без проблем выброс переждать и следующий день. А потом за раненым вертолет пришлют – причина веская, и остальных этим же бортом заберут. Они уже свое по Зоне отходили и отрисковали. Практически, солдатики были уже на прямом пути домой.

Квад «Долга» так же поступил. Хоть один, да дежурит. Остальные, на служивых полагаясь, расслабились, водочку вкушали и песни пели.

Снова солдат покидает свой пост, он был здесь хозяин, теперь он здесь гость, он искал здесь тебя среди темных овец, он оставил другим свой терновый венец. За надежными стенами ужас и мрак, а здесь так тепло. Но это не то. Прости меня, брат, если я виноват, что тебе нелегко. Когда ты был рядом, я слышал тебя далеко. Холод этой земли сделал тебя врагом, сделал тебя духовным рабом... За надежными стенами холод и мрак, а где-то тепло. Но это не то. Мне уже до звезды, кто здесь кто, кто здесь есть. Кем я проклят и кем вознесен, я проклят святошами, я обречен, я обречен на жизнь. Я подумал: «Трындец». Но это был не конец, я возвращался с небес, я сам себе сын, и брат, и крестный отец. Кто в силах заставить меня повторить падение вниз? Прости меня, брат, если я виноват. Это был мой последний каприз. К исходу второго дня атмосфера накалилась до предела. У армейцев стандартный конфликт возник. Старослужащий ефрейтор методично забивал ржавый болт на приказы молодого сержанта. Они ему были перпендикулярны. А тот все хотел дедушку на место поставить. Вот поэтому я скопления людей и не люблю, все время какие-то проблемы. Обычно из-за ерунды.

Утром лязгнули двери шлюза, и курильщики волной хлынули на свежий воздух, под дождь. Сегодня он никому настроения не портил.

Стали сегодняшние маршруты обсуждать. Бойцы «Свободы» хотели пробраться через Дикую Территорию и, свернув резко влево от заставы «Долга», уйти к себе, на Милитари. Одиночкам, рвущимся в Бар потратить денежки, было с ними по пути. Мне, в принципе, тоже, только надоели они мне за наше вынужденное сидение хуже горькой редьки. Решил один идти.

- Мне на Агропром надо, - говорю. – После выброса там работы много, возьму контракт на добычу хабара у клана «Сталь».

Все примолкли на секунду, прикидывая свои шансы. Со «Сталью» работать выгодно, деньги, каких никто больше не платит, их охрана из прирученных черныбыльских псов и кормежка до отвала бесплатная. Но и пашут там без перекуров.

- В «Стали» же сплошь бывшие бандиты? – ребята с синими руками заинтересовались.

- Начинали когда, было дело. Только полегли уже все в боях, один-два осталось, а может, уже всех выбило, - отвечаю вежливо.

Щелкнул компьютером, вывел на экран статистику, в первой двадцатке рейтинг-листа от нового клана в середине списка Ярл и Игла, командиры снайперских групп. Бывшие

одиночки, такие же, как мы.

Помялись эти двое и решили вместе со всеми на Бар идти, запасы денег на водку менять. В небе висело северное сияние, после выброса дело обычное, как барахлящая связь. Посмотрел им вслед, мысль мелькнула вслед пойти, да передумал, могут решить, что струсил один по Зоне прогуляться.

Вытер вспотевшие ладони о штаны, автомат с предохранителя снял, завязки проверил и зашагал к тропе Шрама. Ориентир – вон то дерево.

Мой маршрут уже подходил к концу, видел уже трубу институтскую, когда передатчик признаки жизни подал.

- Всем, кто меня слышит! Патруль «Свободы» ведет бой на Росток с превосходящими силами. Помощи мы не просим, но если никто не придет, нас, пожалуй, тут и убьют...

Семеро их там. Два бывших уголовника не в счет, значит, – пять активных стволов. Да еще в засаду попали. И никто их кроме меня не слышал, это факт, мне-то чудом этот обрывок зова пришел...

«Сталь» поможет, но время – сейчас каждая секунда на счету. Просто одним стволом там ситуацию не изменишь, просто ляжешь рядом. Квад «Долга» из купола не уйдет, у них приказ ученых охранять.

Есть время собирать камни и время ими кидаться. Есть время быть осторожным, а сейчас время для маленьких безумств. Я закинул автомат за спину и побежал легкой рысцой к шоссе Чернобыль – Припять. Анизотропному. Через два часа я в подвал «Ста рентген» влетел.

- На Дикой Территории трех сталкеров убивают! Карпа и еще двоих!

Мне только их псевдонимы запоминать не хватало, этого случайно услышал в разговоре. И что произошло? А ни хрена. Никто не шевельнулся.

- Эй, - спрашиваю, - А кодекс там одиночек? Типа помогать своим?

Один ветеран в углу заржал.

- Никогда не слышал, - продолжая смеяться, выдавил он. – Это дерьмо придурки с той стороны забора сочиняют. Вот я брошу тарелку горячего супа и пойду Карпа спасать. У него на поясе два дешевых артефакта, даже если он их отдаст, это труды не окупит, так он еще об этом не подумает, просто скажет «спасибо». А это спасибо на хлеб не намажешь и в стакан не нальешь.

Высморкался я в два пальца прямо на пол и пошел к выходу из подвала. Не торопясь. Потому что совсем неожиданно я стал последним резервом главного командования и ударной группой, от успешных действий которой зависели человеческие жизни. Если они еще не прервались.

На блокпосте перед воротами на завод ко мне Прапор присоединился.

- Там патруль «Свободы», - сказал я ему.

- Есть у анархистов гарные хлопцы, что, не щурясь, пьют горилку без закуски, - ответил он мне и увязался следом.

В районе бывшей стройки стреляли азартно, добивали попавших в засаду. Те огрызались из-за вагона короткими очередями, им надо было время до темноты дотянуть, тогда у них появлялись призрачные шансы остаться в живых. Стрелков было девять, а отвечало им всего два ствола.

Мы с Прапором цели распределили и с тыла неожиданно ударили. Страшная это вещь – внезапный удар. Кто мне не верит, пусть хронику военную 22 июня пересмотрит.

Семерых мы сразу уложили, а восьмого подранили. Разъяренной коброй вылетели в атаку недобитые анархисты. За полминуты последнего пристрелили и раненого добили.

- Эй, все трофеи делим на всех поровну? – поинтересовался Прапор и автомат на предохранитель поставил, только услышав согласие.

- Я же тебе говорил, анархисты вполне приличная компания, не жадная, к дележке способная, - прокомментировал он.

Надо было видеть удивленные лица бойцов «Свободы», когда они поняли, кто им

пришел на помощь.

- Нормальные герои всегда бегут в обход, - развеселилась эта спасенная шпана.

Обобрав всех погибших, мы скинули тела в ближайшую «жарку» в переходе.

- Зоне не нужны неудачники, - прозвучала короткая похоронная речь над прахом павших.

Я слегка злился на этих весельчаков, до тех пор, пока они, скинув хабар известному всей Зоне Скряге, не пододвинули все деньги к нам с Прапором.

- Первый раз вижу своими глазами кодекс одиночек в действии. А так только разговоры слышал. Спасибо, брат сталкер. Захочешь умереть весело, всегда будем рады принять в компанию.

С тех пор прошло всего три дня, но мне все больше и больше нравится это предложение. Может быть, я просто не хочу оставаться одиночкой?

Пародийно – несерьезное
Герои фэнтези и S . T . A . L . K . E . R .

Никита МИЩЕНКО

Братство Кольца: Пришествие в Зону Интерлюдия

*Территория группировки «Долг», Бар «100 рентген». 22:30 по
местному времени.*

Гендальф встал. Окинул мутным взглядом окружающую действительность, довольно
крякнул.

-Господа...

Гомон вокруг не утихал. Гендальф стукнул по столу кулаком.

-Товарищи!

Голоса поутихли.

-Друзья, – начал Гендальф, окончательно запутавшись, к кому обращается. – Сегодня

мы собрались в этом замечательном кабаке, чтобы отдохнуть и обсудить наш дальнейший маршрут по пути в Мордовию. Итак, ваши предложения.

Воцарилась тишина. Внезапно со своего места вскочил Гимли.

-Предлагаю кому-нибудь набить морду.

-Это замечательное предложение, – похвалил его Гендальф. – Но его мы осуществим в свободное от миссии время.

Гном продолжал стоять.

-Кто-нибудь, перезагрузите его.

Арагорн с готовность стукнул Гимли по голове. Тот плюхнулся обратно на стул.

-Ещё предложения?

-Предлагаю устроить гей-парад, – не моргнув глазом, отчеканил Логовас. – Это деморализует противника и даст нам время на дальнейшее планирование.

-Парад из одного...

-Мы согласны! – донеслись из-под стола голоса Мерина и Пипина.

-Из трёх человек – это глупо, – Арагорн сплюнул через щербинку в зубах. Эльф смерил его холодным взглядом.

* * *

-Вот, смотри, Фродо. Хорошая штука – бронежилет называется. Одеваешь на тело, и не страшны тебе патроны автомат...э-э-э...то есть, клинки Назгулов.

Фродо вздрогнул, вспомнив, как его ранили, и он несколько дней пролежал в коме у Сидоровича, вогнав всю команду в страшные долги.

-А как же моя кольчуга из кожи дракона?

-Да какая-то она...ненадёжная, – Бармен помог снять её с коротышки. – Ты это, примеряй пока новинку.

Фродо достал свой кинжал. В глаза Бармену блеснула рукоятка, усыпанная дорогими камнями.

-А вот это... - Бармен проглотил комок в горле. - ...тоже надо заменить.

Он достал старенький «ПМ».

-Точно?

-Я тебе отвечаю. – Бармен по-отцовски обнял хоббита, – Он мне от отца достался, пять лет назад. И даже не клинит. Ну,...почти.

* * *

Сэм опрокинул в себя очередную кружку пива и оглянулся в поисках подмеченной жертвы. Вот она. Сидит и тянет мохито из трубочки.

-Сейчас, – думал про себя Сэм. – Сейчас я встану, подойду и познакомлюсь с ней. Сейчас...ещё кружек пять – и пойду.

К нему тяжёлой поступью подошёл Фродо.

-Сэм, только честно, – как я выгляжу?

Сэм окинул друга восхищённым взглядом.

-Господин Фродо, Вы – терминатор.

-Ага, – Фродо озабоченно кивнул. – А это хорошо или плохо?

-Это...модно.

* * *

-Если больше предложений нет, предлагаю выпить. – Гендальф плеснул себе в рюмку водки, выпил, занюхал бородой и сел.

-У нас есть, – из-под стола вылез Мерин, – Давайте танцевать!

-Предложение принято на рассмотрение... – Гендальф на секунду задумался, –
Давайте!

Он поставил свой посох и принялся извиваться на нём, как на шесте. Арагорн начал сверлить пол головой, Леговас подхватил Бармена и они закружились в вальсе. Мерин и Пипин незамедлительно залезли на стойку и начали топтаться там ногами в такт только им слышимой музыке.

Один Гимли сидел за столом. Через секунду он упал лицом в салат и захрапел...

* * *

-Привет.

Сэм дрогнул – к нему под села та самая девушка. Сама!

"Тут пахнет магией", - с тревогой подумал Сэм. Потом принялся. Нет, в баре пахло чьей - то блевотиной и дешёвым алкоголем.

-Эти ребята с тобой? – девушка кивнула на резвящееся Братство.

Сэм посмотрел на неё широко распахнутыми глазами.

-Нет!

-Предатель! – выкрикнул Пипин, падая со стойки...

Основная часть

Военные склады. 10:20 по местному времени.

Гендальф деловито развернул карту и уткнулся в неё носом. С минуту очумело разглядывал то её, то окружающие пейзажи, потом крикнул. Карта Москвы и Московской области, проданная Барменом, сгорела, и вместо неё появилась схема троп Чернобыльской АЭС.

-Привал! – громко скомандовал Гендальф. – Отдыхаем. Народ, никому не расходи...

Но рядом со старым магом уже никого не было.

* * *

-Смотри, Логовас. – Арагорн показал пальцем, куда-то в глубь куста.

-Чья-то задница. И что?

-Сам ты чья-то задница! Это – артефакт. И достать его сможет только самый сильный, ловкий и смелый...

Логовас гордо поднял голову вверх.

-Я его достану, идиот! А ты смотри, чтобы никого рядом не было.

Арагорн, кряхтя, по-пластунски пополз к кустам. Дрожащими руками потянулся к артефакту...и внезапно последний испустил струю вонючего воздуха.

-Что за...

Артефакт затрясся, повернулся задом, и на Арагорна посмотрело красное от потуг лицо Гимли.

-Эй, слушай, зачем сзади подкрадываешься? – Гимли ловко схватил листок лопуха. – Да ты, брат, педик!

-Да я...да ты...Логовас!

Эльф лежал на земле, схватившись за живот, и без остановки хохотал.

-Что смешного?

-Ну, давай. Возьми свой артефакт. Я посмотрю, как ты будешь это делать... - Логовас отдышался и принялся с новой силой смеяться во весь голос.

-Всем лежать. Вы на территории «Свободы».

На троицу наставили автоматы.

-Попали. – злобно шикнул Арагорн, – А всё из-за тебя, Гимли.
-А что сразу я?
-Будешь знать, как гадить где попало...

* * *

-Да... - протянул Мерин, отрываясь от бинокля. – Нехорошо как-то вышло с Агроном и остальными.

-А мы что? – Пипин ловко засунул в рот «Сникерс». - Нас, если что, пытали. Раскалённой кочергой.

-И плёткой.

-Ну, ты, это...поменьше фантазируй. А то ж ведь не поверят.

* * *

-Моя прелесть...

-Назад, Горлум.

-Моя прелесть...

-Отойди, кому говорят!

-Моя прелесть!

-Горлум, я всё понимаю, – Сэм помахал перед лицом проводника «Плэйбоем». - Да, это последний выпуск. Но я ничего не могу поделать. У Господина Фродо понос.

Тяжело вздыхая, весь зелёный, из кустов вышел Фродо.

-Вроде всё... - он внезапно округлил глаза. – Нет, ещё не всё! Сэм!

Сэм побежал с Фродо в кусты. Горлум пустил слезу, обиженно засопел и отвернулся.

* * *

-Здорово, Гендальф.

Гендальф удивлённо развернулся.

-Саурон! Ты, что ль?

-Я. – хриловатым басом отозвался старик в плаще.

-Ну, рассказывай, как жизнь вообще.

-Да как...никак. С тех пор как вы, гады, мою башню разрушили, мне жить негде. Теперь вот тут Изломом подрабатываю. У тебя, кстати, сигаретки не найдётся?

-Сейчас посмотрю...

Гендальф отвернулся. Саурон улыбнулся и поднял длинную когтистую лапу.

-Извини. Работа есть работа...

Послесловие

Где-то в центре Зоны. Время неизвестно.

Фродо стоял перед Монолитом, беспокоило теребя кольцо на шее. Внезапно из голубого свечения перед ним донёсся миловидный женский голос:

-Кольцо VIP-клиента обнаружено. У вас есть право на бесплатное желание.

Фродо вздохнул, собрался с духом.

-Хочу, чтобы у меня было много друзей и поклонников. Хочу быть высоким и красивым. Хочу быть Избранным, в конце концов.

-Заказ принят. – отозвался голос. – Ждите исполнения.

Фродо закрыл глаза...

-Гарри!

Вокруг был школьный двор. Перед ним стояли девушка и рыжий парень.

-Гарри, побежали! Иначе Воландеморт навсегда захватит Хогвартс!

Фродо тряхнул головой, — та просто раскалывалась от нахлынувших на него знаний. Рецепты зелий, какие-то заклинания...он потрогал болевший лоб. На нём явно прощупывался зигзагообразный шрам...

Владислав МАЛЫШЕВ

Исполнитель желаний

Народу в этот вечер набилось в трактир — не продохнуть. Чадили жаровни, камин периодически изрыгал из своего чрева клубы дыма, пытаясь справиться с сырыми дровами. Посетители дымили как паровозы: кто самосадом — горлодером, кто трубками, а кто-то простыми сигаретами. Так что, дышать здесь и в самом деле было затруднительно, но покидать этот уютный уголок никто не стремился. Оно и понятно - на улице третьи сутки льет как из ведра, да и выброс вот-вот будет.

Кого здесь только не было! И гномы, и люди, и альвы! Даже нескольких орков-обращенцев каким-то ветром занесло, точно веселье опять будет. Да и что же за вечер без хорошего мордобоя? Так, пьянка одна. Хотя времена нынче не такие славные, как лет сорок назад. Пообтесался народ малость, попривык друг к другу. А раньше, бывало, чуть не до смерти бились, не разобравшись-то.

Началось все еще во времена Союза Строителей Священного Рая, в чудные, надо сказать, денечки. Не в ту сторону наколдовали наши маги или черные свои руки запустили, но рванула Чернобыльская Алхимическая, да так, что орды освободившихся джиннов разбежались не только по всей округе, но и сумели пробить дыру в параллельный, людской мир. У людей здесь, оказывается, тоже свой Чернобыль был. Он, естественно, рванул вслед за нашим. В результате все перемешалось и в этом, и в нашем мире. Появилась общая Зона. Причем оба наших мира она, похоже, соединила намертво. Никак эта дырка закрываться не желает. С тех пор, что ни выброс — вырываются джинны на волю и начинают куролесить. Чего только не вытворяют, сволочи!

Местные их полтергейстами назвали. А какие ж они полтергейсты? Так, твари, злобные и мстительные. И не утихомиришь их, магия здесь почти не работает. Вернее работает, но как-то через раз, а иногда и через два. Хотя «спотыкач» из здешнего лимонада наколдовать даже я могу, чудный напиток получается, не чета нашему. Грумпель говорит, что все дело в пузырьках.

Спустя некоторое время дыра расширилась, и в нее стали просачиваться всякие любопытствующие личности, в том числе и я. Поначалу часто недопонимание возникало с местными жителями. Например, нередко они с гномами воевать начинали. Ни с того, ни с сего нападали. Ну и длиннобородые в долгу не оставались, пока причину такого отношения не выяснили. Тут, оказывается, твари водились, бюрерами зовутся, так они очень на гномов похожи, только бород у них нет. Вот и стреляли сталкеры по гномам, пока не разобрались, что к чему. Хорошо, что у бюреров морды голые, иначе до сих пор воевали бы. Хотя из-за этих бород тоже недоразумения были. Как-то слухи поползли о том, что гномы — голу..., в общем с ориентацией у них не того стало. Думали, может из-за местной радиации у всех подземных жителей сдвиг случился. Оказывается, все опять по причине недопонимания произошло. Ну не знали люди, что женщины-гномы тоже бородатые.

Много таких казусов поначалу было. Одно время в здешнем саркофаге тролль с

Обсидиановых Гор поселился, уединения захотел. Куда там! К нему столько народу поперло после того как он в шутку пару фокусов показал, даже молиться на него стали. Имя ему дали: «Монолит». Достали бедолагу, собрал он наших орков-горцев и отправился к Эльбрусу. Говорят, они даже какую-то цветочную революцию устроили, неплохо там устроились. Революция и орки — это еще понятно, любят они побузить, но цветы при чем, до сих пор не понимаю. Потом спелись с «лесным братством» эльфов из Рыжего леса, последователями Бандерина. Стали наркотики, в апельсины, да в мандарины упрященные, сюда переправлять. Отсюда оружие вагонами возили, а потом и революцию устроили. Так и называли ее - «апельсиновой». Только Плющ, предводитель «братьев», на радостях апельсинов обожрался и занедужил. Весь корой дубовой покрылся, ни один маг ничего сделать не смог. Сдирали ее, она снова нарастала. Мало того, выяснили, что и в голове чего-то расти стало. А от этого «чего-то» мозги в сопля превращаются, во как! В общем, недолго Плющ радовался, выперли «братьев» взащей, обратно в Рыжий лес, апельсины выращивать, благо орки саженцами не обижают, справно поставляют.

Но со временем все пообтесались, притерлись друг к другу. Местные более толерантными — о, словечко какое выучил!, - оказались, чем наши, раешные людишки. Грумпель говорит, что в стародавние времена все вместе жили, может и так, но наших сапиенсов эволюция стороной обошла, до сих пор в землянках, да пещерах живут. А здешние нам нравятся, если что, могут и в рыло захватить, у них не заржавеет. Вот скоро мой напарник подойдет, начнем работать, а пока на ведьмочек из варьете можно посмотреть. Хороши, чертовки, особенно рыженькая! Как только помело у нее там держится? А вот и Грумпель пришел, маг и почетный член Гильдии. Как всегда, в своей зеленой мантии и с очень задумчивым лицом алкоголика, ищущего, где бы опохмелиться. У него всегда физиономия задумчивая перед работой.

- Здравствуйте, коллега Грумпель!

- И вам того же, господин Дэйв.

Дэйв, если вы поняли, это я, демон третьей ступени. Грумпель, усевшись за стол, взял кувшин с заранее заказанной мной «червосливкой», хлопбыстнул прямо из горлышка, и выставил табличку с надписью : « Бытовая магия, заговоры оружия, амулеты и прочее.» Пора за работу братья.

Сталкер, севший напротив, воровато оглянулся по сторонам и вытащил из-за пазухи лист бумаги.

- Это что? - спросил Грумпель, брезгливо глядя на мятый листок.

- Тут эта, пожелания... В смысле заказ.

Я развернул список, пробежался по нему глазами и отдал обратно магу:

- Посмотрите, господин Грумпель, в принципе ничего невозможного здесь нет.

Грумпель нацепил на нос очки и стал читать.

- Тэк-тэк... Затопить старую шахту... Так с такой погодой ее и так затопит. Быстро хотите? Не вопрос, затопим. А для чего, если не секрет? Дракон там поселился, сокровища стережет? Интересно. Дальше чего ? Чтобы солнце светило. А чем же я шахты топить буду? И вообще с этим к Богу. Так что одно желание могу исполнить, говорите, где именно шахта.

Взяв со сталкера две тысячи за услугу, я покопался в мешочке и сунул ему в руку талисман:

- Подарок фирмы! Всего доброго, брат.

Заказчик, радостно улыбнувшись, направился в сторону стойки с выпивкой, а Грумпель начал задавать дурацкие вопросы.

-Дэйв, а зачем ты отдал ему «блуждающего путника»?

- Что за глупый вопрос, уважаемый компаньон? Пока этот счастливчик будет блуждать в поисках своих сокровищ, мы отправимся туда и сами все заберем. Согласитесь, хорошая идея, да? Надо только акваланги раздобыть.

- Ты пройдоха и жулик.

- Нет, Грумп, я демон, а у каждого демона есть свои маленькие слабости. Следующий!

Следующим был орк, возжелавший мазь-невидимку. Достав из кофра баночку с бурой жидкостью, я объяснил как ею пользоваться, но, судя по физиономии клиента, вряд ли он понял хоть что-то, кроме слова «намазать». О том, что мазь воняет как задница дракона и привлекает практически всех местных тварей, я ему не сказал. Он ведь невидимым хочет стать, а про запахи ничего не говорил. Да и вряд ли претензии выставит, сожрут его, как пить дать.

Заработали мы за этот вечер ни много, ни мало, аж восемнадцать тысяч. Даже удалось раскрутить на монету одного жалобщика. Не понравилось ему, видите ли, что после приема нашей настойки для роста зубов у него четыре клыка оказались золотыми. Я и содрал с него за драгметалл, чтоб неповадно было. Да еще и старую берданку ему всучил:

- Это, - говорю — заговоренное ружье! Тролля с десяти шагов в щебенку превращает. Всего полторы штуки.

Купил он ее, довольным ушел. А как иначе, ведь у нас все для клиента. Только вот Грумпель со своими дурацкими вопросами опять приставать начал.

- Дэйв, ведь это было обычное ружье, а ну как обман вскроется?

- Для того, чтобы обман вскрылся, к троллю надо подойти на десять шагов. А вы видели кого-нибудь из тех, кто на это отважился, выжившими? Я лично не видел. Так что будьте спокойны, претензий не будет.

- И все же, Дэйв, мне ваши методы...

Тут на наш стол прилетел гном. Ага, мордобой начался, и, надо, сказать, весьма вовремя. Не люблю дурацкие вопросы.

- Извините, компаньон! - сказал я и врезал в чью-то морду, так кстати появившуюся из-за плеча Грумпеля.

Станислав ЛАБУНСКИЙ

Жил – был вор

Жил-был в городе Киеве вор. Несмотря на возраст, авторитет в определенных кругах и две ходки к «хозяину», погоняло у него было несолидное. Нет, не Бычий Член, зря ты так подумал. Деловые люди его Галчонком звали. За его неодолимую тягу спереть что-нибудь блестящее. Перстенок какой-нибудь или цепочку.

"Счастье, - говорил он, - есть ловкость ума и рук. Все неловкие люди – за несчастных всегда известны. Это ничего, что так много мук приносят эти легкие и воздушные жесты. Эти плавные и привычные жесты. В бурю, грозы, в глухую житейскую стынть, в час утрат и в минуту, когда тебе больно и грустно, всем казаться естественным и простым – это самое высшее в мире искусство."

Сейчас он нацелился на браслет известного эстрадного певца Аполлона Пяста. Там только золота было на полкило, а главным призом был, естественно, бриллиант в тридцать карат, подарок одной престарелой поклонницы. Сначала он на разведку местности явился в неброской джинсе и сразу стал замечен на фоне фанатов как темное пятно на пестрой картине. Пришлось натянуть канареечного цвета куртку и малиновую бейсболку. Первый раз в жизни он так оригинально замаскировался, слился с толпой. Сейчас надо было ждать удобного случая. В одиннадцать часов пресс-секретарь Аполлона сообщал обожателям новости и затаскивал в дом пару-тройку девиц посмазливее. Значит, через двадцать минут будет подходящий момент охрану на прочность проверить, решил Галчонок.

Тьма и смерть нависли над Островом. Пять веков назад железные легионы Цезаря прокатились по этим землям, утверждая римский закон и порядок. Тогда удалось договориться. Заплатили дань Великому Риму и стали жить дальше, уже под его защитой. А сейчас через пролив двинулось Древнее Зло. Саксы и пикты, согнанные с этих лугов и

холмов на север, вернулись под гнетом снегов, льда и холодного ветра. Возвращаться им было некуда, и война пошла непривычная – на полное истребление. Хлеб сеять было некогда, и все чаще до жрецов-друидов доходили слухи о пирях победителей, на которых поедали свежее мясо побежденных.

- Надо в святилище идти, просить у богов помощи или совета, - сказал верховный друид.

А чего бы не сказать, не ему же придется из безопасного Авалона уходить в Стоунхендж. А самому молодому, то есть Мерлину Пендрагону, кузену короля. Их семейке есть что терять, кроме жизни, так пусть погеройствуют. Подохнут – так хоть слово доброе заслужат. Может, и запомнят люди Пендрагонов лет на пятьдесят – Утера, Мерлина и Артура.

Молча встал с каменного кресла Мерлин, кинув на верховного ненавидящий взгляд. Догадался тот, что лучше ему самому умереть, не дожидаясь возвращения молодого мага.

Добрались до храма Солнца без особых приключений. Так, волки, две банды разбойников, стая людоедов, яд в похлебке и сонная трава в пиве – все как всегда, на то она и дорога. Успели вовремя.

Мерлин достал из мешка древний артефакт и положил его в чашу на алтаре.

- Древние боги, к вам вызывают последние верящие в вас. Так помогите нам, иначе даже память о вас и имена будут забыты.

Первый луч солнца упал на грани изумруда. Зеленый коридор уперся в каменную стену внутреннего кольца храма. Друид шагнул в поток света и исчез.

Суэта началась минут за десять до ожидаемого времени. А тот не вор, кто счастливым случаем пренебрегает. Фанаты на штурм кинулись, сметая охрану и чуя, что во дворе что-то странное происходит. Может, Аполлон из спальни без халата вышел? Вот папарацци радости будет!

Пока мордовороты-телохранители теснили ценителей таланта, Галчонок проскользнул вдоль стеночки и спрятался за кустами живой изгороди. Отсюда его черта с два достанешь. А через минуту, углядев открытое окно полуподвала, он проник в дом.

В тренажерном зале серьезный, бритый наголо человек хлопотал над ряженым фанатом. Разрисованный узорами синей глины, одетый в домотканую дерюгу, поклонник производил странное впечатление инородного тела.

- Зашиб хиппи сгоряча? – спросил вор.

- Нет, смотри сам, его током ударило, даже наша подстанция накрылась, - ответил бритый.

В эту минуту бродяга открыл глаза и резко сел.

- Мерлин, - сказал он, и ткнул себя пальцем в грудь.

- Степа, - представился любитель спорта.

- Галчонок, в натуре, - сообщил им свое погоняло вор. – Слушай, Степа, тут суэта нездоровая началась, ты бы вывел нас отсюда, да так, чтобы нам личики наши не испортили. А то отступят сгоряча, а не хотелось бы.

Хиппи сказал непонятную фразу.

- Гляди, ваш певец уже и иностранных поклонников завел. Босьяк-то заграничный, - прокомментировал его лепет Галчонок.

- На латыни чешет, - пояснил Степа вору и зачирикал сам на чужом языке.

Эта парочка быстро нашла общих знакомых. Замелькали имена Диоген, Аристотель, Аврора. Галчонок Васю Аврору тоже знал. Кто это забавного хлопца в Украине не знает? Псевдо он свое получил за привычку обстреливать загородные дома непонятливых барыг и неговорчивых чиновников из пушки. Две сорокапятки у него менты позорные отмени, так он теперь себе завел немецкий зенитный ствол калибра 88 миллиметров. Надо думать, остальные парни из списка тоже робостью не отличались.

- Валим. Крутим педали, пока в рожу не дали, - поторопил вор случайных знакомых.

- Легко, - сказал Степа, щелкнул рубильником на стене, и в дальнем углу открылась

неприметная дверь. – Прошу в гараж, карета подана.

Обошел Галчонок вокруг золотой машины с двумя мигалками на крыше и замер в удивлении. Первый раз он такой номер увидел «0000». Тут он кое-что о жизни новое узнал и проникся.

- Занимаем места согласно купленным билетам. Сердечников и слабонервных от поездки просят воздержаться! – пошутил Степа.

- За такую тачку срок будет немалый, - предупредил подельников Галчонок.

- Нас не догонят, - отмахнулся дерзкий угонщик и легким движением руки открыл дверку.

Сигнализация молчала. "Один раз живем" - подумал вор и полез внутрь. Вот сошлись в один день в одном месте иностранец-хиппи, вор и похититель машин.

Ворота гаража ушли в сторону, и, проскочив метров пятьдесят по туннелю, «Порш» вырвался на оперативный простор уже на соседней улице. Вылетели за город, а там стрелка спидометра уперлась в правый край.

- А!? – взвыл довольный Степа. – Ради таких минут стоит жить!

- Мы куда?

- В Зону. Мерлину нужен источник энергии. Будем почти на самой границе выброс поджидать!

"Вот попал" - подумал вор. Но гонор блатной не позволял ему перед этой дерзкой шпаной страх показать.

- В Зону, так в Зону. Нам зона – мама, - оскалился Галчонок.

Периметр прошли сходу, врубили на всю мощь сирену, включили проблесковые маячки и поехали прямо на север по обочине разбитой дороги. Обалдевшие часовые даже вслед ни разу не пальнули.

- Сука, на что жизнь уходит? – спросил Степа. – На добычу денег? А смысл? Ведь богатство, к которому всю жизнь стремится человек, в наши дни не означает подвалы, где горами лежит золото, а совершенно бессмысленную для непосвященных цепочку нулей и единиц, хранящуюся в памяти банковского компьютера. Все, чего добивается самый удачливый предприниматель или продажный чиновник за годы трудов и риска перед тем, как инфаркт или пуля навсегда успокоят его, это изменение последовательности зарядов на многоэмиттерном транзисторе из чипа, который так мал, что его только в микроскоп и разглядишь.

Поставили машину поперек дороги, двери настежь, вор сигарету в зубы воткнул, стали выброс ждать, до него еще около часа оставалось.

Хиппи Мерлин свой посох согнул и на кончики веревку из волоса накиннул. И на получившийся лук стрелу из мешка положил. Как только из кустов голова кошмарная высунулась, сразу прямо в глаз стрелу и получила.

- Вот так они под Пуатье рыцарей французских и положили, - сказал Степа. – Британец и лук есть две вещи неразлучные. Как россиянин и шило или нож засапожный.

Из тумана в ложбине донесся звук короткой автоматной очереди. Галчонок выдрал у Степы из рук шикарный никелированный «Кольт» и прикрыл его выдраным куском чехла с сиденья. Степа нырнул под машину.

На древнее шоссе вышли трое. Мерлин начал вскидывать лук, но пришельцы из тумана тоже были не лыком шиты. Хлопнул негромкий выстрел, и хиппи выронил свое оружие на асфальт и упал рядом, зажимая простреленное плечо. Все стало ясно и понятно, и вор начал стрелять в ответ прямо от бедра. Он всегда боялся сделать ерунду, это хуже чем не сделать ничего. Один противник получил пулю в бедро, второй – пару прямо в сердце, а третий – точно в голову.

- Нас предали, на дороге засада! – закричал из кювета подранок. – Я подрву заряд прямо здесь и сейчас, уходите в нижние этажи убежищ.

С обочины начал доноситься писк клавиатуры.

- Этот гад активирует взрыватель через сеть, - сообщил Степе Галчонок очевидную

истину. – Что делать?

- Молиться, - сказал тот и вытащил из кармана свой телефон. – Аллочка, лапочка, моя славная девочка, - проворковал он в трубу невыразимо сиропным голосом, - Конечно, как только я вернусь в город, я сразу пришлю за тобой, и как пел Коэн для Джоплин: «Giving me head on the unmade bed...», полижи мне член на неубранной постели, крошка.

Галчонок дважды выстрелил из пистолета. Степа кинул в него двумя запасными обоймами. Вор сделал страшное лицо, а угонщик небрежно махнул ему рукой.

- Ты на работе, радость моя? Да? Ну, тогда отруби всю связь в этом районе и не забудь про спутниковые телефоны! Это мой каприз, легкая прихоть творческой личности. Просто сделай это!

И связь исчезла. Пиканье на обочине прервалось.

- Степа, ты кто? – спросил любопытный вор.

- Трудно сделать карьеру на эстраде простому парню Степану Коновальцу. Аполлону на сцене значительно легче, - усмехнулся неугонщик. – У соседей боевые офицеры-ракетчики, орденосцы, яйцами в стриптизе трясут. Тарзан имеется ввиду. Что делать, брат, каждый зарабатывает как может. Век вывихнул сустав.

- Сила ночи, сила дня – одинакова фигня, - сплюнул изжеванный фильтр на дорогу вор. – Что дальше?

- Кажется, смерть, - оскалился Степа-Аполлон.

Вдали небо наливалось страшной, багровой темнотой. Мерлин пошарил здоровой рукой за пазухой и поднял над головой ярко блестящий шарик размером в половину теннисного мяча.

- Мать твоя пресвятая богородица! Это же чистейший изумруд! – воскликнул Галчонок и, словно замороженный, пошел на блеск драгоценного камня.

Степа шагнул за ним, и все они исчезли в волне зеленого света. С обочины дороги раздался звериный вой и продолжался почти минуту, пока волна выброса не дошла из центра Зоны до Кордона.

- Нет, на всякую чушь мы время тратить не будем, - сказал Гал..., нет, сэр Галлахад придворному магу Мерлину. – Пусть с порохом Бертольд Шварц возится, мы будем делать нормальный пластик. Твое дело – ртуть достать, чтобы было из чего взрыватели мастерить. Тогда мы их всех по первому льду на переправе на дно и пустим. Никто не уйдет, отвечаю, в натуре. Как там Степа?

- Золотой Голос Британии отдыхает в Камелоте. Слухи о его досуге самые противоречивые, - ушел от ответа маг. – Отдыхайте, почтенный сэр, учите язык, а я буду искать ртуть.

Он шагнул за порог, прямо в легенду...

Монолит и Боги Олимпа

Почти призрачные тени скользили в тишине обледеневшей горы. И на это бы им не хватило сил, но после нескольких удачных американских фильмов люди на земле иногда вспоминали о древних богах.

- О боги, я принес вам радостную весть. Есть практически бесхозный источник веры, - влетел в холодные чертоги бог торговли Меркурий. – Это здесь! – и его палец уткнулся прямо в трубу четвертого блока Чернобыльской АЭС. – Верят искренне. Предмет поклонения – какой-то камень. Надо из него сделать наши статуи – и весь мир опять будет наш. Два-три чуда, немного советов и наши храмы вновь будут стоять по всем городам.

- Скульптора берем самого лучшего, - радостно взвизгнула Венера.

Осталось только убедить хоть одного человека обратиться с молитвой к старым богам.

Настоящий Монолит, не та приманка, которая своим фальшивым светом влекла к себе глупцов со всей Зоны, находился глубоко под землей. Под воздействием энергии графитовые стержни замедлителя реакции превратились в чистейшие голубые и зеленые алмазы. Именно

рядом с ними, алмазными стержнями, и сидел в бункере командного пункта один из руководителей «Монолита», говорящий с камнем Дакота. С первых дней они, хранители Монолита, стали брать себе псевдонимы погибших в бою индейских племен, подчеркивая свою готовность идти до конца. Он складывал из алмазов слово «Вечность», ожидая получить в награду власть над миром, и коньки в придачу.

Рядом с дверьми раздался шорох. Шелестели белые простыни, в которые были завернуты два бородатых типа. Прямо из душа приперлись, очевидно, новенькие, подумал Дакота.

- Эй, смертный, попроси нас о чем-нибудь! – решили пошутить они прямо с порога.

- Легко, - поддержал веселье Дакота. – Сортиры на четвертом этаже надо почистить, возьмите зубные щетки и приступайте! Если блеснуть не будут, придется вам всю неделю тренироваться!

Зевс в гневе метнул молнию. Запахло озоном.

- Ах, ты, ушлепок гнойный! – выругался Дакота, и, выдернув из кобуры гаусс-пистолет, ответил серией импульсов.

Двадцать тысяч ампер в гравитационной капсуле это вам не допотопная молния. У входа даже пепла не осталось.

- Ой, - раздалось у него за спиной.

Боец резко развернулся. Стрелять повода не было. У стены стояли три голых тетки, явно без оружия. Негде им его было прятать.

- Девочки, - сказал он им, - Это все вранье, что тут любые желания исполняются. Не сможет вам Камень красоту дать. Шейпинг, пластическая хирургия, косметика дорогая, парики натуральные, стоматологи – вот что вернет вам красоту и молодость. Но подзаработать вы здесь точно сможете, тут даже ваши отвислые задницы на вес золота. Будете здесь первыми красавицами, потому что других нет. Пойдемте, выберем вам комнаты с комфортными условиями.

Одна гостья заинтересовалась, сразу было видно.

- Венера, - представилась она. – А кто сейчас считается самой красивой? А то мы были знакомы только с Еленой Прекрасной, это та дурочка из-за которой сожгли Трои, - пояснила девица.

Когда с Дакотой по-человечески говорят, он тоже не зверь. Достал он компьютер, развернул голографический экран и включил свой любимый сюжет про студентку и пятерых автомехаников.

Венера слегка зарделась, но смотрела с интересом.

- Но я-то девушка! – воскликнула другая.

- Артемида, - сказала Венера, - Не загоняйся по пустякам. Здесь клево.

Дакота уже нацелился ее приобнять, когда удар здоровенной дубинкой отшвырнул его в угол.

- Венера, Афина, Артемида, Зухра, Гюльчатай, - собирайте обломки камня и убегаем, пока остальные не подоспели. А то будет нам вечная память, как Зевсу и Аресу, придуркам несчастным, - Скомандовал женщинам детина в львиной шкуре с палицей в руке.

- Да, Геракл, сейчас, только туники поправим, - стали, как всегда, тянуть время девки.

В углу зашевелился Дакота.

- Бегите, я его задержу, - сказала Венера и крепко обняла монолитовца.

- Вот ведь сучка похотливая, - выругался ревниво герой и полубог.

- Хватаем алмазы! – закричал Меркурий, бог торговли, путешествий и воровства. – Главное в профессии вора – это вовремя смыться! И они исчезли из бункера, пройдя прямо сквозь стену.

- Не расстраивайся, воин, они взяли крохи. Сколько тут еще алмазов? – улыбнулась Дакоте его любимая порнозвезда.

- Да тонн двести-триста, весь графит превратился, формула-то одна, чистый углерод, - растерянно сказал Дакота и расслабился в ловких и умелых руках с тысячелетним опытом.

Зона слегка изменилась после того дня. В Темной Долине, в центральном корпусе, открылся новый кабачок под названием «У Меркурия». Подавальщицами там работают Софи Марсо в молодости и Беркова, но ведут себя скромно. Смотреть можно, трогать нельзя. А для тупых есть вышибала с дубиной. С ней он и на кабанов охотится, приговаривая, что далеко нынешним свиньям до нормального вепря, что раньше были. На починке снаряжения у них чудо-мастер, умелец редкостный, хромает на одну ногу и часто материт гулящую жену. Так и живут, копят деньги на собственные статуи, потому что лучший скульптор мира – Зураб Церетели за свою работу запросил немало.

Но время для них не имеет большого значения.

Павел ТОРУБАРОВ, Станислав ЛАБУНСКИЙ В НАЧАЛЕ ПУТИ

Глава I

Бродяга

Очнулся я и понял, что на руках-то, мать их так, браслеты казенные. За последние четыре года не первый раз меня принимают люди служивые, знакомо мне это ощущение. Больно-то как!

– Руки освободите, уже пальцев не чую, – говорю спокойно, а про себя добавляю: «Гады!».

Щелкнули ключом, сняли железо, а чтоб жизнь медом не казалась, с ноги под ребра заехали. Дыхание перехватило сразу. Умело бьют, однако.

– Прокурору напишу, – решил я их припугнуть, а в ответ дружный смех раздался.

Смелые ребята здесь собрались. Кстати, здесь – это где?

– Вставай, хватит, належался, – и опять нацелились носком ботинка служебного меня взбодрить, только не на того напали.

Я не зря два года в морской пехоте оттрубил, кое-что умею. Откатился вбок, матерок меня догнал, а удар нет. Встал на ноги, огляделся и сразу все понял.

Так тоже попадал раза два. Если меня и поймали людишки государственные, то и продали незадорого. А могли и сами хозяева на улице подобрать и в наручники заковать.

Четверо их было. У одного в руках обрез, а у остальных автоматы. Совсем им на законы наплевать с высокой колокольни. Рабов себе заводят, властей не боятся. Родственники местного начальника, наверняка. Допустим, районного прокурора.

Неподалеку еще шестеро бичей стояло, а перед нами сыпалась кирпичом битым сарайка большая, времен советских. Строить, значит, будем. Приставят нас к делу за еду и крышу над головой, а под расчет вломят крепко, чтоб бежали не оглядываясь. Знакомая ситуация.

– Не буду работать, не заставите, – просипел один бродяга. – Все равно изловчусь, убегу.

– Зачем так напрягаться, иди куда хочешь. Прямо сейчас, – предложил с подковыркой охранник с обрезом. – Никто тебе слова не скажет.

Огляделся сиплый и пошел наискосок вниз, к асфальту на дороге. Что за место, я не понял? До дороги метров полста, а кирпич не разокрали. Странно это.

Бродягу с места дернуло метра на три в сторону и в воздухе крутануло. Полетели во все стороны брызги, и вспомнил я опять темное пятно на асфальте. Разделило оно мою жизнь на «до» и «после». И улыбнулся я радостно, потому что опять цель увидел. Этих ребяток

следовало убить.

– Этот спятил совсем. В расход? – спросил автоматчик у хозяина обреза.

– Нет. Йога недоволен будет, если мало работников приведем, – ответил тот. – Строй их, налей по пятьдесят грамм, сала дай с хлебом, и пойдем. К вечеру сдадим их, сами выпьем.

– Становись! Мира!! – заорал автоматчик голосом раненого в задницу пацифиста.

Только не мира он просил, а нас по стойке смирно ставил. Ладно, с голыми руками против ствола спора не получится. Стали мы строем, нам местную молитву зачитали.

– Идти со всеми, колонной по одному, дистанция пять шагов. При атаке мутантов падать на землю, голову закрывать. На беглецов отвлекаться и ждать не будем. Все!

Водки на самом деле плеснули, не поскупились. Атака мутантов. Где же я? Выпить мы решили после премии за разгрузку на помойке под Брянском. На полигоне бытовых отходов. Ну, там и воняло! Почти как от нас. Не одному мне интересно стало.

– Эй, начальник. Где мы и срок какой? – голос раздался.

– В чистилище, дружок, к вечеру дойдем до главного ангела, он тебе все объяснит, – ответили ему ехидно.

– Шагом марш, инвалидная команда! Головное охранение, внимательно смотреть – слепыши выть перестали! – скомандовал хозяин обреза.

И пошлепали мы вперед, ничего не понимая, куда и насколько мы влипли. Но то, что в кипящий жир и по самые ноздри, это все догадались.

Километр примерно прошли, впереди рядом с вышкой уже какие-то ворота раскрытые виднелись, когда из кустов кинулись к нам демоны ада. По крайней мере, именно так их описывали те ребята, кто после приступа «белочки» еще говорить мог.

– Бегите к проходной! – крикнул конвоир с обрезом.

Не знаю, что он точно имел в виду, но первыми бросились бежать автоматчики. За ними и мои товарищи по несчастью вдогонку кинулись. Только и облезлые четвероногие твари не зевали. Одна автоматчику в щиколотку вцепилась. Покачнулся он и на землю рухнул. Сразу же еще три исчадия к нему подскочили. Его крик перекрыл завывание всей стаи. Один из бомжей на асфальт пал, руками голову закрыл. В них-то белый монстр с крысиной мордой зубы и вонзил. Выдрал два пальца и к ране приник, кровь хлебает. Эту парочку чудища с бельмами вместо глаз заживо пожирают, а на дороге уже кроме нас и нет никого. И четверо коричневых существ, стоя полукругом, зубы довольно скалят.

Не хотелось мне умирать с визгом, истекая кровью. Метнулся вперед к автомату. В это время выстрел за спиной грянул, и второй следом. Подхватил я оружие и начал короткими очередями влево-вправо патроны жечь.

– Свали белую суку! – горе-охотник за спиной хрипит.

Сам уже перезарядился, стоит с обрезом, словно памятник. А белая тварь по самые уши в живот бомжа вгрызлась, ничего не видит. Прямо в позвоночник между лопаток ей последнюю очередь всадил, обрез из двух стволов выпалил в белый свет, как в копеечку, стая замерла на секунду в оцепенении.

– Бегом!

Простая команда, доступная любому морпеху независимо от срока демобилизации и последующей дебилизации. На ходу с трупа автоматчика подсумок сдираю, по луже крови и потрохов скользя, чуть не пал рядом. Зубами за воздух вцепился, устоял и вперед рванул. Аника-воин недалеко еще ушел, метров за двадцать, догнал я его в три прыжка и за локоть схватил.

– Шевели ногами, дух драный! Дедушка из-за тебя погибаться не намерен! – кричу ему в ухо. – Смерть позади!

Мотивацию, значит, обеспечиваю.

– Сразу на вышку, – голос у него сел, давно он так не бегал.

Проскочили ворота, сразу к лесенке в небо метнулись. Крута она была, что сильно радовало. Вряд ли зверье по ней сможет к нам заскочить.

– Что за дела? – спрашиваю, для убедительности собеседника за плечи потряхивая. – Ты куда меня притащил? Где мы?

И дальше много слов нецензурных. В пять этажей легко сплетаю речь. Проникся мой визави. Недаром говорят: печатное слово большая сила, а непечатное все же сильнее.

– В Зоне, – ответ слышу.

И ясно мне, что Зона эта недаром с большой буквы зовется и не лагерная она.

– Подробности давай, – и затвором автоматным лязгаю.

– Ствол отдай, – вздыхает печально.

– Попробуй, отними, – скажусь в ответ.

– Йога тебя убьет, ему сборщики нужны, а торпед с автоматами на его свист десяток сразу прибежит. А один ты здесь ночь не переживешь, сам видел, что творится. А еще кабаны есть и псевдособаки. Те вообще прирожденные убийцы. Был бы на дороге черныбыльский пес – никто бы живым не ушел. Осмотришься в лагере, быстро в бригадиры выйдешь. Сам в аномалии лазить не будешь, отмычек погонишь. Моя поддержка, опять же, не лишняя, – уговаривает он меня.

– Отдать – не отдам. Спрячу, а ты помалкивай, – отвечаю. – И нож давай.

Протянул он мне финку. Договорились, значит. В домик заскочили, он сразу автоматчиков кинулся метель.

– Волки позорные, даже ни разу не выстрелили! В работники на неделю пойдете вместо того, которого на дороге потеряли! Уроды! – воспитывает салаг.

И это правильно. Вывели нас потом на улицу по естественным надобностям, отдышались все слегка, и с другой стороны проходной на открытое место вышли. С утра троих не стало. Процент потерь как в бою, однако. Не хочется мне в аномалии лезть, но других заставлять тем более противно. Я старшина второй статьи из боевой части, а не из учебной. Разница между ними невелика. Один командует: «Делай, как я!», а другой: «Делай, как я говорю». В одно слово всего. А остальное – просто следствие.

Справа вой раздался, все на бег сразу перешли. Один из работничков пленных темпа не выдержал, мы его под локти схватили, потащили вперед. Так вместе за шлагбаум и заскочили.

– Две минуты личного времени, и на построение вставайте, – хозяин обреза распорядился.

Я намеков понял, не дурак, под сидением в автобусе сверток свой припрятал – автомат и патроны, в куртку завернутые. Конечно, если кто искать будет – найдет, но если в руках оставить – сразу отберут и здоровья сильно убавят. А сходу в бой лезть мне тоже не с руки. И обстановка незнакомая, и патронов – два магазина.

От вертолета к нашей пятерке группа двинулась. Вожака сразу можно было угадать. Единственный в черном кожаном плаще, красавчик.

– Всего пятеро? – удивился он.

– Один в аномалию влетел, на волю рвался, второго слепые псы порвали и Яшу тоже, – доложил наш руководитель похода. – Вот этот, – ткнул он пальцем в меня, – помог мне еще одного дотащить. А то бы четверых только довел.

– Молодец, хвалю, – сквозь губу цедит вожак. – Завтра сталкера поймашь – быть тебе командиром пятерки. Всем до вечерней переключки отдыхать. Помощнику твоему банку консервов и сто грамм водочки плесните. У нас все по-честному.

Махнул рукой.

– Ты справедлив, Йога! – наши конвойные хором грянули.

Царек помойки довольно ухмыльнулся. Я заржал в голос. Глянул он на меня неласково.

– Если завтра артефакта не добудешь, плетей отведаешь. Весельчак нашелся.

Опять рукой махнул. Опять клич раздался, только меня это уже не позабавило. Четыре года назад один очень дорогой психоаналитик посоветовал мне радикально изменить среду обитания. Кажется, мне это, наконец, удалось.

Аспирант

Посмотрел я на себя в зеркало – ничем не примечательная личность. Только взгляд жестковат. Исправим. Надел очки: оправа стальная, стеклышки простые – без диоптрий. Значительно лучше. Стилет в рукаве ветровки не виден и образа не портит. Подхватил рюкзачок на плечо с самым необходимым минимумом, и из своего номера вышел.

– Здравствуйте, герр Константинов, – поздоровался со мной портье пансионата.

А чего бы ему и не поздороваться с постоянным клиентом? Я за четыре последних года месяцев восемь здесь прожил. Они мой номер, последний по коридору, всегда до последнего момента держат. А то приеду, а домик занят. Непорядок. Клиентов надо беречь, австрийцы это знают. Да и репутация у меня хорошая. Пьяным меня никто не видел, девок я в пансионат не таскаю, с полицией и службой иммиграции неприятностей нет. Пока. Через год у меня виза кончается, придется тратиться на продление. Или сочетаться законным браком с длинноносой и полногрудой австриячкой и стать гражданином Европы. Только что-то не хочется. Не нагулялся еще. А для веселья у меня через квартал квартира есть четырехкомнатная. Можно было бы и пансионат выкупить у хозяев, но зачем мне эта морока?хлопотно это, да и не к чему.

Вышел на улицу, хороша Вена в апреле. Запах кофе и яблочного пирога с первой зеленью сливается, и есть хочется прямо невероятно. Куда пойти тихому-претихому аспиранту-историку? Я в квартале от ратуши. До метро «Ратхаус» четыреста метров. Можно идти в первый округ, в центр к собору святого Стефана. Или на старую римскую площадь, здесь тоже рядом. Для меня кофе вприглядку на камни, по которым римские легионеры ходили, сразу становится в два раза вкуснее. На Ам Хофф!

Иду, девушки сквозь меня смотрят. Сам так оделся – неприметно. «Тень» – так меня иногда называют. Чаше иначе. Только вышел я на римские просторы, здесь военный лагерь был в старину, как неладное ощутил. Сделать ничего не успел, просто смотрел, словно в замедленной съемке. Вена – город здорового образа жизни. На каждой улице дорожка для велосипедистов. И метрах в семи от меня, прямо на изображении велосипеда в круге, сидел убежавший от мамыи человеческий детеныш. А на него летел со скоростью ветра спортсмен-велосипедист. Их легко узнать по каске и щиткам защитным.

Деваться ему было некуда. Слева – дорога с машинами, а справа – я и ограждение. На нас он и повернул. Выкинуло его будто из катапульты.

Стою, смотрю замедленное кино. Формат 3Д – все в объеме. Колесо мнется, и спицы летят, кувыряясь, парит в воздухе мобильник, а прямо на меня летит тело в каске. Бац! Мы встретились и стали едины. Инерция увлекла к стене дома и меня. Шлеп! Клац! Это зубы. Проверил языком – все на месте. Уже хорошо. А кровь откуда? Из спортсмена. Я хочу целый день в полиции провести? «Это вряд ли» – сказали зайньки. Они, правда, не так выразились, но смысл точен.

И мы исчезли. Сразу и навсегда. Поэтому чаще меня зовут Призраком.

Среди необходимых мелочей у меня в рюкзаке лежала универсальная магнитная карточка муниципального работника. Купил у мусорщика в метро, полезная вещь. Здесь двадцать входов в древние катакомбы и больше сотни в современные. В метро, ливневую канализацию, в тоннели связистов. Сделал шаг в сторону, и нет тебя. Улица за железной дверью осталась, а мы стоим в полумраке подземелья. Хрустнул я ХИСом, свет розовый появился. Сразу стало веселей. Кто не носит в рюкзаке аптечку, набор инструментов, пачку химических источников света и тротилловую шашку – тот лох и ленивец. Будем спортсмена осматривать. Что у нас здесь?

Открытия сразу косяком пошли, как треска в путину. Сначала я волосы нашел на голове, длинные и шелковистые, а потом грудь маленькую, но упругую, спрятанную под топилом спортивным. А вот и колено, в кровь разбитое. Укол ставлю. Штанину распорол, все сходу клеем заливаю. У меня навыки небольшие, но есть. Личное достижение в Африке ставил. Два часа пулеметчика с простреленной грудью до госпиталя тащил. «Открытый

пневмоторакс» по науке такая дырка называется. И зажимы быстро подаю на операциях. Мы, историки, – вообще народ шустрый. Особенно те, кто клады любит искать. Я люблю.

Девчонка глаза открыла, я ее сразу поцеловал. Это успокаивает. Через минуту, чувствую, накал страсти возрастает. С меня уже куртку снимают. Только ампула подействовала, и пациентка глазки закрыла и засопела в две дырочки. Ладно, малыш, майне кляйне, у нас вся жизнь впереди. Завернул спящую девицу в куртку – не зря ведь снимали. Прибрал за собой мусор. Поднял на руки подарочек и вперед пошел. При нужде можно весь город насквозь под землей пройти, а мне до моего дома, до родного подвала здесь, всего километр с хвостиком. За полчаса, не торопясь, с перерывами, и добрались. На грузовом лифте прямо из прачечной на свой этаж поднялись, поворот, десять шагов, и мы за надежной табличкой. Просьба не беспокоить. Здесь это серьезно. Европа, однако.

Раздел находку неожиданную, протер влажными салфетками и в кровать уложил. Рядом кольцо ее на тумбочку пристроил. Ничего в камнях не понимаю – не моя тема. Да и не интересно. Две тысячи лет рубин считался драгоценным камнем, а потом научились его делать в промышленных масштабах, и кончилась его драгоценность. Скоро так и с остальными камнями будет, зачем на них время тратить? Правда, сверкают красиво. Я рядом хим. элемент положил. Для подсветки. Он еще часов десять гореть будет. Пойду в душ, под землей тяжести носить на руках – дело непростое.

Только вышел, звук раздался. Вагнер, «Полет валькирий». Значит, срочная почта пришла. Вывел я данные на дисплей и бодро высказался. Нет, ну почему все так нечестно в этом мире! Отдайте, это мое!

Стоял на весь экран, хищно целясь вдаль своим стволом, немецкий танк. Единственная во всем рейхе «Пантера», выкрашенная в черный цвет. Я ее второй год под Гданьском ищу. До свиданья, майор бронетанковых войск Гуго фон Шварценберген, дракон на колесах, кто-то другой приберет твой золотой знак нагрудный «За двести танковых атак» и станет владельцем единственного в мире раритета. Четыре года жизни и три полевых сезона коту под хвост. Кому там повезло? Текст-то есть? Раскрываем.

Уникальные кадры... Кто бы сомневался. Стая «слепых псов»... Что за чушь? Какие-то собаки уродливые сбоку от «Пантеры» сидят. У оператора не было возможности подойти... А, суки, бог не фраер, он все видит! У него не было, а у меня будет. Сделал я сальто с места и рванул к шкафу в поход готовиться. Кстати, куда я еду? Вывел карту на экран и удивился. Припятские болота, только украинские. Я три года назад начинал в Белоруссии, а фон Шварценберген с Украины не ушел. Сам облажался. Но я исправлюсь, верьте мне, люди. Костями лягу, а уник добуду. Клянусь.

На секунду задумался. Есть у меня запасной пакет документов. От какого-то Эдика достался. Там ему на фото четырнадцать лет, и через полгода его надо менять или выбрасывать. Вот сейчас и используем, чтобы даром не пропадал. У меня все всегда в дело идет, вот и сейчас документ приспособим. Уши волосами прикроем, на нос очки со стеклышками без диоптрий, родная мать не узнает, да и далеко она, за британского джентльмена замуж вышла. Пусть будет счастлива. Все в гости зовет. Сей момент все дела брошу и поеду в Англию с отчимом пиво пить. Не в этой жизни! Меня Шварценберген ждет. Посмотрел в зеркало: ботан полнейший, взгляду зацепиться не за что. То, что доктор прописал. Телефон свой на тумбочку положил, комплект ключей запасной и записку. Уезжаю на работу, через месяц позвоню, график приходящей уборщицы на столе. Люблю, целую. Такси к подъезду. Мне на западный вокзал, багажа нет, из такси сразу в автобус на аэродром, сорок минут поездки по Вене, и мы на месте.

Билет до Киева, милая фрау. Полиция с ума сошла. Дамские сумочки выворачивают, обувь с пассажиров снимают. Меня ничто не остановит. Если рейс отложат, поеду на машине в Братиславу, улечу оттуда. Нет, самолет по расписанию.

– Личные вещи выкладываем!

Бумажник и зубная щетка в футляре на стол брошены небрежно, а меня всего затискали, ладно бы девки, а то – два потных мужика.

– В чем дело, – интересуюсь, между делом, – чего потеряли?

Молчат. Уже на посадку идем, пассажир один, такой же расхристанный, мне решил ответить.

– Утром в районе Ам Хоффа пропала герцогиня Йоркская. На ней было кольцо стоимостью в двести миллионов евро.

Тут я слегка с шага сбился. Кажется, визу мне через год не продлят...

Офицер

Граждане, у вас межконтинентальной баллистической ракеты не завалилось? Нет? Ну и ладно, не очень-то и надо. Только я вот ничего больше делать не умею, кроме как ее перед запуском тестировать и осмотр готовности проводить. Десять лет боевого дежурства, пять лет училища, три года в Суворовском, и все коту под хвост. Достали мою кормилицу из шахты и потащили на демонтаж. Так мы с ней и расстались навсегда.

А я убыл в распоряжение штаба округа. До полной пенсии мне полгода оставалось, и сунули меня сюда, на Оку, дослуживать. Встретили как родного сына после долгой разлуки. Сразу коттедж дали – заселяйся. Рядом еще два пустых стоят – на выбор. На работу раз в месяц надо приходить – пачку денег получать. Я – начальник артсклада части. На всех дверях печати, и охрана из солдат-призывников по углам на вышках. Ничего не выдаем – некому. Красота! Жаль, не пью и рыбалкой не увлекаюсь, а то совсем бы как в рай попал. Три месяца мне осталось. Поди доживу, не застрелюсь от избытка счастья. Товарища себе здесь нашел. Он наше Суворовское училище на десять лет раньше закончил, только пошел по технической части. Когда часть окончательно расформируют, все гаражи и ремонтные мастерские ему достанутся по наследству. У него планы на будущее громадные. Скоро российских олигархов ждут потрясения. Ха-ха!

Пятнадцать лет тому назад на вводной лекции нашего генерала я отличился.

– Вопросы есть? – спросил генерал.

– Когда у нас практические стрельбы? – сходу поинтересовался я.

– Стрелок, – сказал генерал, как припечатал.

С тех пор меня никто иначе и не называл. Один раз так в проездных документах и напечатали: «Выданы старшему лейтенанту Стрелку». Пришлось тогда возвращаться...

Я по выслуге лет и за мужество при нештатных ситуациях давно уже подполковник, три железки боевых на груди, четыре за выслугу и юбилейных, а выстрелить мне так, к счастью, и не довелось.

Сижу в гараже у своего приятеля, Вити Самоделкина, – тоже прозвище, сами понимаете, – ем рыбку вяленую, а тут вестовой из штаба прибегает.

– Товарищ подполковник, вы завтра заступаете на дежурство. По распоряжению командира части.

Ну надо же. И холодок по сердцу. Хрип дыхания слушай, забыв про шаги на дороге, там за нами пришли, только это до времени ждет.

– На, держи, – Витя мне из сейфа «Стечкина» достает, сразу и резко переходя из категории «приятель» в «братья по оружию». – Полгода уже думаю, как такая жадная гнида, как наш генерал, от такого куска, как территория части, отказался. Ведь миллионы!

– Значит, завтра покупатели на наши склады приедут, все вывезут, а потом все на пожар спишут, – проговорил я вслух мысль, всем понятную. – И не останется от твоего хозяйства даже гаечки целой.

– Их надо остановить, – Самоделкин загорелся. – Надо в особый отдел округа звонить.

– Попробуй. Генерал у нас не дурак, однако. Связь наверняка отключил.

Брякнул он трубкой, нет гудка. А служебная сеть к мобильным телефонам равнодушна.

– А пулемет у тебя есть? – спрашиваю.

– «Дегтярев», – говорит смущенно, – Только патронов нехватка.

– Это горе мы поправим, – усмехаюсь, – Все склады наши. Пошли, поможешь. Цинков

пять возьмем, на всех хватит, на продавцов и покупателей. Мы им покажем, что такое принципиальный офицер с пулеметом.

Гляжу, замялся мой товарищ.

– Спокойно, – говорю, – мы же не третью мировую войну начинаем. Приедут покупатели.... Кстати, за чем?

– Ну, не за снарядами к гаубице, – Витя щекой дернул. – За «Стрелами», понятно. Каждый комплект – сто тысяч монет; зато каждая ракета – сбитый самолет или вертолет. Большие дела можно делать. И ПТУРСов возьмут.

Кивнул я головой согласно – сам так же думаю.

– Будут вывозить все под ноль. Две колонны грузовиков, в каждой машин по десять. Часть на полигон выведут, чтоб солдатики под ногами не мешались. Мы им дадим загрузиться и за ворота выехать, а потом колеса и прострелим. И на машине в штаб округа. Это в складе работать легко – пол бетонный и кран-балка, а в чистом поле расклад другой. И тяжело будет генералу объяснять, что там, в чужих машинах, его боеприпасы делают.

– А можно без стрельбы? – Самоделкин вздыхает.

– Можно, – отвечаю. – Накатим сейчас по литру водочки на нос, и когда проснемся, если нас не зарежут, все уже кончится. А с нас взятки гладки.

– Зарежут, – понимает Витя.

– Без сожаления, – подтверждаю я. – Мы с тобой на пути к деньгам стоим, а значит, даже не люди – просто помеха. Да и не делается ничего без риска и крови. Кто первый вспомнит, что где-то у него в хозяйстве танки есть, того и власть. А тугодумы пусть потом слезы льют, если живы останутся. Про оружие, Витя, в нашей стране забывать нельзя. И лучше я сам склад сожгу, чем кому-то свое подотчетное добро отдам без боя. Вот такой у нас на завтра расклад. Двери запирай на замок, а для любопытных глаз мы сейчас сценку изобразим.

Свернули мы тулуп, бросили на лежанку, сверху брезент накинули. Бутылки пустые водочные с кусками хлеба по столешнице раскидали. Ясна любому солдатику картина – напились товарищи офицеры в хлам, и поднять их нет никакой возможности. И ящик водочки на улице на лавочке стоит. Наживка. Пусть ребятки на полигоне не отвлекаются на шум посторонний.

Сами мы в соседнем боксе залегли и стали с патронами возиться. Снарядили две ленты, пять дисков набили и плюнули на это дело. Заболели пальцы с непривычки. И так хватит на гражданских жути нагнать. Съели банку тушенки и спать залегли.

Зелень леса, неба синь и красный флаг. Эта гамма на меня наводит грусть. Матюгальник на березе голосит, как узбеков, латышей сплотила Русь. Восстает из непа выпивший народ, неформал скоблит от крови свой кистень, а солдату на привале нет хлопот – лишь бы в баню запустили в женский день.

Без зарядки и завтрака часть по машинам загрузилась и выдвинулась на полигон. Один УАЗ у штаба стоял.

– Человек пять, не больше, – прокомментировал Витенька.

Мандраж у него легкий чувствовался, но не более того. Это хорошо.

Ворота так и стояли – настежь. Заезжайте, гости дорогие, здесь всем рады, для каждого гостинец припасен.

– Слышу, – Самоделкин удивленно поднял бровь. – Не больше двух машин.

– Головной дозор? – предположил я.

Нет, ошибка в расчетах. Не угадал план противника, уже плохо. Во главе колонны, как и положено, машина ВАИ, военной автоинспекции. Один, всего один прицеп под погрузку, два микроавтобуса и, убейте меня на месте, – боевая броня прикрытия! Не бог весть что, бронетранспортер плавающий ГАЗ-49, но на мирных дорогах средней полосы России он лучше пяти танков. Те перед любой речушкой встанут, если мост подорвать, а этот дальше пойдет. А милицию и он впечатлит до невозможности. Плану моему пришел бесславный конец. Если там, в башне у крупнокалиберного пулемета, сидит стрелок с боевым опытом,

моя первая очередь станет и последней. Надо что-то менять. Это и Самоделкин понял.

– Есть у меня два гранатомета, – говорит он неожиданно. – Берег на черный день.

– Угадал, он нас не обошел, день бедствий. Тащи, – ухмыляюсь.

Минут за пятнадцать он обернулся, а я наблюдаю за происходящим и кое-что соображать начинаю. Один микроавтобус прямо к крыльцу штаба подогнали, вылезли из него трое и во второй забрались. Все – оставили машину генералу. Адьютант две коробки вытащил, в здание занес. Груз тяжелый. Взрывчатка? Минируют? А смысл?

Бойцы противника службу знают, не расслабляются. Башенка брони крутится, на вышку часовой забрался. Ряженные это. Не может быть у армейского конвоя винтовки снайперской. А у них есть. Боевики. Или диверсанты, мне без разницы. Осталось целей три штуки: бронетранспортер в первую очередь, микроавтобус и машина ВАИ. На тягаче всего двое – водитель и сменщик. Из штаба генерал вышел. С водителем в УАЗ сели, майор Ильченко, пополиз невероятный, у микроавтобуса на посту остался в бронежилете и с автоматом, душка-военный, болт здоровенный! В здании адъютант остался, красавчик, спортсмен. Интересно, чем они все-таки торгуют, кроме чести офицерской? Потянулся конвой за генералом вглубь складов. Тут Витя с сопением приполз. Две трубы заряженных и три гранаты в сумке. Пять выстрелов, только я из РПГ стрелял лет тринадцать назад на зачете по огневой подготовке. О чем Самоделкину и сообщил.

– Зато мне довелось пострелять, – осканился он. – Тебе труба и пулемет, мне – запасные выстрелы. Начинаю с брони. А дальше по обстановке. Куда же они поехали? На тех складах только заваль всякая горой лежит, снаряды второй мировой.

– А пошли спросим! – предлагаю неожиданно. – В штаб можно и через гараж зайти.

Сказано – сделано. Прокрались тихо, все двери настежь, а могли бы по дороге и все стекла бить, все равно он бы нас не услышал. Лежит адъютант на полу, в голове дырка, недалеко гильза свежим порохом сгоревшим пахнет. А на столах две коробки и детектор банкнот. Пачка лежит пересчитанная. Десять тысяч евро. В каждой коробке по два миллиона. Итого – четыре.

– Мы чего-то не знаем, а у генерала есть бесшумная «дрель», – Самоделкин вывод делает. Минус один.

Из окна до майора на посту метров двадцать всего было. Прицелился я ему из «Стечкина» в голову, и аккуратно на спуск нажал. В кабинете грохнуло не хуже гранаты. Стекло еще сыпалось, а мы уже на улицу метнулись.

– Готов, точно в сердце, – проверил результат стрельбы Самоделкин. – Стреляешь на уровне мастера спорта.

Не стал я ему говорить, что в лоб целился.

– Тылы зачистили, пора проверить, чем там наши подопечные занимаются, – предлагаю. – Надеюсь, они не чересчур расшалились.

– Давай в гараже велосипеды возьмем, – дополнил Витя, – и тихо поедem, и быстро.

Это верно. Артсклады – это почти город. Каждый валом обнесен, дороги между ними. Пристроил я пулемет на руль, и двинулись мы, ориентируясь на далекий шум двигателя тягача. А минут через десять я на все свои вопросы ответ получил. Только мне он очень не понравился.

Закончились наши тихие игры при ясной луне. На платформе прицепа ловкие ребята крепили три термоядерных боеголовки по пять мегатонн. Класс «Сатана». Как они на наших складах оказались – вопрос, конечно, интересный, но не ко мне. Я их только что увидел. И в действие вступила директива четырнадцать-бис: не допускать захвата и утечки оружия и его комплектующих любой ценой. Как раз наш случай.

– Виктор, – говорю решительно.

– Да я все понимаю! Никого из них выпускать нельзя. Кладем их всех, деньги пополам, так? – сходу отвечает напарник.

Я головой обалдело киваю. Угадал. Только о деньгах, битком набитых коробках, у меня и мысли не мелькнуло. Слишком хорошо я силу этих боеголовок представлял, чтоб о

суетной материи думать. Близкий армагеддец мне в глаза глядел.

Когда в сорок первом Ленинград минировали – весь город должны были в руины превратить всего тремя тысячами тонн взрывчатки. А здесь совокупный заряд в пятнадцать мегатонн. Взорви его прямо здесь – Гамбург в море сдунет, а от Москвы одно название останется. Одно утешало. Каждый офицер-ракетчик под роспись получает номер заветного телефона. И когда я его наберу, сразу закрутятся гигантские шестерни боевой машины. Побегут к вертолетам спецназовцы, все дороги перекроют кордоны внутренних войск и замкнет кольцо, блокируя район наглухо, дивизия ВДВ или две. И будет мне честь и слава. Осталось только бой выиграть, живым остаться и до телефона доползти.

Тут ребятаки тент на прицеп натянули, зашнуровали, ворота в склад закрыли и по машинам расселись.

– Как до столбика доедут, бей по микроавтобусу. В двигатель целься, – Самоделкин командует. – А то салон прошьет насквозь, зря выстрел пропадет.

А сам трубой гранатомета бронетранспортер сопровождает. Упреждение взял.

– Рот открой! – заорал, и только дымный след бесшумно утренний воздух прорезал.

Башенка вспыхнула прозрачным огнем, а потом уже черные клубы дыма повалили. Моя цель резко затормозила, развернуло автобусик ко мне задними дверями, и стали они открываться. В эту щель я и выстрелил. Катнул гранатомет к Вите, а сам к пулемету прижался. Навел ствол на машину ВАИ и на спуск нажал. Затрясся «Дегтярев» как в лихорадке, и меня стало мотать. Раскинул ноги для упора, а тут и лента кончилась. Всадил я ее одной очередью. Пока менял, гляжу – от штабной машины с генералом обломки догорают. Самоделкин время зря не теряет. Несколько коротких очередей по микроавтобусу выпустил, нет движения. И остались мы пара на пару, мы с Витей и два водителя в кабине. И четыре костра из железа. И мясом сгоревшим пахнет. Я-то привычный. Ракетные шахты не хуже угольных горят, только об этом не пишут. Так уж, когда маршала ракетных войск на испытаниях в клочья разорвет, тогда да – упомянут и других в некрологе. Видел я скелетики черные в «позе боксера».

– Эй, брат, ты по нам не стреляй, у нас прицеп заминирован, зачем тебе погибать? – из тягача голос подали. – Никого не осталось, все деньги ваши. Мы поедем тихо, незаметно, вы тут все сожжете, всем хорошо, да?!

– Второй на телефоне что-то набирает! – чуть слышно шепчет Витя.

И шархнул я по своей привычке одной очередью по всей кабине крест-накрест. Ленту добил и диск поставил.

– Пошли, – мне напарник шепчет.

– Говори громче, – отвечаю, – никто не услышит!

– И так во весь голос кричу, тебя контузило и уши заложило, – он губами шевелит.

Вот почему я треска огня не слышу. Выдернули мы покойников из кабины, руку с пола подобрали, в огонь кинули.

– Мы имеем право на один телефонный звонок, – шучу. – Поехали в штаб.

Добрались быстро. Деньги из кабинета обратно в машину стали складывать, а там еще коробки.

– Удачно мы повоевали, – Витя радуется.

– Ты их в уме не трать, может, тут одни фальшивки лежат, – остудил я его. – Сейчас мы быстро позвоним в Москву, и ты в город поедешь, а я здесь останусь гостей из престольной встречать.

– Я один уезжаю со всеми деньгами? – Самоделкин переспрашивает. – Ты мне так доверяешь? Тут ведь миллионы!

– Мы же боевое братство. Я тебе жизнь доверяю, – говорю в ответ.

И пошли мы звонить. Набрал я номер заветный и замер. Передал трубку Вите, тот ее выслушал внимательно и с размаху об стол хрястнул. А я аппарат убил. В упор из «Стечкина».

Вы позвонили по несуществующему номеру. Не придет к нам на помощь Красная

Армия, заблудилась в холмах кавалерия.

– Звони в город, пусть на ночь в литейный цех смену выводят. Срочный заказ от Министерства обороны на утилизацию поврежденной техники, – командую. – И готовь кран для перегрузки, наш прицеп и тягач. Деньги увози на проверку в большой город. В Ярославль, допустим.

И поехали мы с ним на полигон, нашу часть успокаивать. А то явятся в самый неподходящий момент. Выбрали пятерых старослужащих. Предложили им «дембельский аккорд». Сутки работы, и завтра домой на два месяца раньше. Канцелярия вся наша со всеми печатями. Парни сразу согласились. Уже хорошо.

Работы у нас было выше головы. Притащили цистерну передвижную с отработанным ракетным топливом, переоделись в ОЗК армейский и стали покойничков в топливо сбрасывать. Не хуже кислоты работало. Электронику, рации и телефоны – все туда же. За два часа управились. Оружие собрали, разрядили и в мастерскую утащили – на кусочки гильотиной рубить. Одну «Дрель» генеральскую оставили. Ее умельцы сразу без серийного номера делали – не найти концов. А потом уже наших дедушек запустили, жечь сваркой резать и выгоревшие пятна маскировать. К вечеру управились. На завод приехали, убедились, что все в мартен ушло вместе с прицепом, рассчитались с народом спиртом и деньгами немного, и остался у нас только сам тягач без единого стекла в кабине и дверок простреленных, они тоже в печь ушли. А так на ходу, машина – зверь, один недостаток, где-то маячок наверняка спрятан, а то и не один.

– С берега в реку, и концы в воду, – Витя предлагает.

– Надо в такое место ехать, где и искать не рискнут, – отвечаю.

– В Кремль? – Самоделкин ехидничает.

– Типа того. За завтра деньги по счетам распихаем? – интересуюсь.

– Запросто, до обеда успеем, – уверяет меня напарник. – Деньги настоящие.

– Пойдем двумя машинами, – говорю. – Ты на трофейном будешь ложный след оставлять, а я боеголовки спрячу.

– Да зачем козе баян? – спорит Витенька

Не стал я ему об ответственности перед человечеством говорить, воздух сотрясать.

– Ты видел, сколько денег за них дали? – просто напоминаю.

Этот аргумент Вите понятен.

– Ты только их укрой надежно, – озаботился сразу.

– А то. Встречаемся в Брянске и идем в Припятские болота. Там машину топим, пусть достают, любопытные товарищи и господа. А мы с тобой...

– В Турцию! Там система «все включено»! – кричит радостно Самоделкин.

– Согласен, лишь бы ты был счастлив, – киваю. – Спать пошли, банки через три часа уже откроются.

Взял пулемет привычно в руки, и к лежаку пошел. Сегодня будет нелегкий день. Первый за восемнадцать лет, когда все решения буду принимать я сам.

Доктор

За дверью кабинета, где я обитал последние три года, раздался дробный топот. Так по институту бегал только мой ассистент – аспирант Владимир, человек, в общем-то, уравновешенный, но сильно волнующийся, когда предстояла работа. По скорости перестука Володиных ног можно было судить о степени его заинтересованности в случившемся. Сейчас аспирантская пробежка напоминала пулеметную очередь – что-то очень интересное намечается.

– Что там? – я отвернулся от компьютерного монитора и посмотрел на ворвавшегося Володю. – Привезли кого?

– Да, – аспирант поправил сползающие на нос очки-кругляшки и затараторил, – Известный мужчина, примерно тридцати лет, европейского типа, падение с высоты, Зэ-Че-

Эм-Тэ, адреналин и мезатон рекой, ритм свой, пневмоторакс, интубирован...

– Я все понял! – пришлось мне прервать моего не в меру говорливого помощника. – Когда упал?

– Минут сорок назад. Вероятно, суицид. – это аспирант договаривал уже на ходу, пытаюсь догнать меня, спешащего к умирающему пациенту.

Вы спросите, кто я? Отвечу: нейрофизиолог, профессор, и вообще – светило мировой науки. Ну, так про меня говорят. За глаза, конечно. В глаза – все гораздо серьезней. В глаза говорят «профессор». И все.

Некоторые называют меня по имени, что, в общем-то, у нас не приветствуется. И работаю я не где-нибудь, а в НИИ, который занимается проблемами сознания, высшей нервной деятельности и мыслительного процесса. Институт настолько закрытый, что я даже названия его не знаю. И штата у нас нет. Все сотрудники числятся по другим ведомствам. Я, например, зарплату получаю в «Институте Проблем Мозга». Правда, о том, что я там на окладе, знают только кадровик – суровый мужик, бывший особист – и расчетчица, которой вообще все равно, что за фамилия у нее в табель вписана. Так-то вот, господа борцы за права человека.

Пока мы шли по коридору, аспирант успел рассказать, что мужчина, которого нам привезли, грохнулся с шестого этажа и удивительно удачно (для нас) приземлился. Ну, удачно или нет, это мы сейчас выясним.

Реанимационная палата, рассчитанная на четырех пациентов, сегодня утром еще пустовала. Сейчас же вокруг одной из коек сустились врачи – два анестезиолога-реаниматолога, один нейрохирург, травматолог. Весь паноптикум, короче. Я заметил на голове пострадавшего резиновую сеточку с электродами – ЭЭГ сняли, значит. Молодцы, шустро работают.

Медсестры подключали к пациенту катетеры и кожные электроды, аппараты что-то возмущенно пищали, индикаторы на них ехидно перемигивались. Одним словом – работа кипела. Коллеги мужественно боролись за жизнь нашего возможного подопытного. Говорите, что опыты на людях запрещены? Запрещены, конечно. Только, если нельзя, но очень хочется, то немножко можно. Парень и так помрет, ясно как день, а науке он еще может пользу принести. Так что, цель оправдывает средства, как говорили иезуиты, средневековые мракобесы и вообще – просвещенные товарищи.

Ну, не буду отвлекать коллег. Минут пять у меня есть, пока тело в пристойный вид приведут. Я лучше всякие кривульки посмотрю. Энцефалограмму, например.

Энцефалограмма, надо сказать, мне понравилась – мозг собирался отойти в мир иной, оставив нам на растерзание брэнное тело. Хорошо. То, что нужно. Я потянулся к трубке внутреннего телефона: надо предупредить, чтобы готовили операционную. Надеюсь, сегодня все сложится удачно. Возможно, даже получится соединить этот мозг с механической рукой. И, возможно, система будет работать, какое-то время.

Говорите «фантастика», «не может быть», «неживое и живое нельзя соединить»? А вот не угадали, господа, «созданные по образу и подобию»! Можно. Все можно, если осторожно! Приходите, я вам крысу покажу с механической лапкой вместо одной из живых. Она (крыса) даже тридцать часов после операции прожила. Собачка, опять же, с железным хвостом, тоже... Издохла... Но хвост какое-то время работал, повинаясь приказам собачьего мозга. А вы говорите «Робокон – фантастика»! Не фантастика это, а недалекое будущее.

Неожиданно со стороны пациента раздался злобный вой – фибрилляция. Я поднял глаза от распечаток: по кардиомонитору, где недавно зеленым отображался нормальный сердечный ритм, теперь бежала зеленая пила. Умирать собрался наш подопытный. Нет, так не пойдет! Реаниматологи были со мной солидарны:

– Заряжай двести! – это Иван, мой однокашник, стоя с утюгами дефибриллятора, командовал медсестре.

– Готово! – худенькая как тростинка, большеглазая медсестра с детским личиком успешно перекричала рев тревожной сигнализации.

– От железа! – Ваня приложил электроды к груди пациента и навалился на них. – Отошли?

– Можно! – крикнул его напарник.

Ваня окинул взглядом пространство вокруг, убедился, что никто из коллег кровати не касается, подмигнул мне и выкрикнул: «Разряд!»

Тело на койке дернулось. Я встал, махнул рукой, дескать, трудитесь, орлы, и вышел из палаты. Предстоящее шоу интереса у меня не вызвало, ибо видел я его не один раз. Покурю, пока. Ваня позовет, как понадобится. «Если понадобится» – стоит оговориться.

Насладиться сигаретой мне не дали: за дверями меня встретили двое, как говорят, «в штатском».

– Мы к вам, профессор, и вот по какому делу!

Образованные, однако, товарищи: Булгакова читали. Или смотрели. Или слышали где-то. Не буду углубляться, откуда они цитату взяли.

– Говорите, только скорее, у меня там пациент, – решил я поиграть в собственную значимость.

– Мы быстро. – заверил меня второй «штатский» и тут же огорошил, – Что вы знаете про проект «О-сознание»?...

Я аж крикнул от неожиданности. А Швондер, тот, который Михаила Афанасьевича цитировал, довольно улыбнулся и продолжил за своего коллегу:

– Пойдемте, поговорим. У нас к вам предложение, от которого вы отказаться не сможете.

Спорить с классиками – Марио Пьюзо, «Крестный отец» – бесполезно. Это все равно, что «Капитал» оспаривать. Или Конституцию. То есть можно, конечно, но очень хлопотно и бесполезно: все равно – в дураках останешься.

– Пойдемте ко мне, там поговорим. – согласился я.

Люди в штатском были не против.

В кабинете мы расположились вокруг журнального столика, я выставил казенную (пластиковую) пепельницу, и мы дружно закурили.

– Итак, профессор, – Швондер опять начал разговор. – Что вы знаете про «О-сознание»?

– А, собственно, кто вы? – снова я ушел от прямого ответа.

Швондер пожал плечами и протянул мне «корочки».

– Здорово, конечно. – Я внимательно изучил мандат и вернул его владельцу. – А на самом деле кто вы?

– Ну, – протянул обладатель волшебного удостоверения, – профессор, какая вам разница? Достаточно того, что мы знаем про проект. Причем, из очень достоверного источника.

– Тогда, разговор наш можно считать законченным. Если вы знаете про проект, то, вероятно, догадываетесь, что распространяться о нем, мягко говоря, некрасиво.

– То есть вы подтверждаете, что имели к нему отношение? – быстро вставил второй «штатский».

– Это допрос? – решил я расставить точки над «i».

– Ни Боже мой! – Швондер успокоительно взмахнул руками и с неодобрением посмотрел на торопливого товарища. – Это – разговор по душам.

– Тогда, – я встал и раздавил недокуренную сигарету в пепельнице, – можно считать его законченным. Извините господ, вынужден просить вас покинуть меня. Дела, знаете ли.

– Ну, зачем вы так, профессор. – Швондер тоже встал. – Вам-то, конечно, ничего не сделается, вы – под защитой, а вот сын ваш... Он же служит, если мне память не изменяет. Армия – дело такое. Опасное, что ли?..

Тут-то я и сел! Сын мой, в самом деле, полгода назад был призван со второго курса юрфака на действительную воинскую службу. Россия ввязалась в очередные нарковойны и сейчас пыталась, вместе с бывшими стратегическими противниками, а ныне –

стратегическими партнерами, выгнать талибов из их пещер. Кроме того, несколько лет коалиция стран, в которую и моя Родина входила, безуспешно пыталась обуздать еще и Зону, образовавшуюся вокруг печально известной ЧАЭС. В связи с этим отменили все отсрочки от армии, а сроки службы увеличили: пехота – три года, летуны – четыре, флот – пять. Мой мальчик служил мотострелком. Хорошо, что далеко от «горячих точек». Но, все же...

– А какое отношение к этому имеет мой сын? – я зло посмотрел в глаза оппонента. – Он тут причем?

– В том-то и дело, что он не имеет к этому прямого отношения. Служит себе под Ростовом, и пусть служит. А вот перекинут его «за речку» или нет – зависит от вас. А можно и поближе – в Чернобыль, например.

– Шантаж – не лучший способ завести знакомство. – заметил я. В голове у меня мелькнула, конечно, мысль, что шефы решили проверить меня на предмет благонадежности, но она сама собой пропала: не работают мои начальники так грубо. Не их стиль.

– Не лучший, – вздохнув, согласился Швондер. – Зато, самый эффективный. Скажу прямо, нам нужен специалист вашего класса.

– Есть получше. – опять ввернул я. – Бах, например, Золотницкий, Перельман.

– Они – слишком заметные фигуры. А вы – незаметны, и ни в чем этим китам не уступите. Работали, опять же, в свое время, с интересующим нас проектом. Идеальный кандидат, словом. Ну, так как, состоится разговор или будем дальше играть в эти детские игры?

– Черт с вами! – согласился я. – Банкуйте, господа хорошие. Кстати, вы не боитесь, что нас слушать могут?

– Нет, не боимся! – честно ответил Швондер.

Глава 2

На ночлег мы расположились у костра на свежем воздухе. Места получше, в будке и в салоне разбитого вертолета, были заняты бандитами. За ночь дождик два раза начинал накрапывать, телогрейка, перепавшая мне от щедрот хозяйских, отсырела к черту. Раскинул ее на железном ящике, рубашку снял и начал крутить комплекс два – защитные блоки без оружия. Эх, автомат бы мне в руки нормальный! Через минуту меня пот пробил, а я темп увеличил. Лучше нет средства для вывода сивухи из организма.

Закончить не дали. Выполз из будки хмырь и завопил гнусным фальцетом:

– Утренняя перекличка!

Вчера вечером такая процедура уже проводилась, только темно уже было. Нас объявили просто – пятеро новичков. А других я и не увидел. Сейчас погляжу.

Одиннадцать бандитов в подобие шеренги встали. Сам Йога – двенадцатый. Позади него еще двое болтались. С палками. Псы цепные, знаю таких. Пайку жирную отработывают. Работники толпились безо всякого подобия строя. Четверо по одному в стороне стояли – бригадиры. Венец карьеры, погонщики этого сброда.

Пошептались о чем-то, в бронетранспортер рядом с автобусом в центре этого кладбища техники два автоматчика залезли, и через минуту через люк механика свежий труп вытащили. Еще один отъехал, тормознулся во сне, ему приснился ништяк, его встретил зацеп. Скучно здесь не будет – однозначно.

К нашей группе подошел старый знакомый с обрезом.

– Одежды только на троих есть в наличии, двое в лагере остаются – покойника в аномалию сбросите, топлива натаскать на кухню, уборка территории. Ты и ты, – ткнул стволом в крайнюю парочку, – в распоряжение Хлебореца.

Толстяк с палкой им отмашку дал. Обрадованные простой работой бомжи радостно кинулись к новому начальству.

– А вы переодевайтесь. Здесь дожди бывают обычные, кислотные и радиоактивные. С голым торсом через три дня также не проснешься. А вы Йоге недешево достались. Два

блокпоста задобрить, машина, милиционерам по сотне евро за голову. Надо отрабатывать денежки. Вы сейчас в самой глубокой Зоне, на автомобильном полигоне Свалки. На западе – Агропром, на востоке – поле радиоактивное с собачками слепыми, Темная Долина, там своя банда, не дай вам Черный Сталкер к ним в лапы угодить – лучше сразу в аномалию прыгнуть. И река ещё там – Полынь. Бывшая Припять, мать ее. На юге Киев и солдатиков немеряно и неслучено. И у всех приказ: стрелять на поражение. Все ясно?

– А на севере что? – спросил доходяга, которого мы вчера тащили.

– Сердце Зоны. Четвертый реактор ЧАЭС, слышишь – рокочет?

Вот что за гул мне ночью поначалу слегка мешал. В Чернобыль меня занесло. Украина. Что-то здесь случилось давным-давно. Редкое говно. Люди погибли, город бросили. Мутанты, значит. Да, ведь утечка радиации, как же без мутантов?

– А мы тут что забыли? Мы что, в МЧС записались последствия ликвидировать? – продолжал любопытный брат по каторге.

«Буду его, такого мастера вопросы задавать, звать Паганель» – решил про себя.

– Кроме радиации, аномалий, зверей злобных, военных патрулей, наемников и людоедов из «Монолита» здесь есть артефакты. И это перевешивает все остальное. Добыть их больше – ваша задача. Завтра учиться будете, а сегодня я вам у Йоги выходной выпросил. Вот вам две банки тушенки и водочки бутылочка. Сухарей мало, по одному на нос. Сейчас из лагеря уйдем, засядем на остановке автобусной, чтоб внимание не привлекать, вы расслабитесь, а мы с пацанами в кустах спать будем. Ночью из-за храпа глаз не сомкнули. Сегодня в БТР переберемся, раз освободился, – наш главный конвоир задачи на день наметил.

Оживились мои товарищи по несчастью. Так можно в рабстве жить, можно. Тебя кормят, поят и охраняют. И делать ничего не надо. Красота!

– Гитару пусть возьмут, – сказал неожиданно подошедший со спины Йога. – Что за посиделки сталкерские у огня без гитары?

Переодели нас в одежду с чужого плеча, и я уже почти решил простить ребят и не убивать их до смерти, так, настучать им по личику, чтобы знали, что рабовладение и работорговля считаются преступлением против человечества и не одобряются мной лично, когда на своей новой куртке дыру под лопаткой увидел. Под левой. Пристрелили ее бывшего владельца в спину. Все-таки нехорошие ребята мои новые знакомые. Придется их в удачный момент кончать.

– При атаке собак или кабанов сразу на крышу остановки запрыгивайте, – Йога последнее напутствие дал.

И рукой махнул. И что? Да, я со всеми вместе радостно заорал:

– Ты справедлив, Йога!

Убиться мне о стену. Завтра я ему носки кинусь стирать, что ли? Взяли мы гитару и пошли на пикничок. По дороге обломки досок и сучья собирали, прошли меньше километра и когда к автобусу на дороге подошли, стало вдруг понятно, что две горы до самого неба насыпаны из мусора. Тут металла на миллион евро лежит мертво.

– Сразу после выброса артефакты можно прямо на дороге дня два собирать. А потом их уже искать надо. В тоннеле за ангаром их полно, только туда даже опытные одиночки не рискуют лазить, – наш охранник обстановку пояснял.

– Кто такие «одиночки»? – это я уже успел первым спросить.

– Что такое «выброс»? – с секундной задержкой поинтересовался Паганель.

– Выброс надо пережить в укрытии – на открытом месте сдохнешь не за понюх табаку. Раз в три недели бывает. До следующего дня десять. Наше место надежное, увидите сами. Одиночка – просто опытный промысловик, один ходит. Все, что добудет, все его. И ногу если где подвернет или бинты у него кончатся, тоже один свой конец встретит. У дороги сидим, увидите кого – бутылкой машите. Подойдет – новости расскажет. Все, пейте, ешьте, песни только вполголоса пойте.

Мы у костра уселись, а бандиты за заднюю стенку залегли. Досыпать.

Народ сразу за бутылочку схватился, а мне гитара досталась. Сначала я армейским репертуаром пробавлялся, а потом на классику перешел.

– Мне не нужно награды, не нужно венца; мне не нужно спать с ведьмой, чтоб дойти до конца. Мне б весеннюю сладость да жизнь без вранья; ох, Самара, сестра моя... Бьется солнце о тучи над моей головой. Я, наверно, везучий, раз до сих пор живой; над рекой кричит птица, ждет милого дружка – а здесь белые стены и глухая тоска.

– Хорошо поешь, – одобрительно сказал человек в зеленом защитном костюме.

Уж пластинки кевларовые морской пехотинец сразу увидит.

Хлопнуло что-то сверху, одиночка за глаза схватился, сверху с крыши на него автоматчик прыгнул, а с боков остальные «спящие» кинулись.

– Глаза не три, мать, брат, ерш твою медь! – наш добрый погонщик кричит.

Взяли они его под микитки, все содрали, даже поясом не побрезговали. Твари. Потом стали его в порядок приводить. Воду лить на руки и глаза промывать. Минут через пять новый пленник был свеж, как только что срезанный с грядки огурец, и так же весел. Меня только что поймали, словно пьяную шлюху. За банку консервов и выходной день. Обидно, однако. Пока я тут концерт устраивал, группа захвата рассредоточилась и в засаде удобно устроилась. Потом, когда человек подошел, на него сверху из полотенца или мешка небольшого сыпанули смесь мелко толченого табака с перцем – средство старое, но действенное. Глаза моментально выводит из строя. И не крикнешь. Вдохнешь лишний раз – и будешь чихать полдня. И все – приехали. Так языков казачки еще при Наполеоне брали. Не подвел древний способ и сейчас.

– Где вы таких артистов в подсадные утки взяли? Совершенно на бандитов не похожи. И песни не ваши поют, – пленный поинтересовался.

И смотрит лютым волком.

– Возвращаемся в лагерь. Один день – один сталкер. Четыре артефакта. Пусть дурачки по аномалиям бродят, а мы будем на дороге охотиться.

Да, приманили человека сладкоголосые сирены. Надо будет выручать. Глаза у парня свежепойманного все еще слезились, но наши бандиты подстраховались: на кистях наручники появились, и петлю на шею накинули. Проявили уважение по полной программе.

– Молодцы, – похвалы мы дождались, – самого Проводника с вашей подачи взяли. Легенда Зоны. Сейчас из одиночек пятеро на пике славы. Дракон с «Монолитом» войну ведет, съели они там кого-то без спросу. Призрак артефакты таскает из Мертвого города, все ему завидуют. Этот, Проводник, тайные тропы знает, всех короткими путями водит – правда, за деньги и долю в хабаре. Серый в Ангаре засел, как заноза в заднице, ни одна банда его выбить не может, и Информатор в баре засел, байками торгует. Хорошо устроился, но мы ему завидовать не будем. Мы его тоже лучше поймаем. Когда-нибудь, – развеселился главный ловец.

Буду звать его Обрез. Все равно недолго осталось. Опытный человек рядом есть, пора прощаться с хозяевами. Плечи ломило со страшной силой – ночевка на земле сказывалась, только это не повод в драку не лезть.

– Продукты у него в рюкзаке были? – спрашиваю.

– Лежало что-то, – Обрез отвечает.

– Ну, так давай сюда, Йога-то на нас за это в обиде не будет. И водочки можем все тяпнуть за успех. Ты разливай, а мне нож дай – сало порежу.

Не хотелось мне его в людях разочаровывать, поэтому, как он мне нож передал, я его сразу ему в шею, под ухо, и вогнал. Надеюсь, он сразу умер, не успев расстроиться. Некогда мне было в глаза смотреть, наблюдать, как душа с телом расстаётся – кровь хлещет, и ладно. Не жилец, и ладно. Обрез сразу левой рукой цапнул, одному автоматчику в упор в голову заряд картечи вогнал, все вокруг забрызгал мозгами и кровью. Последний живой бандит дернулся, но тут Проводник не подкачал – сбил его в прыжке. Катаются они, бандит в петлю вцепился, душит человека. Замерли они на секунду, разобрался я, какая нога вражеская, приставил к коленке ствол и выстрелил. Осел клиент резко – сразу веревку бросил. Только

рот раскрыл для крика, а я ему с размаху ручкой обреза в лоб заехал. Хрустнула косточка. Все – прошла у него ножка, уже не больно.

– Эй, вас там долго ждать? Мы уже разлили, – сказал обиженно Паганель. – Водка выдохнется.

Ржем мы с Проводником, как два коня заправских, а наши бичи его сухарики догрызают. Соскучились по хлебушку. Не теряются в сложных ситуациях. Я ключи нашел от браслетов, освободил пленного, веревку он сам смотал.

– Давно в Зоне? – спрашивает.

– Вчера утром привезли, – Паганель ему отвечает.

– Значит, вы еще совсем никто и зовут вас никак.

– Его будем величать Паганелем, – встречаю я в беседу, – очень ему все знать хочется.

– Да хоть горшком назови, только налить не забудь, – смеется бомж.

Тут мы все припасы и прикончили. Ну, почти. Последняя банка тушенки осталась и четыре ржаных сухаря. Армейская пайка. Такими неопытный салага может язык в кровь стесать. Стали решать, как дальше жить будем. У меня никаких дел на этом свете нет, четвертый год живу просто по привычке, а тут первый раз за все время интерес проснулся, и хочется Йоге доказать простую вещь. Люди – не скот безмолвный. Только Паганель с напарником для переходов по этой местности явно не годились.

– Народ вооружаем автоматами трофейными, – предлагает Проводник, – и отводим в ангар, к брату Серому. У него сейчас людей нет, один Сема Вентилятор с ним. Там каждый ствол на вес золота. Встанут ребята под его начало – с голода не умрут. С нами им нельзя. Не ходоки они по Зоне. А за тремя сразу мне не уследить. Покойников в аномалию скинем, пусть Йога в догадках теряется. Мы с тобой на Кордон пойдем, там клиент дожидается. Только чтобы ты на серьезного сталкера походил, надо хорошее оружие раздобыть. А то сейчас ты совсем пустой.

Это так. Обрез последнего удара тоже не пережил – цевье пополам сломалось. Стволы отдельно, спусковой механизм отдельно.

– Остальных бы тоже освободить, – говорю Проводнику. – Не дело это – людей в рабстве держать. Работоторговля приравнена к пиратству и за нее петля положена сразу.

Согласен он, кивает. От нашего полевого лагеря на остановке брошенной стена вокруг ангара сразу была видна. Рукой подать. Минут пять ходу налегке и двадцать с грузом. Взялись порядок наводить. Кровь затерли, трупы и обрывки одежды в аномалию перед воротами в ангар по пути сбросили. Нет их, как и не было никогда. Серый подкреплению обрадовался и стал нас уговаривать у него задержаться. Я пистолет в карман сунул, две обоймы запасных, толку от него немного – так, для уверенности. Да и весит железка почти килограмм – если в зубы дать кому, все не голой рукой.

– Пойду на прогулку, – сообщаю честной компании.

– Только за забор не выходи, – Проводник мне говорит.

Ага. Джентльмен без галстука со двора поместья не выходит. Они там печень жарят на решетке, а мне сегодня пить не хочется. Понять надо, прочувствовать шкурой, куда занесло. И сколько не пой, сколько не ори, сколько не пей и сколько не торчи, дважды два будет два, трижды три будет три. Арифметика проста и ты со мной не крути. Здесь не время любить, не время любить. А теперь для души налети ураган, зацепи меня с собой, зацепи всех ребят, вознеси до небес и возьми из нас яд, на четыре стороны; кто куда, кто с тобой, а кто совсем не понял – отнеси их домой. Наша личная жизнь – как сплошной некролог, не время любить – это только предлог, пока будет темно, мы раскурим и свет, если солнце взойдет – с наших крыш съедет снег.

Достал я из кармана пачку сигарет «Прима» и стал их в мелкую пыль перетирать. Здесь ничем разбрасываться не стоило, а курить я только что бросил. Вышел морской пехотинец на тропу войны.

Первым делом решил с местностью слиться: нарезал травы с синеватым отливом, весь ей покрылся, прямо клумба из городского сада. Лягу на землю, с десятка шагов враги не

заметят. Крошкой табачной посыпался. И не учуют. Огляделся по сторонам. С юга мы пришли – там лагерь Йоги и продажные блокпосты. А через дорогу видны цистерны промышленные стационарные и развалины непонятные. Для тренировки ставлю себе задачу – сходить туда на разведку и назад вернуться. И пошел я как тигр амурский: неслышно на мягких лапах, и в любую секунду к прыжку готов. Мы, морская пехота, – настоящие бойцы, в отличие от всех прочих. Десантники в спор лезут, подвыпив, только я их резко осаживаю. «А где, – спрашиваю, – проводилось боевое десантирование, а? Дай ответ». Не дает ответа. Нет, я не спорю: ребята геройские, если они в соседях фланг прикрывают, ты за него спокоен, но реально, в боевых условиях они ни разу не прыгали. Немецкий десант Мальту и Крит с воздуха взял, а наши «голубые береты»? Ничего. А за нашей бригадой Керченский десант, Измаил и тысяча километров боев по Дунаю. Да и в мирное время мы неплохо по Азии и Африке гуляли. Вот и пусть молчат в тряпочку, пижоны.

Под ноги и вокруг смотреть за мыслями не забываю. Поэтому двойку засек первым и сразу на землю пал. Далековато до них еще было, ползу аккуратно, с пистолетом в кармане я для них мишень простая, а не противник. Минут через пять добрался до мешанины из плит и блоков. Такое впечатление, будто в дом полутонной фугасной бомбой засадили. Одна стена стоит в чистом поле. Так, что мы здесь имеем? Будем смотреть.

С гуся люди получают пух и шварки, с раззяв можно поймать более ценные предметы. Метрах в десяти предо мной стояла и манила снайперская винтовка СВД. Одного отчетливо вижу, на площадке сидит, на север в бинокль смотрит. Снайпер – позицию себе выбирает. Второй номер должен подходы контролировать, только меня он проспал. За стеной звук раздался – подошва по бетону шаркнула. Хо, секунд тридцать есть в запасе, пока он стену обойдет.

Метнулся я стрелой и схватил неожиданный подарок судьбы в руки. Главное в профессии вора – это вовремя смыться. И кинулся я скачками в тень между цистернами.

– Поднимайся! – сверху командует снайпер. – И винтовку не забудь. Тут на площадку прыгать надо, подашь ее мне, я приму.

– А где ты ее к блоку прислонил? – второй номер расчета спрашивает. – Я ее не вижу.

«И вряд ли увидишь, – думаю я, отползая, – Мне она самому пригодиться. Буду крутым бобром работать». Если СВД на что-то и годна, так это перед народом глупым понты колотить, как орехи грецкие королевской печатью. Скорострельность у нее никакая, ствол после выстрела отдача уводит, зато выглядит красиво. И большая она, многих это впечатляет.

Обогнул цистерну, на четвереньки встал, так все быстрее, чем ползком, винтовочку трофейную на шею повесил, и ходу, от развалин подальше. А оттуда мат еще долетает – поиски идут. Уже не винтовку, а виновных ищут. Командир найдет, у него работа такая.

До асфальта добрался – на бег перешел и сразу в кусты шмыгнул. Все, ушел. Буду себя звать Колобок. Ото всех удрал. И с добычей. Здесь говорят «с хабаром». Давным-давно на Дальнем Востоке работал лихой разведчик Стругацкий, позывной – «Самурай». Как он там с японскими пленными общался, какие результаты вербовок у него были, все еще секрет, но кое-что ему за труд тяжкий власть позволяла. Коньяк пить и книги писать. Он по этому поводу со знанием дела так сказал: «живым вернулся – удача, с хабаром вернулся – чудо, патрульная пуля мимо – везенье, а все остальное – судьба». Хорошо сформулировал, можно в бронзе отлить.

Протиснулся я в щель между створок ворот и пошел к костру. Сразу у стены Сема сидел, часового изображал. Только последняя стопочка явно лишняя была, и глазки у него закрылись. Да уж, как они еще живы? Непонятно. Присел к огню, винтовку проверил, полный магазин, десять патронов бронебойных.

– Где разжился? – Проводник глаза от удивления широко открыл.

– Там больше нет, одна была, – отвечаю.

Тем не менее, слово за слово, они с Серым из меня отчет выдавили. Паганель с нашим третьим спутником отсыпались впрок за всю свою бродяжью жизнь. Они мой рассказ

пропустили.

– Неплохо для новичка. Трех бандитов убил и у снайперского расчета «Свободы» винтовочку увел. Они за заставой «Долга» наблюдали, ее с развалин хорошо видно. Не ладят кланы между собой – не сошлись идейно. Льют кровь задаром.

– Начальство деньги не поделило, а расплачиваться за все рядовым. Вышли бы генерал с Лукашем на Арену и решили все вопросы разом. Нет, так нельзя. Слепым псам кушать будет нечего, если мир в Зоне настанет, – выругался Серый.

– Для показухи у меня ствол есть, – говорю. – Может, для боя чего в запасах найдется? – у хозяина ангара спрашиваю.

В нашем арсенале много всякого оружия, но нет совсем специалистов применить. Открывает он сундук, и я...Короче, сильно удивлен. Морпех в изумлении – это редкое зрелище, господа и товарищи, не проходите мимо, остановитесь, послушайте, проникнитесь и законспектируйте. Минут через пять я понял, что повторяюсь и заткнул фонтан своего красноречия. И начал весь этот металлолом сортировать. Пистолеты, обрезы налево, укороченные «Калашниковы» направо, три нормальных автомата перед собой положил и стал один рабочий из них делать. Почти получилось. Чуть-чуть хуже заводского – износ ствола никуда не денешь. И обрез взял, благо патроны были. Наследство от конвоира, ныне покойного. И даже не скажешь – пусть земля ему будет пухом – лично в аномалию тело забросил. Да и черт с ним.

Вот сейчас я стал на человека похож: автомат на плече, винтовка за спиной, пистолет в кармане, нож на поясе и обрез в руках. И голова с похмелья не болит.

– Что делать будем? – Проводника спрашиваю.

– Сам решай, – отвечает он уклончиво. – Ты сегодня при фарте, с тебя и спрос.

Офицер

В части мы со всеми делами к десяти закончили. На караул заступил взвод из комендантской роты – выпросили по дружбе; наши демобилизованные солдаты документы получили и уехали с деньгами за работу и советом не болтать – враг подслушивает. Все они уезжали за границу: один в Прибалтику, остальные в Белоруссию и Украину. Так и выбирались по личным делам, максимально осложняя жизнь будущей комиссии по разбору полетов. А она будет. Рапорты свои об отставке в общую пачку вложили; генерал и его свита заранее написали, и в штаб округа отправили на подпись. Пусть все будет формально правильно. По бумагам нас в армии уже сутки как нет. С позавчерашнего дня. Не самое большое чудо в армии, которая каждый год празднует неизвестно что и называет это «Днем защитника отечества». Я-то знаю, что в этот день товарищ Троцкий приказал расстреливать дезертиров из Красной Армии, и товарищ Сталин это знал, когда праздник утвердил официально. Большого чувства юмора был человек. Любил веселые незатейливые шутки. Заскочит, бывало, в отдел кадров Генерального Штаба, выдернет наугад десяток папок.

– Расстрелять, – кричит, – мерзавцев!

– За что, товарищ Сталин? – народ недоумевает.

– Нашей армии не нужны неудачники! – отвечает.

Только некоторые все равно выжили. А жаль, в сорок первом это сильно сказалось. Веселю себя историческими байками, а сам уже к Железнодорожному подъезжаю. Заехал в «Мособлбанк», поговорил с управляющим дополнительного офиса, и стало нам с ним счастье. Он неплохо на комиссии заработал, а я через два часа дальше налегке поехал. Только смерть всего мира за спиной в прицепе, мелочь в сумке и три карточки банковских в офицерской книжке. Паспорта у меня за всю мою жизнь никогда не было. Витя Самоделкин шел давно к Брянску, перегонял трофейный прицеп. Дверки и стекло нам быстро поставили, и он сразу двинулся. Пусть руководители операции движение на трассе через спутник навигации наблюдают. А режим радиомолчания в таких акциях – вещь обычная. Не выходят на связь, значит, так командир решил. Хуже, когда эфир хрипит: «Все пропало, ведем бой,

мы все погибли, выполняя приказ». Надеюсь, мы этой группе не дали тревожный сигнал подать. Пока все тихо. Обогнул я Москву областными дорогами, близко не приближаясь. Только мне встречи с патрулем городской комендатуры не хватало для полного счастья. Вышел на Смоленск и поехал на законсервированную базу. До ближайшей деревушки двадцать километров, должна была уцелеть.

Прицеп в гараж загнал, плиту входа опустил, для надежности электродвигатель подъема ворот отсоединил. Здесь в ручеек гидростанцию маленькую пристроили – ток всегда будет, пока вода течет. Вот прицеп с маячком затащим в место гиблое, можно будет с Самоделкиным сюда вернуться. Тихо здесь, по-домашнему хорошо. Маскировку восстановил, совсем свободен. От всего! Сейчас Вите карточку с его долей отдать, машинами поменяться, и на Припять, в болота непролазные. В сорок первом там десять тысяч танков советских пропало. Дернули они на четыре тысячи немецких танкеток по бездорожью и пропали в трясине бесславно. И наш прицеп там исчезнет бесследно. И все, кто ее захочет найти, пусть готовятся к неприятностям заранее.

За десять километров до Брянска на площадке стояночной я машину знакомую увидел. И две легковушки потертых рядом с ней. Подъезжаю вплотную, стоя из пяти особей Вите знаки делает. Типа выходи, биться будем.

– Здорово, пацаны, какие проблемы? – спрашиваю с пулеметом наизготовку.

Главное при переговорах – уважительное отношение к собеседнику. Ты к нему по-хорошему, и он к тебе со всей лаской. Сразу парни вспомнили о делах неотложных, попрыгали в свои машинки и быстро уехали.

А мы с Витей обнялись. Отдал я ему карточку с его половиной.

– Пересаживаемся, – предлагаю. – Ты наш тягач или в часть любую сдай или продай незадорого, и езжай в свою Турцию. Тебе денег на всю жизнь хватит, если модель не заведешь. А то придется товар опять на продажу выставять.

– Продать можно, и цену дадут настоящую, и по пути нам до Турции. Приятель у меня автоколонной заведует на Украине. Военный городок Чернобыль-4. Поехали вместе, – Самоделкин отвечает и карту разворачивает.

Те же болота, вид с юга. То ли мне не один черт, откуда в трясину заезжать?

– По машинам! – ору.

Движки режут, а к парковке орлы милицейские с сиренами летят. Стукнули пацаны, что здесь у водителей пулемет есть. Да, не будем скрывать. Дали пару очередей – сразу мигалки погасли. Догадались, что руки здесь никто поднимать не будет. А мы кювет переползли не торопясь и по мелколесью прямо на юг и двинули. Прощай, немытая Россия, страна рабов, страна ментов. Пока, наше вам с кисточкой. Так мы вдоль Сожа до Белоруссии и дотянули. Границы не заметили, а у Кричевска на трассу вышли.

Кофе попили, рубашки льняные с воротниками вышитыми купили, натянули сразу, шляпы соломенные нахлобучили, смотрим друг на друга, смеемся, сил нет, а остановиться не можем. Истерика, короче, у товарищей офицеров. Бывает после заработков крупных и спасения мира.

– В Чернобыль, – говорю, – а то за следующий обед придется в евро рассчитываться. Последние рубли на заправке отдали. И опять дорога под колесами и мысли в голове. Пенсию я получил всю сразу. И премиальные, и за выслугу, и за паек. С северным коэффициентом и боевыми надбавками. Плюс три боеголовки – бонус за дерзость. Пусть лежат, запас карман не тянет. С оружием у нас все хорошо. У меня в спальнике пулемет и патронов битком, «Стечкин» в кобуре. У Самоделкина автомат и «Дрель» генеральская. Пистолет – он оружие статусное, как кортик парадный. Ранг хозяина определяет. А если все идет не по плану, то и застрелиться можно. Прицеп и тягач трофейные надо утилизировать надежно, без следа. Пусть покупатели никогда не узнают точно, в чем дело. Нас с Витей тоже будут искать, пока не поверят, что погибли. Года два надо в тиши отсидеться, пока накал не спадет. Генетического материала для опознания у них нет. Стерильно за нами. Ни плевка, ни волоска в наших комнатах, плюс ключи от комнат «замку» взвода оставили. Там уже дым

коромыслом и пьянка армейская гуляет. А если завтра война? Солдат должен все пригодное для питья выпить сразу – это закон. От машин освободимся, и подумаем куда дальше направиться. Может, действительно, по курортам поездить? Кто там нас в миллионных толпах на побережье найдет? Документы надо чужие. Буду я, допустим, Забейного. Или Голопупенко. Или Нихренасебефамилия. Главное – не броско. Скромность – она сильно жизнь облегчает. Шли мы ровно: восемьдесят в час держали, остановок не делали, и, хоть и затемно, но до места добрались. Витин приятель, с профессионально красной физиономией, встретил нас по-царски. Душ с дороги, борщ с галушками и шкварками – мы же на Украине!

– В Украине, – он меня поправил.

– Да ты тоже можешь говорить «на Руси». Никаких нареканий не вызовет. Так и спрашивай: «Как дела на Руси святой?». У нас свобода, однако. Мы тебе все разрешаем.

Поржали дружно, доели и к делам перешли.

Карту развернули. Болота непроходимые начинались километрах в пятнадцати за Припятью. «Сорок километров. Час, ну, максимум, – два, на машине. Велосипеды складские мы прибрали, к завтрашнему вечеру обратно вернемся» – постукивая карандашом по карте, я свой простенький план озвучил, и был слегка поражен реакцией собеседника.

– Вы, парни, совсем ума лишились! – поставил он нам диагноз. – Вам и километра не проехать. Уже под мостом железнодорожным все плитами и трубами завалено. Там последний армейский блокпост. И до него мутанты стаями носятся, кабаны и псы слепые. Псевдособаки тоже встречаются. Аномалии повсюду, а уж дальше, в глубокой Зоне, смерть на каждом шагу. К вечеру захотел вернуться из-за Мертвого города! Да ты шутник, парень! Ты до него доживи, до вечера.

– А теперь все то же самое, только спокойно и в подробностях, – говорю сдержанно.

Я, вообще, человек неконфликтный, все проблемы стараюсь устранить тихо, мирно. Вздыхнул Витин приятель и достал из сейфа карту с привычным грифом «Совершенно секретно».

– Смотрите и ужасайтесь, что с землей делается. Ровно четыре года назад, в 2006 году, количество человеческой глупости опять перешло в качество, и гроыхнул второй взрыв и первый выброс. Тогда в Зоне было населения тысяч пятьдесят – выжили единицы счастливых. Что там произошло, точно никто не знает, а если кто знает – ни за что не скажет. Четыре года выясняем – выяснить не можем. Потихоньку отступаем. Мы сейчас в Чернобыле-4. Там, где когда-то был первый базовый военный городок, сейчас южная застава «Кордон». Граница Зоны отчуждения. Внутри, за периметром, работает лагерь ученых «Янтарь» и поисковые группы военных разведчиков. А все остальные там незаконно. Нарушители закона. Работяги, бандиты, группировки различные, людоеды и зомби – ходячие мертвецы. Им, правда, арест не грозит – вдоль периметра все минами было утыкано, да и в Зоне поля ставили. Особенно вокруг бывших военных складов. Там сейчас вообще неизведанная земля.

Пододвинул я карту и прямо по ней написал: «Здесь водятся драконы». Хрустнул пальцами и кинул щепки от карандаша в топку «буржуйки». Печка такая, кто не в курсе, применяется славянскими народами вместо камина. Видел на севере мертвую тундру до горизонта, полигон «Таймыр – 13». Здесь, в центре Европы, значит, тоже такая же хреновина. Ну, люди, ну, твари!

– Твои предложения? – спрашиваю у местного товарища, в смысле – пана.

– Спать идите – утром разберемся.

– Некогда нам спать, запросто могут гости незванные нагрянуть. Не знаю, насколько у них еще терпения хватит. Уходить нам надо. По крайней мере – тягач с прицепом убрать. На них наверняка маячок стоит спутниковый, – поясняю я обстановку.

– И все?! Не нервничайте меня по пустякам. Сейчас загоним его на стенд, весь по винтику разберем, потом соберем и продадим. А маячок в расплав термический бросим. Там три тысячи градусов, все сгорит к черту. Спать! – закончил дискуссию местный автомобильный начальник.

Уснул я раньше, чем ухо подушки коснулось. На лету. Недолгим было счастье. Зевота челюсти сводила намертво, часа два сна мне перепало.

– Четыре маяка с машины сняли, все чисто. Полчаса назад закончили, а десять минут назад нас две дивизии российских окружили. Сейчас решают вопрос о досмотре городка, – доложил краснолицый пан.

Понятно. Кто-то с большими погонами хотел на боеголовках заработать. Скажи мне, где ты работаешь, и я скажу тебе, что ты воруешь.

– Пулемет с патронами прибири надежно, – говорю. – Витя, по велосипедам! Нас ждут драконы! Поехали, разомнемся.

Карту секретную в карман, сгребаю со стола остатки былой роскоши в рюкзак, Самоделкина друг его тоже собирает быстро, через две минуты мы уже педали крутим. Спортсмены. На блок посту часовой было дернулся.

– Ударим велопробегом по радиации! – кричу ему. – Гонки по приказу командира в честь дня космонавтики! Ура!

Пока он пытался своим расстроенным разумом смысл слов постичь, мы уже мимо проехали. И метров через пятьдесят скрылись от мира в густом утреннем тумане.

– Стоп. Берем технику в руки и идем пешком. Здесь ехать можно до ближайшей ямки, а потом будет короткий, но быстрый полет. С непредсказуемым финалом.

– А госпиталя тут нет, – согласился со мной Самоделкин. – Ну, вот, от машин мы отделались. Денег много, жизнь прекрасна.

– Дня три здесь проведем, и можно будет выходить, – прикидываю наше будущее. – Давай на местности определимся. Здесь поселок на карте указан. Временный лагерь сталкеров. Пошли, домик найдем, велосипеды спрячем и выспимся по-человечески за все эти дни.

Вот и мы под прицелом войны, мы ни слова в ответ, мы ни слова взаймы, огоньки сигарет да в последний раз чай, полчаса до весны, здесь не ходит трамвай. Жалко, пулемет пришлось оставить, поправил «Стечкина» на боку, и полезли мы с Витей через невысокий заборчик.

«Дошли...»

Аспирант

Когда подаешь на проверку чужие документы, все равно слегка нервничаешь. Главное – не знаешь, вдруг их бывший хозяин давно в розыске за долги и алименты? И вот ты здесь, такой симпатичный. Пройдемте, пожалуйста!

Нет, ничем Эдик нашу репутацию не омрачил. Нет к нам никаких претензий. Поставили мне отметку в паспорте, взглянули угрюмо в четыре глаза пограничник и таможенник – свободен, проходи, не задерживайся. Пройдет еще тысяча лет и, может, они даже улыбаться научатся.

В Киеве у меня никаких зацепок не было – не моя тема. Становление Руси никогда не интересовало. А больше в этих местах ничего стоящего не происходило. Нет, был еще ледниковый период, как и во всей Европе, но тоже очень давно. А местные склоки оставим здешним историкам.

Умение легко собраться – тоже искусство. Итак, в наличии есть деньги. Слава богу, банкоматы здесь есть и работают. Получил тысячу евро, подошел к обменному пункту и замер. Табличка: «Не работает». И все. Сразу сбоку подскочила гарна дивчина: «Чего пану угодно?». Ну, значит, так. Ордена Богдана Хмельницкого всех степеней, орден Кутузова второй степени в трех экземплярах, орденов Суворова – ящик и польских орденов начала войны – два. И Нобелевскую премию за мою монографию о нагрудных знаках Второй Мировой. Не стал я ей все это говорить, улыбнулся мило, посмотрел в глаза карие и никаких признаков души не заметил. Современный человек – деловой.

– Нужен человек, хорошо знающий местные условия, для помощи в сборах. Часа за два

управимся – триста евро твои. Нужна полевая экипировка и оружие: хочу по Припятским болотам прогуляться, – делаю девице предложение.

– Поехали, – отвечает, не раздумывая.

Сели мы в довольно приличную «Шкоду» и понеслись. О правилах движения здесь, наверное, знали только одно: где-то они есть.

Через час суматошной поездки оказались мы на складе в промышленной зоне. Нас уже ждали. Посмотрел я на делегацию по встрече и слегка огорчился. А потом увидел на одном человечке знакомую татуировку и обрадовался.

– В каком году из Легиона ушел? – вежливо спрашиваю.

– В 2007, в мае, – отвечает, и своим отмашку делает «сидеть тихо».

– У меня во втором десантном полку товарищей полно, – сообщаю ему чистую правду.

Мы пару лет назад с разведвзводом в Африке казначейство штурмом брали. Лихое было дело. Через минуту общих знакомых нашли. Я у него телефон беру, знакомый номер набираю.

– Привет, Франсуа, дай мне рекомендации своему бывшему сержанту, мы с ним сейчас в Восточной Европе, и он мне может сильно помочь, если захочет.

И трубку парашютисту передаю. Тот послушал внимательно, и выводы сделал в мою пользу.

– Значит, второе бюро Зоной заинтересовалось, – озвучил он свою мысль. – Ладно, дружба с капитаном дороже стоит усилий потраченных. Сделаем. К обеду в Зоне будешь. Документы давай.

И все закрутилось с быстротой невероятной.

Через три часа меня из вертолета выгрузили, рукой вдаль показали. Где-то там отдел кадров института размещался, в котором я лаборантом уже неделю по бумагам работал. За спиной рюкзак со снаряжением, чехол с «Винчестером» гладкоствольным, восьмизарядным, ничего более приличного сюда взять было нельзя, а вокруг суeta. Пока мы летели, в России под Смоленском президент Польши разбился. Что ж, напоминание правителям – никто не живет вечно. Вот они – буквы огненные на стене. Что ему в том Смоленске надо было? Загадка, однако.

Под шумок я в военторге водочки прикупил и за пару бутылок до заставы на Кордоне добрался. До моего танка оставалось еще километров семьдесят. Последний рывок. Делай раз!

Давно, в школе еще, когда я под родным Харьковом оружие на полях старой войны раскапывал, со мной в паре старый уголовник работал. И мне хорошо, спокойно, и он был при деле. Учил он меня всяким хитростям, многие в течение жизнигодились. Если я сейчас солдатакам начну водку навяливать – отберут и задержат до выяснения обстоятельств. Тут надо технически. Сейчас театр покажем.

– Эй, служивый, где тут у вас туалет? – кричу, за живот держась.

Пакет с бутылками на скамейку кладу.

– Присмотри за водочкой, себе больше бутылки не бери! – и в кусты, согнувшись.

Через десять секунд боец пакет хватает и через дорогу вскачь летит. Минута у меня есть. По минимуму. А мне хватит, историки – народ стремительный. Найдём мамонта в вечной мерзлоте на глубине пяти метров под землей – сразу вывод делаем: мамонты вели подземный образ жизни, роя себе ходы бивнями. Все по плану, идем за блоки прямо по дороге. Бегом, Призрак, здесь шутить не будут. Только у меня всю жизнь все всерьез. И в Африке по нам из всего стреляли, и в Белизе вертолетами утюжили, пока мы их аэродром не сожгли, а уж как мне в Гималаях перепало, лучше на ночь не вспоминать. Ничего, пока жив. Добежал до дерева на обочине дороги, присел. Поглядел назад, а там двигатели режут, три «Урала» смену привезли. Все, никто обо мне никогда и не вспомнит. А выходить буду на севере, минные поля меня давно не пугают. Танго, господа. Все те же движения в танце и пары одни и те же, лишь мальчик глядит угрюмо, как в душную даль уходят триста его спартанцев, триста его надежд. Тряпочки для обтирки и всяческие излишки смешались в

свином корыте в обедочный парадиз, держи же меня за шкуру, живущий во мне мальчишка, держи же меня за шкуру, не дай мне сорваться вниз.

С северо-запада дымком пахло. Брошенный поселок. А что тут не брошенное на этих задворках мира? И там лагерь таких же нарушителей режима безопасности, каким только что стал я. Мне там предстоит ждать опытного человека с незамысловатым прозвищем Проводник. Должен прийти, если по дороге не погибнет.

Головой кручу во все стороны и под ноги поглядываю. Мины, змеи, проволока простая, петли из «егозы» высматриваю. Много человек придумал, чтобы братьям его жизнь медом не казалась. У автобуса разбитого в начале единственной улицы этого местечка часовой, ссутулившись, стоит. Обрез в руках баюкает. Неважно здесь с экипировкой, но народ настороже. Присел под кустик, ружье из чехла достал, зарядил и на плечо повесил. Чехол свернул, в рюкзак убрал. Водки последние три бутылки остались. Быстро разлетелась водочка. Не жалко, зато я за день уже на месте. Сажу под желтыми листьями акациями, на синей траве. Да уж, занесло в очередной раз. Пора знакомиться.

– Привет, – обращаюсь к человеку на посту.

Сам готов обратно в кусты прыгнуть: неизвестно, что он вчера пил, и что ему сейчас в голову взбредет. Когда шерпы услышали, что мы решили в Золотой храм идти через перевал Черной Смерти, они без разговоров за ножи схватились. Совершенно зря. Мы и одни прошли. Короче, при первом знакомстве надо быть готовым к неожиданностям – закон жизни такой.

– Чего надо? – довольно недружелюбно он интересуется.

– Должен здесь с Проводником встретиться, – отвечаю честно.

Мог бы и соврать, да зачем? Хорошая ложь дорого стоит, зачем ее бездарно тратить? Шагнул он молча в сторону, проходи, мол, не задерживайся. Я тоже не стал глупыми словами воздух сотрясать, обошел его и на запах травяного чая пошел вглубь поселка.

Вокруг костра четыре человека вольготно расположились. На поддонах разлеглись. С другого конца улицы тоже пост был.

– Ой, подивитесь, люди добрые, – запричитал один из лежавших, – кого к нам занесло! Чистенький, необмятый, с ружьем новым, человечек из-за речки. Сейчас он все артефакты соберет, нам ничего не оставит! Горе-то какое!

Скучно старожилам, развлечься решили. Поддержим. По закону сцены местный предводитель в таких постановках участия не принимает. Со стороны смотрит. Значит, один из пока молчащей тройки. С оружием у них не очень хорошо. Желтая куртка – обрез, зеленый костюм – укороченный «Калашников», брезентовый дождевик – пистолет с глушителем. Да уж. В штате Техас им бензоколонку не ограбить.

– Не волнуйтесь, – говорю, – не конкурент я вам. Не нужны мне артефакты. Хочу для истории собрать ваш фольклор. Легенды там всякие, байки.

– Этнограф к нам, сирым и убогим, пожаловал, короче, – усмехнулся гражданин с пистолетом. – Добро пожаловать, яйцеголовый!

– Вот, слушай сюда, я расскажу тебе главный секрет долгой жизни в Зоне, – зашептал громко мой первый собеседник.

Тоже, кстати, «Макаров» за поясом – умереть не встать. Мой «Винчестер» здесь пойдет за основной калибр.

– Давай, – соглашаюсь легко.

– Запомни: сталкеры, делающие по утрам зарядку, умирают в сто раз реже остальных, – сказал он и паузу сделал.

Мой ход.

– А почему? – удивился я, надеюсь, достоверно.

– А потому что их в сто раз меньше, чем тех, которые зарядку не делают! – развеселился шутник.

Не лишено смысла и юмора, однако. Посмеялся я со всеми, бутылочку из рюкзака достал, подал собеседнику.

– За наше здоровье, – предлагаю, – от чистого сердца. Мне тут неизвестно сколько Проводника ждать, подскажите, где лучше на ночлег расположиться.

– Забирайся в любой дом, какой понравится – все свободны, – ответил по существу сталкер с бесшумным пистолетом. – В подвалах все занято, шестеро нас. Чего в снаряжении не хватает – прикупи у Сидоровича. Цены, конечно, заоблачные, но лучше без денег остаться, чем без аптечки травму получить. Ты в Зоне, этнограф.

– Про что тебе рассказать, студент? – весельчак по свежим ушам хотел старую лапшу для украшения развесить. – О Черном Камне? О том, как кровосос с контролером поспорили, кого больше сталкеры боятся? Или о Дикой Охоте? Выбирай!

Я, кстати, на самом деле люблю разные истории слушать. Полезно бывает. Но не сейчас. Ничего не произошло, только часовой спину распрямил. Так бывает, когда ствол в пах упирается, знаю – приставлял.

– Разбегаемся! – вполголоса говорю, тихо, но убедительно.

И шмыгнул за забор. Я из неприятностей не выкручиваюсь – раньше ухажу. Они еще сюда идут, а меня уже здесь нет. Народ у костра медлительный подобрался, не послушались они моего совета, а через несколько секунд поздно стало. Два автоматчика в пятнистом камуфляже «Сумерки» к ним подошли. Еще один неудачника с поста привел. А вот и вторая пара – с противоположной стороны. Все в сборе, кроме меня.

– Ну, что у вас в рюкзачках, мясо радиоактивное? Быстро похвастались! – потребовал один из автоматчиков.

Перетрясли их нехитрый скарб моментально, с большим навыком. У автоматчика патроны забрали, точно, у них один калибр. Я видел, как людей убивали, чтобы воду сберечь, меня добротой человеческой удивить трудно. Тут еще как-то все по-детски. Песочница за колючей проволокой.

– Есть еще народ в поселке? – догадался один из налетчиков спросить.

Бывший караульный молча дернулся, типа вздрогнул, а старший группы сразу все понял.

– Уходим, – командует, – и если завтра артефактов не будет, у слепышей радость случится, пир праздничный из шести блюд.

Попятились они до трактора у забора, им прикрылись, и ушли совсем. Оставшийся без патронов владелец укороченного автомата выругался матерно.

– Где этот этнограф? Морду ему набить надо, не мог ясно сказать, в чем дело!

Ну, вот, всегда так. Уйду я от них, злые они. В кармане хрустнул паспорт. Все, бумажка, ты свое уже отслужила, выходить я буду в Белоруссии, стране свободной и безвизовой, лети, Эдичка, легкой пташечкой! Размахнулся документом и кинул его в чердачное окошко. Закрыта страница. Аста ла виста, бэби! И вдоль забора двинулся на запад, надо торговца в его подвале найти, сказать, что клиент Проводника уже на месте.

Офицер

Проснулся я от легкого удара по ноге. Сначала пистолет с предохранителя снял, а потом уже глаза открыл: пулю себе в висок можно и наощупь всадить. Мне сейчас в плен сдаваться нельзя. У меня три Армагеддона на законсервированной базе припрятаны. С ними в руках можно любые условия выдвигать. Не дурак – понимаю. Проще, конечно, прямо сейчас застрелиться, но давно живу – привык уже. Побарахтаюсь. Самоделкин рядом похрапывает, на улице ругань злобная, на севере рокот уже привычный. Хорошо, спокойно. Посмотрел на пол чердака, паспорт поднял. Кто-то выбросил. Эдик. Совсем еще пацан. У меня мой паспорт так и лежит в личном деле вместе с дипломом. Наверное, отдали бы на руки вместе с пенсионным удостоверением.

Прислушался, о чем на улице дискутируют. Быстро понял. Что-то у них тут случилось, пока мы с Витей отсыпались. И сейчас два варианта обсуждалось: уходить дальше в Зону или за забор возвращаться. Мнения разделились. Двое хотели на большую землю, двое на Свалку, еще один – на Агропром, а последний – этнографу морду набить. Чем его он так

расстроил – непонятно. Может, человек вообще ученых не любит.

Наконец, кончили они лаяться. Пятеро на дорогу пошли – будут за ограду выбираться. Один остался. Не стал я Самоделкина будить, чужой паспорт в боковой карман рюкзака прибрал. Пусть будет – запас карман не тянет. Он еще полгода годен по срокам. Если патруль задержит, лучше под чужой фамилией маленький срок отсидеть за нарушение режима Зоны отчуждения. Свои документы мы еще в Чернобыле спалили и пепел растерли. От старой жизни у меня немного осталось: часы «Командирские» на руке и жетоны армейские на цепочке. Без них я как голый, да и сдаваться живым нет у меня желания. А карточки номерные банковские уже из новой жизни, их с подполковником из РВСН ничего не связывает. Исчез он, как и не жил тридцать два года на белом свете.

– Эй, там, у костра. Резких движений не делай, спускаюсь, – предупреждаю.

На Витю покосился – спит крепко после приключений наших. Скажи кому, что мы вдвоем спецгруппу уничтожили, никто, на нас глядя, не поверит. А мы и не скажем. Лучше купим носки от «Версаче» и станем крутыми. Как яйца вареные. И путь наш по лезвию неба и бездна у наших ног, и путь, распахнутый в вечность, короче, чем твой плевок. Бриз Атлантики целовали руки, горящие на штурвале, под Антуаном синее море и облака, вдаль над плечом – не встречен, не найден, в небе летит пылающий лайтинг, краткий сигнал, короткий привет на всех языках.

– Кто такой? – меня местный старожил спрашивает. – Как звать?

– Зови меня Стрелком, – предлагаю, – и говори тише, на чердаке напарник спит. А он спросонья злой бывает. Свалили, значит, твои товарищи? Что делать будешь?

Высказался он о товарищах категорично. Выражение «снорки гнойные» меня заинтересовало. Попросил уточнить.

– Ага, прикалываешься, – обиделся собеседник. – Вот когда выскочит из травы прыжком на пять метров мутант в противогазе, вот тогда и посмотрим, какой ты шутник смелый. С оружием у тебя и напарника тоже неважно?

– У меня «Стечкин», у него «Калашников», патронов много, – отвечаю.

– Тогда прорвемся, – обрадовался абориген. – Тут такая хитрость есть: когда слепые псы группу в кольцо берут – главное не паниковать. Встали спиной к спине, и держим круговую оборону. Если три человека есть, то это у каждого сектор обстрела всего сто двадцать градусов – неожиданной атаки уже не будет. Такая компания легко до Свалки доберется, только там тоже бандитов полно – лучше сразу на Агропром уходить, на богатые россыпи.

Ничего я не понял, кроме наличия в этих краях мутантов, бандитов и Свалки с Агропромом. Но и это уже немало. Недавно и этого не знал.

– Значит, судьба нам вместе идти, – говорю. – Ты здешние места лучше знаешь, как рукой махнешь – выходим.

Задумался он:

– Полчаса на сборы, и отправляемся. Неизвестно, что наемникам еще в голову придет. Решат заработать, продадут в рабство Йоге, там, на восточной куче, никто до выброса не доживает, кроме надсмотрщиков. Как у вас с медикаментами? – спрашивает.

Тут Самоделкин вылез из берлоги, и началась суeta хозяйственная. На скорую руку перекусили на ходу и удалились по-английски, не прощаясь. Не с кем было.

– Первым делом надо железку пересечь. Три места есть: тоннель западный, сам пост, и восточнее разрыв есть в ограждении. На посту надо ручку позолотить солдатам. Как у нас с деньгами? – вопрос возник.

– Не бедствуем, – Самоделкин хмыкнул довольно.

Точно, полрюкзака дензнаков трех видов. Только американских денег нет. Да и не нужны они здесь – мы же не в Америке. У моста первый раз слепых псов увидел. Кошмарное зрелище: язвы от радиации, шкура клочьями, мертвые бельма вместо глаз. Их надо из жалости всех уничтожить.

– Что за дела, – у меня все вскипело, – тут одна дивизия и пара полков установок

залпового огня все за день в пыль сотрет. В чем проблема?

– В артефактах, – абориген отвечает. – Простенький «ломоть мяса» из любой захудалой больнички делает медицинский центр. А сколько их по планете? А артефакты пока только тут. Понял, дурилка картонная?

Кивнул я головой.

– Чего ты понял? – ехидничает.

– Самый могучий артефакт – банкнота банковская, – говорю.

И дальше к посту молча пошли.

Бродяга

А Сема Вентилятор, туз козырной, службу все-таки нес.

– «Свобода» к нам идет, за стволом своим, – докладывает.

– Откуда знаешь? – я удивляюсь.

– Слышу, в ворота уже вошли. А до этого в аномалию гайку кинули, хлопок был, – разъяснил он мне обстановочку.

Тут два бойца в проеме нарисовались во всей красе. Винтовку увидели, дернулись.

– СВД на дороге нашли или прикупили у рыжего дядьки с заячьей губой? Задешево? – поинтересовались небрежно.

– Точно, у него на дороге сменяли на последний презерватив, – скалюсь в ответ. – Был ему зачем-то срочно нужен. Наверное, нашел рыжий красавец кого поиметь.

– Пошутили, и хватит. Мы тебе за ловкость рук предъявлять претензии не можем, наш клан за свободу во всех ее проявлениях. Не поймали – значит, ты прав. Давай мы тебе в любом деле сегодня поможем, а ты нам за это винтовку вернешь. А то нам будет клизма из скипидара с патефонными иглками. Войди в положение, брат!

Когда со мной по-хорошему, то из меня можно веревки вить. Только это секрет. Махнул я рукой Серому: «Подходи, говорить будем».

– У Йоги на полигоне техники девять стволов с утра было, нас пятеро...

– Шестеро, – Сема, глаз не открывая, сказал.

– Семеро, – Паганель голос подал с лежанки.

– Я тут один тоже не останусь, ветер вон как страшно завывает, – последний бомжик по жизни определился. – С вами пойду.

– Восемь. Ну, сталкеры, бродяги Зоны! В клан никто не хочет? – боец «Свободы» удочку закинул.

– Еще выжить надо, пошли, пофлиртуем с костлявой девушкой. И снова танцы с кровью на снегу: вальс «Гемоглобин», – говорю.

– Где ты снег увидел? – Серый не понял.

– Зато крови будет много, – Паганель его утешил.

Собрались легко. Винтовку я сразу снайперу отдал. Для дела полезнее. Оружие должно быть в умелых руках. С ним Сема Вентилятор пошел и бич наш безымянный. Проводник с Паганелем должны были по плану в тыл к банде зайти.

А нашей ударной тройке надо было проходную на кладбище техники в лоб брать.

– Пошли. Наверняка Йога уже всех в лагерь вернул. Группа пропала – не шутка. Детекторы у них отключены были: они в засаде сидели – могут и на поиски пойти, – Проводник сказал.

И двинулась наша сборная команда в бой. *И ты был слаб, и ты был глуп, но все мосты сожжены, их не вернуть, они не смотрят назад, и ты встаешь, и на плечах твоих закаты весны как генеральские погоны лежат. Крутые дяди говорят: «Твои потуги смешны. Куда годна твоя дурацкая рать? Подумай сам – коснется дело настоящей войны – они же строя не сумеют держать!» Ты серый прах смахнешь с лица, ты улыбнешься легко. Ты скажешь: «Верно. Но имейте в виду: где ваши штатные герои не покинут окоп – мои ребята не сгибаясь пройдут».*

Подождали мы суеты в стане врага и начали короткими перебежками, прикрываясь кустами и складками местности, к будке у шлагбаума подбираться. Жаль, гранатами не покидаешься – пленных осколками посечь может. Выскочили на открытое место метров за двадцать до цели и замерли на мгновение. Сколько секунда длится? Если в эту секунду надо шагнуть под пули – долго секунда длится. В это время очереди с дальней стороны раздались. Проводник с Паганелем в бой вступили. Заорали мы кто что. Я – «Ура!», боец клана – «Свобода всем даром!», Серый – «В бога душу мать!». А в лагере уже вой стоит – народ бригадиров и холуев Йогиных в руки взял ласково. Тут все знали, что слово «милосердие» – дурацкое и в корне неверное. Каждый норовил от бывшего представителя элиты кусочек оторвать. Сначала что полегче на сувениры разобрали: уши там, губы с носами – потом пинать начали. Потом эти куски мяса в аномалию ближайшую покидали, склад вскрыли и начали праздновать. Через час у нас уже был готов свеженький покойник – двое между собой подрались.

– Когда Арата еще не имел горба, был строен как тополь и звался Арата Красивый, он прикончил адмирала пиратской эскадры и дал всем рабам волю. Закончилось все на редкость кровавым безобразием, – сказал мне снайпер «Свободы». – Винтовочку мы отработали, претензий нет? Тогда мы уходим. Будет здесь тоскливо – приходи к нам. Рекомендации в клан сразу дадим.

И свалили они в ночь, ребята тертые – не пропадут. А мы можем. В лагере всего шестеро бандитов было, трех перестрелял снайпер, двоих свалил Проводник, и последнего убил Паганель. Нашей тройке даже выстрелить не пришлось. А сам Йога с парочкой бойцов на поиски ушел. Если он сейчас вернется – ох, и лихо же будет. На полигоне человек сорок в разной степени упитости, кто уже в драбадан налился, а кто еще на подходе к этому заветному рубежу. Выстрел раздался.

– Серый, поможешь? – спрашиваю.

– Конечно. Пошли в Ангар. Мы этих тварей освободили, пусть ликуют. Надо в вертолете обыскать все тщательно и валить отсюда.

Интересный взгляд на проблему, подумал я. Может, так и надо? Не умеют жить нормально, так пусть и не живут? Перестрелять их к ядерной фене из соображений гигиены? В рамках очищения мира от скверны. Тут опять визг раздался. Снова сцепились.

Вылетел я в круг, там человек пять развлекаются.

– В одну шеренгу становись! – ору.

Зрители дернулись строиться, а драчунам мои крики параллельны. Ладно, сами напросились. Первому прикладом промеж лопаток врезал со всей дури. Хекнул он и лег пластом. Второму коленом в пах, третьему локтем в солнечное сплетение. А оставшаяся парочка ножи достает. Мне и стрелять не с руки, авторитету ущерб, и резать себя давать я не намерен, и автомат бросать – финку выдергивать, мне не дадут. И кончилось время раздумий. Кинулись они с двух сторон. Одному железом в переносицу успел выдать, у него мясо ключьями повисло, а к моему горлу лезвие неторопливо идет. Дергаю я шеей, лязгаю зубами и вцепляюсь в руку с ножом. Ствол мой так же неспешно вверх пошел. Через обе губы кровавая полоса неторопливо чиркнула, зацепила ноздрю, порвала ее, и кровь начала в первую каплю собираться. А потом неожиданно поток красный хлынул.

– Кто тут еще русский язык перестал понимать?! В одну шеренгу становись!

Стою один у костра, все остальные напротив. Во рту кровь плещется, сглатываю все время.

– Серый, Вентилятор, Паганель – ко мне!

Выскочили, рядом встали.

– Кто с оружием – три шага вперед!

Человек десять вышло. Правильно – шесть автоматов от бандитов осталось, наши пьяницы шатаются, наотмечались. Остальные с пистолетами, значит.

– Паганель, разбей их на две смены. Кто потрезвее – сразу на пост ставь, вторая смена до трех спит. Потом заступят в караул. Все, выполнять!

А кровь ручьем хлещет.
– Серый, посмотри, что там у меня? – говорю.
– У тебя здесь дырка, – поставил он диагноз и тампон из аптечки мне в рот засунул.
Поискал на траве рядом с поверженными драчунами, и подал мне белый кусочек.
– Твой клык, однако. Вывернул из десны. Палец ты ему откусил напрочь. На цепочку прикрепи, талисман будет. И звать мы тебя будем Клык.
Мне понравилось.
– Согласен, – говорю.
Так мой второй день в Зоне и закончился. Морпехи нигде последними не будут. Не так нас учили.

Глава 3

Стрелок

Мы к самому посту уже подошли, когда сержант задержался.
– Пан майор, посмотрите на них сами! – засомневался.
Майор на нас мельком глянул, улыбнулся ехидно.
– Эй, сталкер, какой формы требование заполняется в секретную библиотеку Генштаба? – спрашивает.
– Двадцать четыре – У – бис. Подписывается секретным отделом части, – отвечаю.
– Правильно. Проходи, не задерживайся. И кончайте строевым шагом ходить. Один из трех на сталкера похож, тоже мне – разведчики.
Наш абориген щекой недовольно дернул, но промолчал – ума хватило. Вот и здесь деньги негодились. Так прошли.
– Стемнеет скоро, ночью по Зоне лучше не ходить, – сказал сталкер, когда блокпост за спиной остался. – Сейчас домик будет хитрый. В развалинах место для костра есть, а рядом – на чердаке место для ночевки. Выброс там не пересидишь, но в обычное время место хорошее. Из мутантов только кровосос умеет по лесенкам приставным лазать, ну и бандитов опасаться стоит. Их всегда стеречься надо. Лезут на деньги шальные, как мухи на мед. Хуже чем на золотых приисках. Пока с Колымы золото вывезешь – месяц жизни потеряешь, а тут перешел периметр, и уже в Европе. Удобно, ничего не скажешь.
За разговором быстро дошли. В уголке уцелевших стен старое костыще чернело, бочка как всегда стояла – мода здесь такая.
– Здесь и заночуем, никакие наемники нас здесь не найдут. Завтра до Свалки дойдем, а там и до Агропрома рукой подать. А там возьмем куш знатный и разбогатеем!
Заржали мы с Витей одновременно.
– Ну-ка, расскажи нам, что ты будешь с деньгами делать? – спрашиваю его.
– Дом куплю на море! – говорит.
– Большой? – уточняю.
– Да! – радуется.
– Ну и будешь все время уборку в нем делать, за свои деньги приобретешь средний геморрой, – пожалел я простака. – А потом налоги придут на недвижимость, все накопления лет за пять исчезнут на платежи и ремонт, а когда продавать начнешь, выручишь обратно одну треть.
– Это почему? – удивляется.
– Ты там всем чужой на побережье теплом. Клиент сладкий, – уже я усмехаюсь.
Я таких историй много знаю. Уезжал народ к морям, привозили обратно в «цинках». Плавали, знаем. Можно, конечно, девочку окрутить, в семью войти, только слегка противно. Помню генерала Чурбанова, который женитьбой на царской дочке карьеру сделал. Нет, извините – не хочу.

– Жить надо тихо, скромно. Есть сладко, спать мягко...
– Желательно не одному! – уточнил радостно Самоделкин.
– И не с одной! – поддержал я.
– Тьфу, на вас, точно про военных говорят: как кирпич увидят – сразу о девках думают. Мы эту шутку тоже знали. Не спросили: «Почему?». Военные всегда о девках думают – это неписанный закон.

– Раз тебе наши шутки не интересны, давай сам рассказывай, – Самоделкин предлагает.
– Тоже мне, рассказчика нашли. Вам надо с Колей Бардом встретиться. Его даже наемники не трогают. Тогда и послушаете истории про Зону. Если доживете, – отговорился наш спутник.

– Неужели совсем ничего не знаешь? – поддел его Витя.
– Нам достался самый глупый абориген, – поддержал я, – умные все за периметр ушли.
– Ладно. Расскажу я вам о Духе Зоны – Черном Сталкере. Слушайте. Жил да был в Зоне сталкер, роста среднего и фарта умеренного человек. Ходил он с простым автоматом российским и одет был всегда в черный плащ. Но если кто-то попадал в беду, всегда тот сталкер спешил на помощь. Однажды, в самом центре Зоны, в Мертвом городе, напали на ученых наемники...

Их было шестьсот тысяч. Здесь, рядом, в Киеве и его укрепленных районах. Танки Гудериана резко повернули на юг и стальной лавиной прошли по тылам фронта. Горели склады, наматывали на гусеницы госпиталя и прачечные, давили грузовики на дорогах. И закричали в панике крысы тыловые, и кинулись бежать. А фронт остался без топлива и боеприпасов. И попал в плен весь. И великий вождь сказал историческую фразу: «У Красной Армии нет пленных. Это предатели». И отказался платить деньги на их содержание в плену. К весне в живых осталось тысяч тридцать. Зима была лютая. Почему я никогда не слышал о Черном Солдате? С ушками на морозе прихваченными, на ощупь ломкими, на цвет черными и черепом обтянутым блеклой кожей? Никто не забыт, ничто не забыто. А потом был Харьков.

Что там у нас происходит?

... – И тогда наемники закричали ему: «Сдавайся!». Они уже знали, что у него патроны кончились. Зашли в подвал смело, ничего не боясь, а сталкер в это время две бочки с бензином рядом поставил. Стоит, ждет гостей. Залетели они всей толпой и замерли. А он им и говорит: «Всегда знал, что курить вредно, вот – бросаю!». И кинул горящую сигарету прямо в бочку с горючкой. Ученые увидели, как огненный столб из подвала вскинулся до самых туч, и кинулись бежать к своему лагерю, пока новая команда наемников за ними не погналась. Так погиб тот сталкер, но если где-то хороший человек попадает в беду, к нему может прийти на помощь одиночка в черном плаще с простым автоматом...

Значит, для нас с Самоделкиным этот парень бесполезен. Мы с ним дезертиры и беглые носители государственных секретов. Вряд ли кто-то нас зачислит в «хорошие люди». Витя со сталкером на вечные темы перешли: кто и что в жизни пил; дождик по крыше стучит, четвертый реактор вдали громыкает – энергия на волю рвется, замечательно все. Не думал я, что тут у соседей все так запущено. Правда и у нас на Урале есть комбинат «Маяк» и мертвая зона в десять раз больше этой. Только там никого не выселяли. Лет за десять все деревеньки вымерли потихоньку, жителей похоронили, дома снесли, и все. А миллионы кубометров радиоактивной жижи ждут своего часа в отстойниках. Речка Теча, не слышал? Какие твои годы, услышишь... Глаза сами закрылись, и проснулся я в полной темноте от звука шагов. Кто-то шел по нашей крыше.

Витин храп за дождем был совершенно не слышен. Я пистолет с предохранителя уже привычно снял, с бока на спину перевернулся. Браво, парень, ты становишься волком! За стеной доски стукнули глухо, а через полминуты гость ночной свечку зажег.

Нашел я щель и начал за ним подглядывать. Плащ свой мокрый он, конечно, снял, но на этом сеанс стриптиза закончился. Это меня не расстроило, мы, офицеры-ракетчики, – натуралы. Положил он его на ящик, автомат сверху пристроил и стал быстро собираться.

За стеной еще целая комнатка была, да попасть в нее можно было только с крыши. Вон в тот пролом он спрыгнул, понятно.

Набил он цилиндрическими контейнерами, спрятанными в разных углах, рюкзак, натянул на себя сухой дождевик, в карман пистолет сунул, «Вальтер», кажется, сказал фразу непонятную, и вниз спрыгнул. Как под дождь шагнул, еще фразу сказал, до боли родную и привычную, и исчез во мраке. Я на правый бок привычно лег, и сразу уснул.

Утром первый Самоделкин глаза продрал, и грациозно, как слон в посудной лавке, стал вниз по приставной лесенке спускаться. Не упал, но разбудил всех.

– Эй, родной, – говорю, – мы уже давно вместе, может, назовешься?

– Выдра меня зовут, – наш сталкер нам доверие оказал, представился.

– Что означают слова: «Фиолетова потьмуха для вылета?», – спрашиваю.

– Хороша ночь для побега, – перевел мне речь ночного гостя Выдра и сам начал спускаться.

Ну и ладно, а я через окошко чердачное на крышу полезу. В веточках перекрученных туман клочьями висит. Солнышко лучиками через тучки пробивается. Лепота. Вот эти доски внизу ночью брякнули. На руках упор сделал и тихо опустился.

Вот и мое наследство от ушедшего бродяги. Удачи тебе, мой неведомый брат. Мне она тоже пригодится. Счастья нам всем. Кроме автомата и плаща, здесь еще небольшой продовольственный склад оказался. Сухари и консервы. Выгреб все, чтоб больше не лазать по древнему шиферу, и вниз спрыгнул. Плащ надел, пусть на мне сохнет, автомат на плечо, и сразу себя увереннее почувствовал.

– Ну, – говорю, – кому здесь помощь нужна? Я уже здесь.

Выдра из-за угла выглянул и рот раскрыл. Самоделкина мне провести не удалось.

– Хороший плащик, реглан офицерский старой советской формы. Сносу век не будет. Где взял? – спрашивает.

– Люди хорошие подарили, – отвечаю. – Сами обратно на большую землю пошли, а лишнее там имущество оставили. Вашу долю продуктами выдали.

Выложил на наш ящик обеденный добычу.

– Перекусим, и в путь.

– Когда Зона показывает тебе зубы, главное не перепутать улыбку с оскалом, – сказал, вздохнув, Выдра. – А с Бардом тебе надо непременно повидаться.

– По обстоятельствам – говорю, – как карта ляжет. Прятаться не буду.

И приступили мы к завтраку.

Бродяга

Ничего хорошего в этом разбитом вертолете не было. Железо все тепло из тела вытягивало, несмотря на доски и матрас ватный. Не буду здесь больше ночевать. Вылез к костру, кружку с чаем у Паганеля взял, вокруг оглянулся.

– Двоих ты наглухо положил, – приступил он к отчету. – Итого за ночь пятеро «двухсотых». Трое подранков, один твой, а все остальные здесь сидят. Голодные. Вчера все припасы сожрали, а торговец с продуктами только пятнадцатого прилетит. У них два раза в месяц транспорт приходит. Первого и пятнадцатого, соответственно.

Огляделся я внимательно. Единого братства бывших рабов Йоги не наблюдалось.

Отдельной кучкой сидели счастливые и ловкие обладатели оружия. Девять человек – четыре автомата, два обреза, три пистолета. Вторая группа – испытанные бойцы и их старые знакомые.

Серый и Проводник, Паганель и Бомжик и те двое, которые вместе с нами в переплет попали.

– Их уже зовут как-то? – Паганеля спрашиваю.

– Доходяга и Кенгуру, – отвечает.

Заулыбался я.

- Доходяга – понятно, сам его тащил, а Кенгуру почему? – интересно мне стало.
- Сейчас поймешь. Эй, Кенгуру, принеси досок для костра!
- Ага, прямо метнулся прыжками! – возмутился зверь заморский.

У нашего костра все развеселились. А остальные нет. У бронетранспортера раненые расположились: один на земле лежал, двое рядом сидели. Рука перевязана - вчера я ее прокусил; и у последнего нога под бинтом. Остальные еще на три группы разбились, по интересам. Меньше всех – человек шесть, у шлагбаума стояли.

– Опытные поисковики. Давно бы сбежали, да здесь без ствола, даже самого завалящего, на свободе делать нечего, – пояснил ситуацию Проводник. – Раньше им Йога охрану давал и пайку двойную, а что им сегодня делать – непонятно.

– Серый, без тебя нам не выкрутиться, – говорю. – Поможешь? За морской пехотой не пропадет, рассчитаемся.

Тот головой кивнул, согласен.

– Все сюда! – кричу.

Подтянулись. Я из кармана пистолет достаю, обрез снимаю с патронташем. Проводник и Сема тоже по пистолету пожертвовали на общее дело, на шестерых уже четыре ствола есть.

– До ангара дойдете, там перевооружитесь. Берите обрезы, к ним патронов много, вещь практичная и безотказная, – советую. – Кто хочет за периметр выйти, становись направо! – командую.

Все на месте остались.

– Чего мы там за забором не видели? Стеклоочистителя, что ли? Тут хоть водка не паленая, – голоса из толпы раздались. – Что с пайкой решать будем?

– Будем пояса потуже затягивать, двое суток можно и на пустой баланде с чаем продержаться! – беру народ на голос.

Серый меня сзади толкнул, я шаг в сторону сделал.

– У Йоги, понятно, еще склад есть, только мы его искать не будем. Их там трое засело, и терять им нечего. А вот лагерь обыскать хорошенько – дело другое. Все найденное – в общий котел. Сейчас все оружие соберем, изношенное и без патронов, и на Кордоне у Сидоровича на еду поменяем. Выкрутимся!

Толково, подумал я. Хороших людей всегда больше, чем дряни. Просто дрянь заметить легче. Закипела жизнь на кладбище техники. Нашлось и оружие и продуктов немного. Мой короткоствольный автомат тоже нашли. Совсем из головы вон. Через час из ангара металлолом оружейный притащили и упаковали к переноске.

Решили идти впятером. Проводник, я, два опытных сборщика и один здоровяк из блатных.

– Пока вы до торговца дойдете, там продадите-купите, обратно вернетесь, я тут с голода умру, – объяснил он свое рвение. – А уж одну дорогу туда я натошак переживу. Зато на Кордоне сразу наемся.

– А зовут тебя как? – спросил Проводник.

– Только кто засмеется – сразу получит в морду, – предупредил блатной. – Гаргантюа. Сразу говорю – слово заграничное, незнакомое. Перевода никто не знает. Сколько я из-за него страданий вынес – никто не представит. Весь второй курс мореходки дрался, пока не посадили. И менять я его не намерен.

Упрямых ребят вообще уважают, а когда человек бьется за свое законное право – вдвойне. Знакома мне была эта парочка из французской классики – Гаргантюа и Пантагрюэль. Два весельчака, обжоры и пропойцы. Не стал нашему спутнику этого говорить – нас уже дорога звала. Собачки по кустам завывали.

– Может, пристрелить удастся? – поинтересовался я у Проводника.

– Слепышей и снарков есть нельзя – насквозь мясо радиоактивное. На Кордоне попробуем кабана завалить. Лучше молоденькую свинку добыть, не тяжелее центнера. У нее мясо нежнее, – посоветовал старожил Зоны.

Представил я себе кабана матерого, в два раза тяжелее «свинки нежной», и чем-то мне эта картина не понравилась. Сразу захотелось ДШК в руки вместо автомата. Зато первый раз за четыре года я был трезв и перед глазами не расплывалось черное пятно на асфальте. Прошное понемногу отпускало меня.

В лагере за руководителя Паганель остался с Бомжиком, Доходягой и Кенгуру в качестве группы поддержки. Промысловики сразу в ангаре у Серого решили остаться. Парни с оружием тоже на вольные хлеба двинули – развалины в чистом поле решили занять. За оградой осталось десятка два бывших рабов и подранки. А кроме продуктов у нас еще и медикаментов не было: две аптечки и пяток бинтов на всех.

– Раньше сядешь – раньше выйдешь! – жизнерадостно выкрикнул Гаргантюа.

Этим мне блатные нравятся: не положено им унывать. Могут даже с пером в боку напоследок пошутить.

– В колонну по одному, становись! Проводник, определяй дистанцию!

– Интервал – пять метров. Пошли, – команда тихо прозвучала. – И орать кончайте. Она лишнего шума не любит.

Нет, в этом мире все потихоньку с ума сходят. «Она». Нет, не так. «ОНА!» Ладно, сейчас глянем на свинок нежных и собачек-мутантов. Пусть и они с Ней на морскую пехоту посмотрят. В нас не бушлаты главное, а характер бойцовский. И он всегда с нами. Его не пропьешь. И шагнул я за шлагбаум, как с катера в ледяную воду прыгнул – сразу по грудь.

Метров через двести первый раз мутанты из кустов показались.

– Не стрелять! – Проводник распорядился. – Подпускаем ближе и бьем в упор.

Сразу мандраж стих, да и собаки слепые утихли.

– Они настроение чувят. Если ты их не боишься, в себе уверен, то они еще подумают: нападать или нет. Те еще твари, – сталкер пояснил.

А вскоре мы и до КПП добрались.

Аспирант

Я до торговца так и не добрался – наемники недалеко ушли. Уселись в кустах и стали добычу поджидать. Можно было попробовать их перерезать, но мы, историки, – народ тихий и незлобивый. Если бы те монахи из монастыря Черного Будды за нами не погнались, могли бы еще долго жить. Да и все остальные тоже.

Вернулся я в поселок, а там уже и нет никого. Все ушли или попрятались. Присмотрел уютный подвальчик и забился туда на ночлег. Лежу, дремлю вполглаза, думаю думаю. У людей все всегда нормально: если поймают девочку – то принцессу, как положено, а у меня – какая-то герцогиня. А неприятностей, наверное, будет, как от дочки профессора. Это моя постоянная трагедия. У каждого научного руководителя всегда была дочка. Карма такая, значит. Тут я, наконец, уснул.

Утром глаза сами открылись. Прислушался внимательно. В комнату поднялся, огляделся по сторонам: тихо кругом. Можно и деловые визиты наносить. Пойду к торговцу, как его, Сидоровичу... Так, в этих кустах вчера парни в камуфляже сидели. Вот и баночка из-под напитка вместо пепельницы. Оба лежали, курили по очереди. В рюкзаке у меня две коробки с «ежами». Четыре стальных лезвия в разные стороны растопырились – как ни бросай, одно всегда будет вверх торчать. Цвет – «мокрый асфальт», для дорог они предназначены и шин автомобильных, но и здесь, за отсутствием мин и гранат, пригодятся.

Высыпал десяточек на каждую лежку – держите, ребятки, гостинчики от поклонников. Не жалко. На вторую засаду не стал железо тратить. Вероятность того, что они одновременно станут позиции занимать, стремится к нулю. Слишком хорошо, чтобы быть правдой, как говорят лирики. Не факт, что они вообще сегодня придут, но подстраховаться надо. Сейчас можно и в гости пожаловать.

Я о Сидоровиче ничего не знаю. Семья их здесь живет от начала времен, пережили все три раздела Польши, все власти: и панскую, и советскую, и немецкую. Сейчас, чтоб под

родимым украинским гнетом не изнывать, бизнес в Зону перенесли. Эти куркули никому за всю свою жизнь ни копейки налогов не заплатили. Так и живут, олигархи.

Тоже, кстати, загадка Зоны. Есть у человека денег уже на всю оставшуюся жизнь, а он дело свое рискованное не бросает. Почему? Дай ответ? «А мне это в кайф» – сказал мой собственный внутренний голос. Улыбнулся я и на бетонные ступеньки встал ногой дерзкой.

Строили тут на века. Глядя на стены, понимал я, что толщина здесь метровая. Линия Маннергейма и Сталина в одном подвале. Тут и поверишь, что один из Сидоровичей большим начальником был на стройке, а потом и на самой станции. Только как он взрыв-то допустил? Если правда, что о нем говорят, то должен был раньше спохватиться, пресечь.

– Дядька мой в те дни, как раз перед майскими праздниками, в больничку с язвой слег, на операцию. А больше директора никто остановить не смог, уж очень ему звездочку «Героя Труда» на грудь хотелось, – сказал сидевший за стойкой пан в жилетке меховой, и зубами в ножку куриную впился.

Я дар речи потерял. Не часто со мной это происходит. Посмотрел он на меня и улыбнулся:

– Не люблю я вареники. К мясу приучен с детства, – говорит.

А у меня как раз в голове мысль бьется, как у кузнеца Вакулы с молотом: не надо тому черта искать, у кого он за плечами!

– А что ты там в кустах делал? – спрашивает, на экран глядя.

Понятно, тут все в камерах и датчиках слежения. А из коридора одним нажатием кнопки можно непреодолимую ловушку сделать. А запасной выход здесь точно не один.

– И даже не два, – веселится торговец. – Первый подвал здесь сто лет назад выкопали, когда фронт австрийский стал приближаться. Так целый век и рыли. Успокойся, мысли я у тебя не читаю. Просто они у тебя на лбу проявляются.

Рука сама к голове дернулась. Вместе дружно засмеялись. За спиной дверь бронированная лязгнула.

– Так спокойнее будет, – уже серьезно Сидорович сказал. – Молодые вы, самыми умными людьми себя считаете. А сами насквозь прозрачные и наивные. Ты хоть бойцом себя не мнишь – уже хорошо. Догадался спрятаться от наемников. Растяжку им поставил?

– Вчера с самолета – на него оружие не пронесешь; уже в Киеве вооружался, ничего серьезного не предлагали, да я и не просил особенно, – говорю.

Достал из рюкзака «ежика», показал торговцу.

– Какой только гадости люди не придумают, лишь бы ближнему своему...

– Помочь удалиться! – за него закончил.

– ...напакостить. Проводник еще не пришел. Общий канал опять барахлит: со Свалкой и Агропромом совсем связи нет, – продолжил Сидорович. – Посиди пока в поселке или у меня в подвале. Неудачный сезон: одни бандиты в Зону лезут, сталкеров нет, хабара тоже. Если на артефакт заказ возьмешь, патроны и медикаменты авансом дам.

Не хотелось мне себя обязательствами связывать, но и в поселок уходить из этого уютного и надежного бункера не хотелось.

– Давай так, – выдвигаю встречное предложение, – ты мне говоришь, что надо принести, а я по мере возможностей пытаюсь заявку выполнить. А с тебя лекция по технике безопасности в Зоне. Повышай мои шансы на возвращение.

Догрыз Сидорович куриную ногу и начал свою речь. В карте я быстро разобрался – дело привычное. А вот такой концентрации банд и вооруженных группировок мне с Белиза не попадалось. Там тоже в каждой деревеньке своя плантация наркотиков, завод по переработке листьев коки в порошок счастья и родная банда, она же отряд самообороны. Легко, значит, не будет.

Западные болота, где сидело какое-то «Небо», светлое или высокое – мне без разницы, мы сразу из сферы интересов исключили. Там нормальному человеку делать нечего. Пусть по кочкам ученые с лягушками прыгают. А дорогу на север мы внимательно проработали. Больше всего меня «Монолит» беспокоил. Самая крупная и богатая группировка, а

информации по ней, тем более достоверной, не было.

Под разговор наш мне был вручен ПДА. С ним я тоже быстро разобрался – не сложнее «навигатора». Только особо одаренные ребята с насквозь проспиртованными мозгами могут о нем долго думать. Есть приборчик, и ладно.

– Наемники могут в любом месте появиться, – сказал мне торговец. – Но не это делает их организацию сильной. Их ударная сила – замаскированные под обычных людей убийцы. Ты можешь человека полгода знать, и не догадываться о его двойном дне.

Да, от выстрела в спину в упор защиты нет. Только полное одиночество. Никого рядом. *За упругими стенами холод, ужас и мрак, а где-то тепло. Но это не то, прости меня, брат, если я виноват, что тебе нелегко. Мне уже до звезды – кто здесь есть кто, кто здесь есть... Кем я проклят и кем вознесен: я проклят святошами, я обречен. Я обречен на жизнь. Тянул руки вверх, услышал «держись», вцепился зубами в тухлявый карниз. Я поверил ему, даже падая вниз. А где-то тепло.* Значит, к танку пойду один.

– Значит, наводил обо мне справки, – вздохнул Сидорович. – Ну, я о тебе тоже народ поспрашивал. Бедуин думает, что ты на французов решил поработать, на военную разведку, на Второе бюро. Только он ошибается. Не приказ тебя сюда привел. Полжизни в этом подвале сижу, кого только не видел, особенно за последние четыре года, после Катастрофы. Жуткое было время: первые два дня вообще думал, что один на Земле в живых остался. Потом магнитная буря после выброса улеглась, связь появилась. Не поверишь, какая-то тварь сиськи подтянула, так об этом больше говорили, чем о нас. «Незначительная техногенная катастрофа в Чернобыльской зоне отчуждения». Тут мертвые толпами встали, первые зомби пошли, в простые аномалии, которые сейчас новички легко обходят, люди группами влетали. Эх, все у нас незначительное: и жизнь, и смерть. А я все живу здесь, в родовом подземелье Сидоровичей. У меня одна из каморок советскими деньгами до потолка набита. На растопку иногда возьмешь пачку-другую. Это блоки бетонные и трубы стальные, движки и траки гусеничные, проводка медная и кровь человеческая старых времен. Сижу и смотрю: что новые дни с собой принесут? Значит, тебя люди Призраком кличут? Есть у нас уже в Зоне один – будут вас путать. Ну, и ладно, какое-никакое, а веселье. Смотри, это контейнер для артефактов. А это перчатки. Сверху кожа, внутри сетка посеребренная, к телу шелковая подкладка. Никак не могу понять, ты-то сюда зачем явился? Молодой, богатый, знаменитый, картины в Италии нашел, тут о тебе такое написано, – постучал торговец по компьютеру, – в пору памятник на родине героя ставить, а, Лёнечка?

Быстро он меня нашел. У него зацепка была – наша шумная поездка по Африке. Ну и пусть, мне своих дел стесняться нечего. Сэр Френсис Дрейк и Генри Морган и не такое себе позволяли, а адмирал Нельсон под Трафальгаром вообще на приказ короля наплевал. Улыбнулся я мило и бутылку водки на прилавок поставил.

– Найдется в хозяйстве пара не очень грязных стаканов? – говорю.

Сидорович усмехнулся, в сейфе пошарил и вытащил на свет божий два бокала цветного венецианского стекла, века так пятнадцатого, ценой каждый в сто пятьдесят тысяч европейских денег. Это я как специалист заявляю. Их во всем мире не больше тысячи, а парных и того меньше.

– Выпьем за твою удачу, она тебе понадобится, – разлил по бокалам старинным виски из того же сейфа.

Двадцать четыре года выдержки, коллекционный самогон. Тоже не из дешевых. Я бы, честно говоря, коньяк предпочел, по примеру лорда Черчилля, герцога Мальборо, но за его отсутствием можно и виски выпить. Чокнулись, замахнули. По жилам горячая волна пробежала. Не зря из Вены уехал – где там найдешь Сидоровича?

– Ты на британцев работаешь, – сказал торговец.

У меня только брови вверх взметнулись.

– Не гримасничай, вот она – статистика. После всех твоих экспедиций в регионах усиливалось влияние англичан.

– Только это секрет, – говорю.

– Уже нет, – отвечает. – Вот официальный сайт назначений и награждений. Леонид Константинов утвержден Ее Величеством в титуле барона Глостер, по представлению герцога Йоркского. Еще вчера, кстати. А ты тут сидишь, врешь через слово, – вздохнул мой собеседник.

– От невесты прячусь, – раскололся я. – Рано мне семью заводить – не все сокровища мира нашел и не все раритеты собрал. Хочу Зону насквозь пройти, через Белоруссию в Прибалтику уйду.

Ошарашил Сидоровича. У него даже челюсть отвисла.

– В Зону пришел, чтоб след замести! – и много чего добавил про меня, девок и мозга человеческого.

Махнули по второму бокалу. Совсем хорошо стало. Распахнул торговец дверь решетчатую из прута стального.

– Заходи, барон, обмоем титул. Ну, чтоб не последний!

Не замедлили. Полдень, джентльмены пьют и закусывают.

– Всякие люди ко мне заходили, и зайдет еще немало, но ты, похоже, в толпе не затеряешься, Лёня, – захмелел слегка Сидорович.

Разлил остатки и вторую бутылку достал.

– Знаю и Дракона, и с Черным Сталкером приятельствовал, а настоящий британский барон у меня первый раз в гостях. Спросить чего хочешь? Спрашивай, смогу – отвечу.

– Расскажи о Черном Сталкере, – говорю.

Чего бы и не послушать поучительную историю под виски выдержанный? Под него во все легче верится. В хорошей империи нет новостей. Дайте северным варварам водки в постель, и никто в целом мире не будет желать перемен.

– Ну, слушай. Пришли в Зону два приятеля. У младшего имя было – Иван, поэтому старшего прозвали Серым Волком. Знаешь, как в сказке старой.

– Иван-царевич и Серый Волк, – вспомнил я детство.

– Точно. И занесла их судьба нелегкая в Мертвый город, в Припять. И зажали их на открытом месте слепые псы. А Серый Волк зажат в кольцо собак, и рвется, оставляя клочья шкуры на снегу, кричит: «Держись, Царевич, им меня не взять, держись, Иван, я отобьюсь и прибегу, нас будет ждать «Рогар» на рейде и янтарный пирс Валгаллы, светел и непобедим, но только через танец на снегу, багровый вальс «Гемоглобин». Только понял сталкер – не выкрутиться ему. И когда ему ноги прокусили, успел он шашку термитную достать. Ничего там кроме пепла не осталось. А Царевич за периметр поначалу ушел. Но, только возвращаясь раз домой, засунувши в компостер разовый билет, он оглянулся, и увидел – серый волк несется за троллейбусом, а значит, он в строю, его ведет кровавый вальс веселою тропой, как прежде, след в след. И вернулся. И когда хороший человек в беду попадает, иногда ему на помощь приходит сталкер в черном кожаном плаще с простым автоматом.

«Мне этот парень не пригодится» – подумал я. Никогда не стану наобум куда-то лезть. У меня впереди долгая и счастливая жизнь. Сейчас золотой нагрудный знак добуду, от титула откажусь вежливо, и буду самым довольным собой и миром человеком на Земле.

А тут наемники наконец явились.

– Так, подключаем дополнительную камеру, – щелкнул Сидорович клавишей.

На экране появились две фигуры, крадущиеся в засаду. Один решил осмотреться и на колено опустился. Второй устал сильно за переход тяжелый и сразу плашмя лег. Это он погорячился, право. Забился в корчах, как рыба на песке, и еще пару ежей собрал. Напарник его сплюховал. К раненному товарищу кинулся. А экипирован был неважно. На ногах черт знает что, а надо армейские ботинки обувать. С титановой пластинкой в подошве. Сразу колючку стальную в ступню себе засадил. Вой, мат, соседняя двойка круговую оборону занимает, врага ищет.

– Что у вас там? – кричат.

«Два дегенерата, считающие себя бойцами» – ответил я им про себя.

Наемник резким движением «ежика» из ноги выдрал. Зря он так поступил. На каждом шипе насечки сделаны. Когда его обратно выдергиваешь, он дырку раза в два увеличивает. А крови течет раз в пять больше. Сразу раненный сложился. Зато затих. Один за двоих разорется, кроет их по матушке богородице, зачавшей непорочно.

– Вы, – кричит, – твари поганые! Выберусь, не жить вам! Лично глаза чайной ложкой буду выковыривать!

Переглянулись бойцы между собой и стали к неудачникам кругами приближаться. Тут бабка-гадалка не нужна. Кончатъ они их будут – некогда им с ранеными возиться, да и не к чему. Я, тоже не торопясь, с места встаю.

– Они не услышат, если мы дверь откроем? – спрашиваю.

– Нет. Но если ты будешь стрелять, надо за порог выйти. У меня нейтральная территория. Традиция такая, – пояснил Сидорович.

И под столом рукой шевельнул. Дверь тихо в сторону скользнула. И я по ступеням вверх метнулся, три пролета и два поворота надо успеть проскочить, пока не началось.

Наемники не стали зря патроны жечь. Поставили «Калашниковы» на одиночную стрельбу, и в упор подранков добили. А тут и я у них за спинами нарисовался. Слов тратить не стал, вначале было слово, потом меч, теперь – пуля. Или заряд картечи, как в моем случае. На курок нажимаю – «Винчестер» из рук рвется, затвор лязгает, гильзы вправо летят. Шесть раз выстрелил – учили меня знающие люди обойму до конца не жечь, резерв оставлять. Два выстрела в запасе. Автомат с земли подбираю, магазин отстегиваю, из ствола патрон затвором выщелкнул. Перезарядил ствол трофейный, ставлю стрельбу очередями. Вот сейчас можно и ружье за спину убрать. Приступаем к сбору трофеев. Что мне тут сегодня перепало?

Не стал долго возиться, достал нож и все лямки с ремнями вульгарно перерезал. Подкладку и внутренние карманы прощупал, два паспорта и одни водительские права достал. Рюкзаки и разгрузки в руки сгреб, автоматы за спину забросил, и обратно в подвал метнулся.

– Неплохо для новичка, – ухмыльнулся Сидорович. – Вот так и понимаешь, какие приоритеты в жизни настоящие, а какие нет.

И налил мне бокал на треть. Хлопнул я его залпом и вывалил все добро на прилавок. Стали мы в добыче разбираться. Первым делом я все оружие разрядил: и автоматы, и пистолеты. Выбрал себе самый ухоженный ствол, на нем и оптика стояла. Всего лишь двукратный прицел, но на безрыбье и колбаса – мясо. Сгреб все патроны и магазины – это мне. Две гранаты тоже пригодятся, остальное добро мне ни к чему. Придвинул к торговцу. Тот сидит довольный, контейнеры потрошит, артефакты рассматривает. Десятка полтора их на поясах и в рюкзаках оказалось.

– Тебе вот эти три стоит оставить, – рекомендует. – Это «бенгальский огонь», видишь, как сверкает. На треть выносливость организма увеличивает. Но уменьшает сопротивление к электрическим разрядам. Наткнешься на простой оголенный провод, тут и наступит конец летальный. Поэтому, в пару к нему надо на поясе закрепить «батарейку». Она от электричества – лучшая защита. И лечебный артефакт – «ломоть мяса» – всегда пригодится. Только его надо использовать в тихом, спокойном месте, а перед выходом на улицу с пояса снимать и убирать в рюкзак. Очень много у него неприятных побочных свойств. Зато с ним аптек можно в два раза меньше с собой носить. А в походе и иголка тяжела. Вот так.

И выкладывает на стол из сейфа деньги пачками. Довольно много, кстати.

– Был бы ты ловец удачи, мог бы сразу домой возвращаться. Или здесь остаться – Кордон под себя подгрести. Тут основные деньги не на новичках делаются, что с них взять? Выход безопасный и вынос хабара из Зоны – вот бизнес пограничный. Если столбик стоит с проволокой на этой земле, значит, он не одного человека кормит.

Загрыз я кусочек ветчины, артефакты в карманы пояса убрал. Все – встал на путь превращения в сверхчеловека. Некоторым для этого пакета кокаина хватает, только дорога к вершинам у них коротка. Вынослив, значит, стал невероятно. Посмотрим по ходу жизни.

– Оставайся, тут иногда такие дела закручиваются, что даже для нас с тобой куш приятен будет. Если у человека есть личный самолет, то ему хочется и яхту. Девочек на ней покатай. А, барон? – Сидорович меня вскользь прошупывает.

– Мне, – говорю, – предлагали живым богом работать. Отказался – не мое. А добычу отбирать на переходе – низко это, даже если и очень выгодно.

Прибрал деньги, с оружием и боеприпасами разобрался.

– Что же, – спрашиваю, – здесь четыре года назад случилось?

– Кто знает – не скажет, а придумать все что угодно можно, – вздохнул торговец. – Нашли дети спички, решили поиграть, тут городу и конец. От копеечной свечки Москва сгорела, да. А у местных ребят под руками была небольшая атомная станция. Они получили результат эксперимента, а мы – Зону. И пусть нас хранит Черный Сталкер от третьего взрыва.

Да, так оно обычно и бывает. Напишет где-то в Европе бородатый дядя работу по экономике, прочитают ее у нас, и ходим потом по колено в крови сто лет. С такими научными традициями от физики стоило подальше держаться.

– Кто из ученых на станции и в окрестностях выжил, те и силу обрели. Подмяли под себя остатки охраны, последние мозги им припудрили окончательно, бойцы их легко в огонь пойдут, если приказ будет, и тут-то все и закрутилось. Никого к ЧАЭС не пускают. А люди все равно проходят. За удачную ходку можно на всю оставшуюся жизнь заработать. Кто же из братьев-славян рискнуть откажется? Это же наша национальная идея – лежи на печи да жуй калачи! А сдохнешь – тоже неплохо. Все равно – каждый день на работу ходить не надо.

Представил я себя на работе, преподавателем в университете, и содрогнулся. Да, лучше ужасный конец, чем ужас без конца. Кивнул согласно и бокал пододвинул: «Наливай!»

Клык

От КПП плотной группой двинулись. Случись автоматчик в засаде – один бы всех положил. Только псы слепые не дали бы ему долго под кустом сидеть, поэтому людей мы не опасались, а от мутантов толпой отбиваться легче. Зверье это тоже понимало и в безнадежные атаки не кидалось.

Дошли до мест, мне знакомых. Вон у тех ферм я в себя приходил. Вот такие повороты судьбы – все, кто недавно там над бродягами измывался, уже сдохли, а мы еще живы.

– На склоне аномалия, – предупреждаю громко.

Проводник на меня посмотрел внимательно, кивнул.

– И на дороге тоже, поэтому мы туда не пойдем. Вперед вдоль дороги все смотрим. Разрушенный мост все видят? – спросил наш руководитель похода.

Не скажи он, что там мост был, не сразу бы и догадался. Железо перекрученное и плиты с трубами в дикой мешанине.

– У военных там пост стационарный. Шесть человек. Пройти можно, но за деньги. Пятьсот монет с носа. Давайте в дом от лишних глаз уйдем, незачем на виду стоять, если есть куда спрятаться.

И точно – с восточной стороны домик почти целый стоял. Внутри лесенка наверх, поднялись. Проводник резко по углам метнулся, матрасы рукой потрогал, понюхал, сел на ящик.

– Что-то не так? – спрашиваю. – Матрасы в скатки скручены, ушли насовсем. На ночь не вернутся постояльцы. Не пересечемся.

– Не могу понять, кто здесь ночевал, – Проводник лоб недоуменно наморщил. – За собой убрали. Прикинь, ни одного свежего «бычка».

И сам закурил. Задумался. Блин, тебя, парень, в учебке не гоняли. Там все просто. Нашли в казарме окурков, построили роту после отбоя, и марш-бросок на двадцаточку с полной выкладкой. Там быстро к порядку приучают.

– Армейцы здесь были, – говорю, – посмотри на матрасы. Выложены ровно, как по

нитке. Четыре года курсантской жизни за спиной у постояльцев.

– Не радуется меня это, – Проводник вздыхает, – надежная точка была. Значит, так. Слушай все сюда! Лишних денег у нас нет, дальше пойдем не все. Я сейчас выйду, проскользну через разрыв в ограждении. Вы, два здоровяка, через час со всем грузом на пост идите. Отдайте им за проход пару «Макаровых», все равно они у торговца копейки стоят, и шлепайте по дороге до остановки автобусной. Там крыша целая – спрятаться от дождя можно. Там встречаемся. Вторая двойка нас здесь дожидается, потом помогут продукты нести до лагеря. У меня дорога длиннее и опаснее, сразу выхожу.

Часов у нас ни у кого не было, пришлось наугад время определять. По солнышку. По два рюкзака с железом за спину забросили и зашагали навстречу очередным неприятностям. Желтая колючая трава за ботинки цеплялась. Небо над головой тучами чернело, и только в разрывах виднелась весенняя синь и парящая в вышине птица. И я перестал грустить и гадать, куда приведет кривая. Меня уже не держали ни ноги, ни тормоза, а параллельным курсом, не обгоняя, не отставая, летел надо мной черномыльский ястреб. Альбатрос был бы еще лучше, да где его взять за тысячу километров от моря?

– Стой, кто идет?! – часовой голос подал.

Сердечко защемило. Неизвестно, сколько юноша с автоматом и чего выпил, и какую травку сегодня курил. Нажмет на курок, и здравствуй, князь Люцифер. На райские кущи я никогда не рассчитывал, да и что мне там делать?

– Позови начальника караула. Два человека идут к торговцу! – кричу ему в ответ.

– Иди сюда, сталкер, разговаривать будем, – из-под сетки маскировочной у костра приглашение раздалось.

Неплохо они тут расположились, с комфортом. Протянул я капитану два пистолета, он их в ящик бросил, и рукой махнул – «проходите». Нас долго уговаривать не надо. Поганое это ощущение – на прицеле находиться. Да еще когда в ответ нельзя огрызнуться. С Проводником не разминулись – он уже на остановке сидел.

– Дорогу запоминайте, – указание получили.

Урчание у Гаргантюа в животе всех собак на дороге распугало. Он бы точно их съесть попробовал. С асфальта свернули на грунтовый проселок и сразу в поселке оказались.

Пусто на Кордоне, даже угли в кострище холодные.

– Пошли сразу к торговцу, – Проводник командует. – Там и новости узнаем.

Наш блатной из подвала соседнего вылез и не с пустыми руками. Горбушку на три части разломал: один кусок сразу в рот запихнул, а две нам протягивает. Ну, надо же. Последним куском хлеба делится – это важно.

– Ешь сам. Не хватало, чтоб ты еще в голодный обморок упал, пока торговаться будем – говорю ему.

– Точно, – Проводник усмехается. – Сидоровичу слабину показывать нельзя, сразу тушенка с колбасой в два раза подорожают.

Гаргантюа в два жевка с хлебом закончил, и еще баночку с напитком у костра углядел. Тут мы все по глотку сделали. Кстати пришлось – пить хотелось.

Прошли поселок насквозь и сразу вход в подвал увидели.

– Заходите, гости дорогие, заждались, – из динамика донеслось.

Всегда так: кто-то Зону топчет, а кто-то плюшками балуется. Коридор под прямым углом миновали и в дверь бронированную уперлись. Проводник за штурвал взялся и на себя ее потянул. Сразу резко знакомым запахом обдало.

– Ясновельможное панство «Джонни Уокера» изволит дегустировать, – заключение выношу.

И рюкзаки на стойку бросаю. Гаргантюа за мной следом разгружается.

На виду бутылочка водочки стояла. Рядом с торговцем, только ближе ко входу, паренек сидел неприметный. Настолько, что отвернешься, и не вспомнишь, как он выглядит. Снял он с полки три кружки железные и водочку в них разлил. Из рюкзака достал хлеба белого каравай и кусок сала копченого в пергаменте.

– Режьте и ешьте, – предлагает. – И штрафную пейте. Чего надо?

– Тушенки ящиков пять, сухарей мешок, масла литров пять, муки, бинтов и аптечек без счета. Патронов к «Парабеллуму» тысячи полторы, уколов противорадиационных штук десять. Если на это нашего товара хватит, – отвечаю.

Пока говорил, Гаргантюа уже сало уполовинил. Сидорович ему тарелку с курицей пододвигает, а паренек неприметный банку тушенки открытую перед ним поставил. Подумал секунду и вторую рядом пристроил. Это он правильно сделал. Курочка сразу улетела, даже крылышками не взмахнула. Вот она была, и нету. Абзац подкрался незаметно. Консервы тоже исчезли моментально: два взмаха вилкой, и кусочком хлеба внутри жир со стенок соскребается. Завелись хозяева не на шутку – сало, курочка, банка огурцов маринованных, палка колбасы, тарелка с салом, сухари горкой. А не на того напали. Они ставят, а оно исчезает! Через две минуты пусто на стойке!

– Первый раз с Нового Года не голодный, – Гаргантюа высказался.

– И мальчику два ящика тушенки сверху, – паренек говорит. – На удачу. Как монетку в море на счастье.

– Я знал, что надо идти, сердце-вещун подсказало! – наш блатной брат ликует.

Мы ржем, а паренек все из рюкзака на стол вытаскивает.

– Требую продолжения банкета! – говорит.

К закуске торговец пожилой стал спиртное выставять. Виски с водкой вперемешку.

– Я со вчерашнего дня в завязке, – отказываюсь вежливо.

Кружку свою Гаргантюа пододвигаю...

Так вся эта компания оказалась в одно время в одном и том же месте.

Продолжение следует...